

Чувашский государственный институт гуманитарных наук
Чăваш патшалăх гуманитари йăслăхăсен институтĕ

ФОЛЬКЛОРНОЕ
И ЛИТЕРАТУРНОЕ ОТРАЖЕНИЕ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ
ПАМЯТИ НАРОДА

ХАЛĂХ ПУЛТАРУЛĂХĔПЕ
ИЛЕМЛĔХ АСТĂВĂМĔ ФОЛЬКЛОРПА
ЛИТЕРАТУРĂРА ПАЛĂРСА ТĂНИ

Чебоксары — Шупашкар

2006

*Печатается по постановлению Ученого Совета
Чувашского государственного института гуманитарных наук
от 29 июня 2006 г.*

ББК 83.3(2Рос-Чув)
УДК 821.512.111.0
Ф 75

Составитель и научный редактор
В.П. Станьял

Рецензенты

А.П. Хузангай, кандидат филологических наук
Г.А. Дегтярев, кандидат филологических наук

**ФОЛЬКЛОРНОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ОТРАЖЕНИЕ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРО-
ДА. Сборник статей по материалам научно-практических
конференций.** Чебоксары: ЧГИГН, 2006. —242 с. (На рус. и чуваш.
языках. Серия «Эткер»).

Сборник представляет собой собрание статей, докладов, сообщений литераторов, фольклористов, философов, культурологов, педагогов, филологов, принимавших участие в научно-практических конференциях, круглых столах и дискуссиях, проведенных отделом литературоведения и фольклористики ЧГИГН в 2003—2005 гг.

Адресована широкому кругу читателей, интересующихся духовным наследием народов Среднего Поволжья.

ISBN 5—87677—061—2

© Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2006.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издание «Фольклорное и литературное отражение художественно-эстетической памяти народа» (серия «Эткер») представляет собой сборник статей, докладов, сообщений, воспоминаний, оглашенных в 2003—2005 годах на нескольких конференциях и расширенных заседаниях отдела литературоведения и фольклористики Чувашского государственного института гуманитарных наук. Здесь, в первом выпуске серии, представлены лишь некоторые материалы, так как основные доклады и статьи опубликованы в сборниках и книгах «Классик чувашской литературы М.Ф. Федоров» (1998), «Наш Сеспель» (1999), «Революция в художественном сознании начала XX века и поэзия Михаила Сеспеля» (в 2-х книгах, 2001), «Народный поэт Чувашии Яков Ухсай» (2001), «Моисей Федоров: Тёпчевсем. Исследования» (2005), «Андрей Петтоки: осмысление жизненного и творческого пути поэта» (2005) и других изданиях.

Большинство исследований, обнародованных на конференциях, вошло или войдет в сборники и монографии научных сотрудников отдела Ю.В. Яковлева, А.Н. Тимукова, О.Н. Терентьевой, Е.В. Федотовой, Н.Г. Ильиной, В.В. Никифоровой, другая часть опубликована в журналах и в вузовских изданиях.

В данном сборнике в основном представлены материалы научно-практической конференции «Формы отражения: сущность и характер исторической, художественно-эстетической и мировоззренческой памяти чувашского народа», посвященной 175-летию со дня рождения выдающегося просветителя, исследователя и общественного деятеля Н.И. Золотницкого (14—15 декабря 2004 г.). На конференции были заслушаны и обсуждены доклады докторов наук, профессор-филологов Л.П. Сергеева, Н.П. Петрова, Д.В. Абашевой, Н.И. Егорова; историка Л.А. Ефимова; кандидатов наук — историка А.М. Симулина, этнолога Г.Б. Матвеева, филологов Ю.А. Смирнова, В.А. Абрамова, А.В. Кузнецова, А.П. Хузангая,

философов Г.Ф. Трифонова, М.П. Желтова, Э.В. Никитиной, психолога Е.Л. Николаева. Бурные дебаты вызвали выступления руководителей культурно-просветительских центров Р.Н. Чентаевой, В.А. Дедушкина, В.Н. Прохорова (Татарстан), В.В. Аксаковой (Марий Эл), краеведов В.И. Карпова, Е.Л. Ефимова, В.Н. Козлова, Л.А. Федотовой, Н.И. Петрова-Кельми. Обрадовали исследователи, учителя и методисты — участники секции «Формы изучения и пропаганды чувашского духовного богатства среди населения»: Е.В. Енькка, Г.Ф. Юмарт, С.А. Краснов, Н.Г. Иванова, А.А. Сосаева, М.А. Сорокина, Г.Л. Никифоров, П.А. Ялгир, Т.И. Кириллова и многие другие. Интересен был диалог между докторами наук и ученицей 10 класса Е.В. Комаровой по теме «Чувашские дохристианские личные имена как историческая память народа». Тогда такой диалог был первой пробой результатов введения в школу элективной программы по приобщению учащихся к научно-поисковой работе. Участники круглого стола «Чувашское мировоззрение» единогласно решили первую часть работы одаренной школьницы опубликовать в научном сборнике института, что и делается нами без поправок и добавлений. Закончив школу с золотой медалью, Екатерина стала студенткой ЧГПУ им. И.Я.Яковлева, имеет публикации в журнале «Народная школа» (2006).

Другие круглые столы обсуждали темы «Хранение и обогащение чувашского народного устно-поэтического творчества», «Ценности чувашской литературы на фоне мировой классики», «Традиции, духовные богатства и современное состояние чувашской диаспоры России», «Чувашская энциклопедия» и др. При таком диапазоне конференции, безусловно, тематика ее оказалась разнообразной. Сборник, состоящий из материалов еще и других конференций, носит многоликий, мозаичный характер. Тем не менее история и современность в нем связаны, если выразиться модными ныне иностранными словами, *модусом* (порядком развития исторической эпохи) и *темпусом* (временем происходящих на наших глазах событий). Отдавая предпочтение хронологии и логической последовательности размещения текстов, желательно также как можно полнее и компактнее преподнести содержание фундаментальных исследований и научных дискуссий. В прошедшее десятилетие жаркие споры шли вокруг новых терминов фольклористики и жанров литературы. В следующей книге

серии «Эткер» предполагаем поместить цикл статей по этой проблематике.

В сборнике выделены два раздела, в которых в равной мере представлены тексты, касающиеся различных вопросов гуманитарных знаний в области фольклора, литературы, философии, культуры.

Думаем, широкому кругу читателей интересны будут воспоминания А.Г. Исаевой о классике чувашской прозы Метри Исаеве, а также статья чувашского народного академика, писателя П.Н. Чичканова о своем учителе, талантливом поэте и рассказчике Нестере Янгасе.

По известным причинам финансового порядка с 1998 года остались неопубликованными некоторые материалы конференции, проведенной в честь 150-летия классика чувашской литературы М.Ф. Федорова. Исправляя этот вынужденный казус, благодарим наших верных друзей — исследователей Е.А. Лебедеву, М.Л. Копылову, Л.А. Слагаеву, а также выражаем благодарность археологу, неумолимому краеведу Е.П. Михайлову, написавшему к 100-летию поэта (1999) по нашей просьбе очерк о фотоснимке Михаила Сеспеля. Очерк уже имеет газетно-журнальную публикацию, для этого издания автором он пересмотрен заново.

Сборник выходит под рубрикой «Эткер» (Наследие), и полагаем, что, сохраняя лучшие традиции отдела, будет иметь регулярное продолжение. В первом выпуске почти все работы принадлежат молодым исследователям, поэтому мы надеемся на некоторую снисходительность взыскательного читателя.

ВИТАЛИЙ СТАНЬЯЛ,
*заведующий отделом
литературоведения
и фольклористики ЧГИГН.*

Часть I
Пёрремёш пай

ДОКЛАДЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ

ТУХСА КАЛАНИСЕМ
ТЁПЧЕВСЕМ

*Е.В. ЕРМИЛОВА, канд. филолог. наук,
науч. сотрудник отдела
литературоведения
и фольклористики ЧГИГН*

РОЛЬ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СТАНОВЛЕНИИ ЖАНРОВ ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В начале XVIII в. для чувашей, принявших православие, была организована Новокрещенская контора, и стали открываться школы. Чуваши, оставшиеся верными своей языческой вере, детей учили в приходской школе, и вся их культура оставалась устной. Древняя письменность жила в вышивках, украшениях, тамгах, знаках на надгробных камнях [Трофимов, 1972, с. 35—46].

В 1740—1764 гг. в новокрещенских школах обучалось свыше 300 чувашских детей. После окончания школы они становились церковнослужителями, переводчиками христианских книг. Тогда в русской церкви шла борьба двух течений. Иерархи, не принимающие новшеств, введенных Петром I, к вмешательству государства в религиозную жизнь относились отрицательно — это Московская академия, а другие, сторонники Киевской академии, следуя заветам известного религиозного просветителя Феофана Прокоповича, стояли за просветительство, старались открывать школы, обучать молодежь разным наукам. В такой ситуации чувашские дети начинают учиться в новокрещенских школах и духовных семинариях. В Казани открывается духовная семинария, где могли обучаться и чувашские дети. В 1738 г. в Казань прибывает на должность епископа Лука Канашевич, который стал вводить новшества в программу духовной семинарии в духе Киевской академии. В семинарии организовали группу переводчиков, «управляющим переводческой деятельностью

из школьников новокрещенских детей чувашского языка» назначили чуваша Ивана Михайлова. Известно, что переводчики работали преимущественно над жанром проповеди.

Казань сыграла большую роль в развитии просвещения чувашей в период плодотворной деятельности в должности Казанского епископа В. Пуцека-Григоровича. Именно благодаря ему зародилась традиция сочинений од на языках разных местных народов. Он хотел доказать, что на языках нерусских народов тоже можно говорить высоким стилем, произносить речи, посвященные высокопоставленным лицам. Именно ему принадлежит инициатива создания «Сочинений, принадлежащих к грамматике чувашского языка», напечатанных в 1769 г. Эта первая печатная грамматика чувашского языка «вызвана была к жизни, с одной стороны, для удовлетворения потребностей более подробного ознакомления с «инородцами» России, а с другой — для удовлетворения практических нужд сельского духовенства — хорошо изучить язык своей паствы для усиления продуктивности миссионерской деятельности среди нее» [Егоров, 1951, с. 85—92].

Авторство «Сочинений...» точно не определено. В.Г. Родионов считает, что ее составил Ермей Рожанский [Родионов, 1999, с. 20]. Появление печатной грамматики чувашского языка было большим событием в культурной жизни как чувашей, так и других народов Поволжья, так как они могли ориентироваться на нее, взять ее за основу при составлении своих грамматик. А для чувашей это значило, что их родной язык — книжный язык, который имеет большие перспективы. В Германии печатается рецензия на чувашскую грамматику. В других странах тоже замечают новую книгу. Это поднимало престиж чувашей среди народов мира, что положительно сказалось в дальнейшей сложной **работе по созданию литературных памятников разных жанров на национально-культурной и языковой базе.**

В 80—90-е гг. XVIII вв. в Поволжье служит Нижегородский епископ Дамаскин (Дмитрий Семенов-Руднев), под руководством которого был составлен «Словарь языков разных народов, в Нижегородской епархии обитающих, а именно: россиан, татар, чувашей, мордвы и черемис...». Ермей Рожанский, Григорий Рожанский и Иван Русановский, участвуя в этом грандиозном проекте, переводили слова с русского

на чувашский язык. Впервые в чувашской культуре они основали переводческую школу.

Д.Семенов-Руднев был одним из высокообразованных людей своего времени. Он окончил Московскую духовную академию, затем университет в Геттингене. Работал ректором Московской духовной академии. В 1783 г. стал епископом Нижегородской епархии и посвятил свою деятельность просветительству поволжских народов. С этой целью он привлекал способных, грамотных выходцев из коренных народов Поволжья. Одним из таких людей был чуваш Ермей Рожанский, с личностью которого связаны основные культурные события, произошедшие во второй половине XVIII в. Основанная им письменность дала начало чувашскому литературному языку. На этой письменности Василий Лебедев написал известное стихотворение «Пирён телей», Спиридон Михайлов-Яндуш издал книгу чувашского фольклора. Составленный при участии Рожанского Словарь языков разных народов... считается самым значительным из всех, изданных до XX в. С его именем связано становление в чувашской литературе жанра очерка, а также появление первой чувашской книги.

При составлении грамматики по образцам русских изданий, Е.Рожанский столкнулся с необходимостью перевода большого числа терминов и дал ряд неологизмов книжного характера. Фактически он является одним из основоположников чувашской письменности, основанной на русской графике, кириллице. Задолго до кириллицы у чувашей была древняя руническая письменность, реликты которой сохранились в орнаментах чувашской вышивки [Трофимов, 1972, с. 35–46].

Деятельность Рожанского была тесно связана с Д.Семеновым-Рудневым. В 1784 г. под руководством Рожанского в Нижнем Новгороде начинают готовить «Словарь языков разных народов, в Нижегородской епархии обитающих...». Чувашская и татарская части словаря подлежали редактированию Рожанского. К переводческому делу он привлек и своего сына, Григория Рожанского, и семинариста Ивана Татинского.

После завершения работы над словарем Рожанский приступает к переводам. По просьбе Дамаскина он сначала переводит «Краткий катихизис». Это был «первый миссионерский опыт и в то же время опыт перевода на чувашский

язык целой книжки» [Комиссаров, 1991, с. 93]. Автор и место перевода указаны в конце рукописи: «Переводил Ермей Рожанский, природой из чуваш, учившийся в семинарии Нижегородской». Рукопись Рожанского содержит два столбца на странице: левый — русский текст, правый — чувашский. В 1800 г. катехизис, переведенный Е.Рожанским, вышел в Петербурге. Как отмечает В.Г. Родионов, это ознаменовало новый период в чувашской письменной словесной культуре [Родионов, 1999, с. 43].

Рожанский переводит на чувашский язык также небольшие рассказы для детей Л.И.Бакмейстера, близкие к букварным текстам. Вот, например, рассказ «Птица»: «Сакă кайăк хуллен вĕсет. Вăл сĕр сине те ларкалать. Унăн суначĕсем хура, сăмси сивчĕ, хўри вара кĕске. Унăн йăвара шурă сă-мартасем» («Эта птица летает медленно. Она иногда садится и на землю. У нее крылья черные, клюв острый, но хвост короткий. У нее в гнезде белые яйца»). Или рассказ «Части тела человека»: «Сăмса питре, вăта сĕрте. Пирĕн икĕ ура, хамăр алăсенче пилĕкшер пўрне. Сўс пуç синче ситĕнет. Чĕлхепе шăлсем — сăварта. Сылтам алă сулахайинчен хăватлăрах. Сўç вăрам та синсе. Юн хĕрлĕ» («Нос расположен в середине лица. У нас две ноги, на руках по пять пальцев. Волосы растут на голове. Язык и зубы — во рту. Правая рука сильнее левой. Волосы длинные и тонкие. Кровь красная») [Рожанский, 1991, с. 7].

Е.Рожанский впервые ввел в чувашскую словесную культуру букварные тексты. Рассказы для детей в его переводах весьма совершенны. Они направлены на развитие навыков мышления детей. Их вполне можно сравнивать с рассказами, вошедшими позже в буквари И.Я.Яковлева. Так что Ермея Рожанского справедливо можно считать и зачинателем чувашской детской литературы.

В 1789—1790 гг. Е.Рожанский и его ученики подготовили учебную книгу, разделенную на 130 уроков. В это пособие вошло около 2 тысяч чувашских словосочетаний. Написан учебник на доступном языке. Им до конца XVIII в. пользовались в Нижегородской семинарии при обучении чувашскому языку.

Таким образом, переводческая школа Е.Рожанского способствовала становлению и развитию чувашского литературного языка.

Самое известное произведение Рожанского — это этнографические заметки «О чувашах, живущих в Нижегородской епархии» (1785), ознаменовавшие появление жанра очерка в чувашской литературе. В появлении очерка есть и заслуга Дамаскина, по заданию которого, в качестве части будущего словаря, были написаны заметки. Очерк получился сжатый и в то же время информационно насыщенный. В нем рассказывается о быте и культуре, обрядах языческих чувашей. Даются некоторые названия богов, разъяснено, у какого бога что просят, приводятся примеры молитв [Рожанский, 1991, с. 4]. Подробно описывается поминовение усопших. Представлены также образцы ежедневной молитвы чувашей-язычников, описываются обряды похорон, поминания, жертвоприношения в честь предков.

Очерк Рожанского отличается от «Ответов» Татищева уже своей цельностью, более плавным переходом от описания одного фрагмента духовной жизни чувашей к другому. Нужно отметить, что отсутствие ограничительных рамок (вопросов) позволило автору свободнее выразить свои мысли. На наш взгляд, сыграла определенную роль и образованность Рожанского, а также сознание того, что он писал это сочинение для словаря, адресованного многим читателям. По мнению Г.И.Федорова, при всей непосредственности и одухотворенности автора в тексте звучат беспристрастные интонации в повествовательной речи, налицо нейтральный, констатирующий взгляд на предмет описания [Федоров, 1992, с. 45]. На наш взгляд, это вполне объяснимо: материал готовился для читателей — представителей разных конфессий, сословий, наций. Кроме того, Рожанский стоял на границе двух религий: языческой и христианской; чувашаи языческой культуры выбрали его своим проповедником, а отчитывался он перед духовенством о работе по христианизации чувашей-язычников. Отсюда и вытекает нейтральный подход к предмету описания. Так, шаг за шагом, в истории чувашской литературы появляется и развивается жанр очерка.

Естественно, исследовательскими объектами авторов первых чувашских текстов становятся и чувашское слово, явления родного языка. Например, при переводе катехизиса автор, наблюдая сознание человека, его внутренний мир, желая его глазами посмотреть на переводимое, должен выбирать

нужные слова. Это новое авторское сознание, которое впервые появляется в письменной культуре. Автор старается понять и отобразить духовную культуру народа через языковые средства.

XVIII век — это эпоха, когда усилиями таких подвижников, как Е.Рожанский, зарождались письменные традиции чувашской учебно-дидактической и художественной литературы, к этой эпохе относится становление жанра **очерка**, появление начатков **публицистики**, **детской литературы**.

Жанры оды и панегирика

По свидетельству исследователей, в Казанской духовной семинарии было хорошо поставлено преподавание поэтики и риторики. Эта традиция шла от Киевской духовной академии. Успешное преподавание таких предметов положительно сказалось на развитии словесности, ее новых жанров. В XVIII в. на языках народов Поволжья появились первые панегирические стихи. На основе традиций Восточной Европы слагались оды. Деление текстов, по М.В. Ломоносову, на высокий и низкий стили обогатило литературу новыми жанрами. Первое стихотворение, написанное в жанре оды «от имени чувашских детей, обучающихся в Казанской новокрещенской школе», было посвящено царице Екатерине II:

Пѣлместѣпѣр эфир темѣн парас парня
Сана, чипер патша, порамаран Ання,
Йоратнашан пире! Пѣлместѣпѣр хальччен
Торра, хашѣ сѹлте; пѣлсен ытах чечен
Памалӑх саваншан нимех сок, чон анчах,
Парня выранне полтар вал та эппин санах!

Не знаем мы, что дать в подарок
Тебе, прекрасная царица, Мать всех нас,
За любовь к нам. Не знали мы доселе
Бога вышнего. По познанию же глубоко,
Чтобы отдарить за это, ничего нет, только душа:
Пусть же вместо дара хоть она будет Тебе [Комиссаров,
1992, с. 99].

Последующие стихотворения на чувашском языке были сочинены примерно в такой же форме. В период становления письменности выход в свет стихотворения на чувашском языке доказывал, что и на языках нерусских народов можно писать произведения, отвечающие требованиям высокого стиля.

Автор первого чувашского стихотворения неизвестен. По предположению В.Г. Родионова, его мог сочинить руководитель группы чувашских переводчиков Казанской новокрещенской школы Иван Михайлов. Это сочинение больше напоминает чувашское молитвословие (кĕлĕ сĕмахĕсем), чем оду [Родионов, 1999, с. 46]. Действительно, наблюдаются структурные параллели между молитвословием и одой. Но в плане содержания наблюдается иное: в молитвах, обращенных к богам, или в обряде поминовения предков чуваша предлагали в качестве дара душу жертвенного животного, а в анализируемом произведении царице в дар предлагается самое дорогое — своя душа. Поэтому есть основания утверждать, что это произведение выходит за рамки традиционного молитвословия и является художественным произведением, одним из истоков которого является устное народное творчество.

В 1781 г. неизвестным автором было написано и в 1782 г. опубликовано еще одно стихотворение. Оно посвящено празднику в честь образования Казанского наместничества. На празднике хор исполнял торжественные гимны, читались стихи на русском и других языках, в том числе чувашском. Чувашское стихотворение было напечатано русской графикой с переводом на русский язык.

Авал чухне Турă аслă аттесене

Пит хăратса пачĕ туре сырнисене.

А халь саваш Туррăн сывлăшĕпеле пирĕн

Кулуг Аслă Анне парать сĕн хут — турен,

Равасăр йăвашлăхĕ хăш савă сынсене

Туса пысăк хĕпĕр кĕртет пирĕн чунне.

Кунта час пит килсе тавă тума сире,

Селĕм турсем, ыт! Лайăх сак ĕспеле

Чунпа кĕлесе: Турă сĕр хут патăр

Пирĕн телей сĕлне равасăр чиперне [Родионов, 1999, с. 47].

По В.Г. Родионову, автор больше заботился о технике стиха, во имя этого искажая чувашские слова, меняя привычное их расположение. Авторами разрабатывался новый стиль, в котором слушателю были понятны только отдельные слова. Вот первоначальный текст: «Неудобоверному Еврейскому народу чрез Моисея дан был закон от Бога при горе Синайской с грозным и ужасным действием; ныне же мановением того же существа Премудрая наша Монархиня спасительные свои законы вводит и учреждает кротко и снисходительно, что всех Ея верноподданных возбуждая к радости и вечной благодарности движет наш дух и уста приветствовать Вас достопочтенное собрание сим благополучным происшествием с таковым усердствованием: да воздаст сторично великодаровитый Бог Виновице нашего щастия временная и вечная благая» [Родионов, 1999, с. 46].

Нелегко было этот сложный текст трансформировать в оду на чувашском языке. По мнению Г.И. Комиссарова, это очень неудачное стихотворение «написано на несуществующем языке». В XVIII в. восприятие чувашами христианства находилось на начальном этапе, и в их языке не было средств для выражения многих понятий христианства, перевода примеров из Библии. Поэтому стихотворение 1781 г. получилось искусственным. Но для словесной культуры своего времени и это произведение имело значение: оно еще раз подтвердило, что на чувашском языке можно сочинять стихи, оды, пусть пока и не совершенные. По сравнению с одой 1767 г. язык этого произведения сложнее, но лучше создан художественный образ царицы.

В 1788 г. в Москве была издана книга в честь Казанского архиепископа Амвросия, где напечатано похвальное слово на чувашском языке:

«Ялан ыра ёс хысёнчен тавă тăвмалăх пыраççе полатьран, çакă порне те сўлти хăлхана кертет, Хосанти вѐренмелѐх вѐренекенсем, санăн ыра тăвнă, сылтăмпе ялан витнисем, алла савăтнисем чăн сăвап патне килеççе халѐ сана паланмалăха (?) ѓнланса, хăвăн тав тăвмалăха кусем чонпах хётленни тарне паракан Тор хувăн ырлăхпе санăн тасалăхне, чипер поранмалăхне сыхласа, кăштах санăн пораннă консемре ырлăх сăмахпа ху пўрешрен пўресе пѐлтѐр сана, нумай çол çолланма» [Родионов, 1999, с. 48].

Текст неизвестного автора написан в риторическом, возвышенном стиле, где влияние русского оригинала сказывается весьма отчетливо. Однако прозаическая форма меньше соответствовала торжественной, приподнятой стилистике. Поэтому стихотворения-оды появляются чаще и чаще. Известно произведение, написанное в жанре оды и относящееся к 1795 г. [Комиссаров, 1992, с. 102]. Автор стихотворения не известен. По предположению В.Г.Родионова, автором оды мог быть Н.Я. Бичурин. Известно, что Бичурин в 1795 г. под псевдонимом «Н.Пичуринский» написал оды: на русском языке — «Сон», на древнегреческом — «Песня». Хвалебное стихотворение на чувашском языке вполне могло также принадлежать Бичурину. Оно сочинено по случаю дня тезоименитства архиепископа Амвросия.

Первая часть оды напоминает чувашское языческое молитвословие *кѣлӗ сӑмахӗ*, вторая часть — *нил* — благопожелание, благословение. Если в одах того времени основное место занимала тема восхваления, то здесь — благодарность и благопожелание. Высокий жанр русской поэзии содействует сложению в чувашской поэзии нового жанра, близкого к молитвословию и благопожеланию, чего в предыдущих сочинениях не наблюдалось. Они были чужды дохристианской культуре, непривычны для чувашского слуха. Сочинение 1795 г. позволяет говорить о том, что в период становления жанры будущей чувашской литературы складывались на основе устного народного творчества. Вот его текст:

Паян эфир айла тайнатпӑр,
Порӗ пӗрле хпӗрпе пӑхатпӑр.
Паян эфир ытах савнатпӑр,
Пӗрсе сӑратнӑ санӑн кон
Сана, атия, поҫ сӑкма,
Тав тӑвма килӗнетпӗр.
Сана тавӑ, атте, пире вrentнишӗн,
Рехмет сана хӑварманнишӗн.

Сей день мы, низко кланяясь,
Все вместе радостнозираем на тебя.
Сей день мы очень радуемся,
В день рождения твоего

Тебе, отцу, поклониться пришли мы,
Слава тебе, отец, за обучение нас.

Приведенные первые восемь строк оды написаны по канону чувашского молитвословия *кѣлӗ сӑмахӗ*. В молитвословиях всегда имеют место слова благодарности, притом с уточнением — за что они благодарят Бога. Для примера приведем слова молитвы *карта пӑтти* (жертвоприношение кашей духам-хранителям хлеба), записанные Д.Месарошем:

Тав тӑватӑп, пуҫ ҫапатап
Виҫ тӗслӗ выльӑх-чӗрлӗхшӗн.
Лайӑх хирте ҫӳресе картана кӗчӗҫ.
Тав Турра, ҫырлах.

Благодарствую, бю челом,
Ради трех родов скота.
Нагулявшись в добрых полях,
Благополучно вернулись в хлев.
Благодарение Богу. Помилуй [Месарош, 2000, с. 127].

Многие ранние оды и панегирики содержат непонятные для чувашей слова. В сочинении Бичурина впервые появляются такие детали чувашского фольклора, как молитвословие и благопожелание, то есть налицо прорыв дохристианского художественного сознания. Это было очень важно для слушателя (читателя), привычного к языческой культуре. В этом сочинении наблюдается явное следование канонам обрядовой поэзии (*кѣлӗ, пил*).

В XIX в. традиция сложения хвалебных стихотворений утрачивается. Последнее подобное сочинение было написано в 1801 г. в честь коронации царя Александра I. И русский, и чувашский варианты текста написаны прозой: «Паян вырӑс патша венчетлӗ. Эпир пит хӗпӗртетпӗр. Вӑл пире юратать атте пек, Торӑ та ӑна юратать. Вӑл чухне пирте уйра тырӑсем полнӑ чипер, ҫарансем лайӑх, выльӑхсем нумайланчӗҫ, эпир халӗ порнатпӑр пит чипер. Торӑ! Сана эпир чунтан кӗл тӑватпӑр, усра ӑна, килтисене те унӑнне, сывӑ, нумай ҫул авала!»

«Сегодня Государь Российский приемлет Скипетр и Корону. Коль велика наша радость! Он нас любит как отец,

зато и Бог его любит. При нем у нас и жатва обильна, и луга лучше, и стада многоплоднее; теперь мы живем спокойно. Боже! Тебя мы в простоте сердца просим, чтобы за то и в доме Его всегда обитало здоровье и веселье».

Панегирический текст не изобилует речевыми фигурами, но в нем отражаются национальный колорит, чувашское сознание, традиционная культура. Например, блага, которые у них есть благодаря царю, — это те блага, которые они просили у Туря (Бога) в своих молитвословиях. Текст 1801 г. еще раз убеждает нас, что в Казанской духовной академии к началу XIX в. на чувашском языке утвердился стиль риторики, что повлияло и на становление жанров оды и панегирика.

Из сочинений учащихся Нижегородской духовной семинарии известна хвалебная речь, посвященная царице Екатерине, написанная в 1787 г. Читается она трудно, содержит много искусственных слов. Подобная речь была сочинена еще и в 1788 г., по случаю окончания учебного года. В сочинениях нижегородских семинаристов нет параллелей с произведениями устного народного творчества, чего нельзя сказать о тексте «Похвального слова» 1797г. Мы согласны с мнением Г.И. Федорова, который считает, что из всех од, дошедших до сегодняшнего дня, эта ода является наиболее цельной в художественном отношении... Потому что, «как человек, хорошо знающий верования чувашей, автор «Похвального слова» тонко увязывает особенности письменных од и посвящений с устно культурными традициями чувашских рекуррентных типов речи: наговоров, заклинаний, молений, плачей и т. п.» [Федоров, 1992, с. 47].

«Пёрремёш Павъл Чулхулана килнё
ятпа калама сырнă сăмах

Савса санӑн сак Чолхола[на] килни каламалла мар хёпёртеттерчё пире. Чиперрён корнать хёвел сӑтти, нăмай сӑмӑр суса чарансассӑн. Лайӑхӑн тойнать пӑхма ашшӗ[не] ывӑлӗсем сине, хӑнча вӑлсем ойрӑмӑн нăмай сӑресе каллах тавӑрнса пёр-пёрне корсан пит хёпёртессӗ. Онтан та ытларах эпёр халь сана корсан хёпёртетпёр. Эсӗ, пысӑк ёмпӑлӑх, пире, хёвел сӑт тӗнчене [ӑшӑтнӑ пек], санӑн хитре, тӑрӗ чорасене ӑштатӑн, чӗртетӗн, ӑслӑ таватӑн. Эсӗ ӑшӑрах тӑван сӑнсамчен,

пор сынна, пёрне те хавармасар, варлӓ пӓхатӓн. Эсӓ, нимӓн вырӓнне картмасар санӓн хитре порнӓсӓне, сӓвап тоса сӓуретӓн сынсане, самай ашшӓ коспала пӓхатӓн холасане, саласане, ялсане. Мӓскерле порӓ сӓкӓ хӓпӓртеттерет пирӓн варсане — топаймастӓпӓр ситес сӓмах каласа кӓтартмашкӓн.

Мӓн парӓпӓр сана, сӓваплӓ патша, пире ати пек пӓхнӓшӓн? Нимӓн орӓх [сӓок], анчах вар панчи ывал[ӓн] пекки кӓмӓлне сана пирӓн кӓтартма кирлӓ.

Илсем, сӓваплӓ ӓмпӓлӓх, сӓк вар пеккине пиртен, сана каласа кӓтартнине. Мол пирӓн сана кирлӓ мар».

1797

Эта ода написана в форме, близкой заговорам — *вӓрӓсуру чӓлхи*. Например: как радуется солнце после дождя, как радуются встрече отец и сыновья, так и мы радуемся приезду царя [Родионов, 1999, с. 51]. В обрядовых текстах *чӓлхе* «сужение угла зрения дает отрицательный эффект: когда Человек сглазит Солнце, пусть тогда лишь падает на ... сглаз; когда Человек сглазит Луну, пусть тогда лишь ...; когда Человек сглазит Звезду ... Причинно-следственная модель «когда, тогда» приводит обычно к исходу — *никогда*. В оде Рожанского сужение поля зрения дает обратный (энантиосемический) эффект; приводит к положительному исходу — рождению любви. Регламентированное слово выводится за пределы ритуального круга и превращается в эстетический фактор» [Федоров, 1992, с. 48—49].

В «Похвальном слове» мы видим психологический параллелизм: солнце — отец — царь. В фольклоре часто встречаются сравнения явлений природы с обществом, семейным бытом. У чувашей также существовал культ солнца, «как у всех языческих народов» [Соколов, 1887, с. 3]. В конце произведения, как и в других одах, встречается своеобразное клише «Пирӓн мул сӓк, илсем ун вырӓнне вар патӓнчи ывалӓн пекки кӓмӓлне». Это можно перевести примерно так: «У нас нет богатства, но взамен него возьми сердечную сыновнюю любовь». Традиция использования этой детали восходит к жанровым требованиям оды, то есть принадлежит иной культуре, пришедшей к нам с христианизацией.

Если в предыдущих одах и похвальных речах наблюдается схожесть с такими жанрами устного народного твор-

чества, как *кѣлѣ* и *пил*, то здесь имеется связь с иным образным текстом — *вѣру-суру чѣлхи*. Этим еще раз подтверждается наличие фольклорных истоков в становлении жанров чувашской литературы.

Мы разделяем мнение Г.И. Федорова об одах исследуемого нами периода: «Оды конца XVIII и начала XIX вв. как бы синкретичны, они вбирают в себя свойства и похвального слова, и посвящений. Развитие дифирамбической речи в эту эпоху напрямую связано с необходимостью соблюдения канонов ритуальных жанров, создаваемых по строго определенным законам. Важно было учесть также особенности церемониального протокола, регламентирующего весь ход проведения какого-либо важного мероприятия» [Федоров, 1992, с. 46].

Таким образом, в XVIII — начале XIX вв. наблюдается становление таких жанров, как ода и панегирик, вобравших в себя и определенные элементы устно-поэтических традиций чувашского народа.

Становление жанра проповеди

К концу XVIII в. чувашские уезды Нижегородской губернии передаются в состав Казанской и Симбирской губерний. В связи с этим в Нижегородской епархии переводческое дело идет на спад, и его центром становится Казань. По указанию Синода, в 1803 г. в Казанской духовной семинарии переводят на татарский, мордовский, чувашский, марийский, вотяцкий и карельский языки целый ряд религиозно-богослужбных текстов.

Краткий катехизис и молитвы в 1803 г. были переведены и в Оренбургской епархии. Они были намного хуже, чем казанские переводы. Поэтому для печатного тиражирования выбрали казанский перевод. Он был напечатан в 1804 г. в Москве под названием «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг божественного писания» [Петров, 1978, с. 7]. Книга состоит из двух частей: первая (12 страниц) — букварь, вторая — перевод молитвы, символа веры, десяти-словие и катехизис. В 1807 г. книга была переиздана, а в 1852 г. вышло в свет третье издание (без букваря).

В 1809 г. в Москве были изданы «Церковные молитвы и исповедь на чувашском языке» без указания переводчика. Качество перевода весьма невысокое.

В 1818 г. были открыты казанское отделение Библейского общества и его филиалы, в том числе и на территориях с чувашским населением: в Алатыре, Ишаках, Цивильске, Ядрине, Чебоксарах. В их обязанности входили распространение христианства и перевод богослужебных книг. Было переведено четвероевангелие под редакцией Шалиева. В том же году в Москве было издано «Слово о христианском воспитании детей» в переводе А.Алмазова. Эта книга поучений и проповедей была доведена до всех церквей в чувашских населенных пунктах. Таким образом, зарождается дидактический жанр поучений, пропагандирующих правила христианской религии и этики. Поучение — это одна из форм проповеди. Языковая форма переводных текстов весьма несовершенна. Представление об этом можно получить из следующего фрагмента:

«Хойах сывляшпала коратпӑр, што нумай ачасам сӑмӑрӑк чохлах пӑсӑласӑ. А сӑкӑ онтан полать, што ашшӑ-амӑшсам вӑрентмесӑ. Нумай ашшӑ-амӑшсам вӑрентесӑ хва ачисане тумашкӑн ойрӑм ӗссане. Ку порнӑспалах пӑтекенсане, но тӑне кӑртнисане килӑшекен вӑрентнине кӑтартмасӑ. Е тӑрӑ порнма хва ачисане вӑрентме тӑрӑшмасӑ. Сӑпла ашшӑ-амӑшсам хва ачисане сӑратасӑ ку пӑтмелли порнӑшӑн, но ӗмӑрлӑх порнӑс патне алӑксане хопасӑ» [Родионов, 1999, с. 11].

Повествователь призывает принявших христианство чувашей учить своих детей жить в любви к Богу. Автор использует и такие художественные приемы, как сравнения, помогающие убедительно изложить мысли, а также придающие произведению пафос возвышенности. Этот пафос наблюдается уже в одах и панегириках XVIII в., а затем находит развитие в жанре поучений. «Слово о христианском воспитании детей» можно считать первым пособием для обучения молодого поколения правилам поведения, христианской этике» [Родионов, 1999, с. 73].

Таким образом, в Казанской переводческой школе в начале XIX в. осуществляется перевод на чувашский язык проповедей и поучений, это обогащает чувашскую письменную словесность таким новым жанром, как **поучение**. В этом деле большую роль сыграли А.Алмазов и П.Талиев.

Н.Базилевским переведено воззвание Российского Библейского общества «Тӓнлантарса кӓтартмалли библейской поххийӓн шохӓшӓ ҫинчен» (К объяснению мысли библейского сборника) (издано в 1819 г. в Петербурге). По мнению В.Г.Родионова, его также можно отнести к жанру поучений. Разъясняется, почему чуваши не могут жить правильной жизнью — все беды исходят от незнания закона Божия: «Торӓ законне пӓлменнӓрен анчах, хӓш ҫутӓсӓр поҫне этем полтаримасть порнма тӓр пурнӓҫпа, хӓшсӓр поҫне пӓр-пӓрне пичейла пӓр чонлӓ полӓшлани полмасть». Здесь же излагаются факты из жизни, то есть подключается историческая реальность, что сближает текст с жанром очерка: «Пирӓн тӓп хола-ра — Питӓрта — Торрӓн тӓп сӓмахне йӓратакансам пӓрле поҫтарӓнса пор вӓйсампа шохӓшларӓҫ тӓрмашкӓн пор халӓхсамра Иисус Христос вӓрентнине сарӓлтармашкӓн вӓй ҫитнӓ таран окҫа панипа, онтан поҫтарнӓ молпа Торӓ законӓн кӓнекисане пор тӓслӓ чӓлхесам ҫинче печатлесе кӓларасшӓн. Ку ыра ӓҫшӓн пирӓн аслӓ ӓмпӓ та ҫолленех парать воншар пин сом. Ҫак ыра хыпарне илтсессӓн нумай халӓхсам хӓпӓртерӓҫ, хуне уҫса кӓтартма, Торрӓн святой вӓрентнипе паллашмашкӓн май полӓ тесе: онпала нумайсам вӓлсамран хусамӓр портан вӓй ҫитнӓ таран шохӓшларӓҫ полӓшмашкӓн Торӓ сӓмахне печатлесе кӓларасшӓн». (В нашей столице — в Питере — любители Слова Божия, собравшись вместе, решили по мере сил распространять учение Иисуса Христа: собрать деньги и на эти средства издать книги Закона Божия на разных языках. Для этого благого дела и царь ежегодно отдаёт по десять тысяч рублей. От этой доброй вести рады многие народы. Они рады оттого, что можно будет ознакомиться с учением Бога; решили и сами по мере сил помогать в издании книг) [Родионов, 1999, с. 77].

Повествователь использует в тексте риторические фигуры: «...чӓваш чӓлхи ҫине те святой евангелне ҫавӓрса хорӓҫсӓ, телейсӓр чӓвашсам та пӓлменнин тӓттӓмне силлесе час кӓрӓҫ ояр конне» (Святое Евангелие переведут и на чувашский язык, и несчастные чуваша, встряхнув с себя темноту незнания, войдут скоро в солнечный день).

Использование вопросительных и восклицательных предложений усиливает экспрессию. Применяются сравнения, символические образы: «Пӓхсамӓр сирӓн порнӓҫ ҫине! Ӕсӓр

порнатӑр Торӑ законне пӗлмесӗр ҫӗтсе кайнӑ этем пек, тинӗсри хом хошшинче пӑхакансӑр поҫне сӗрекенскер пек. Ҫавнашкал этем пӗр сахатра ырапа полма полтаримасть, текех шохӑшлать вара мӗн те полин осал тӑвасса. Тӑрмашӑр ыра хыҫҫӑн отмашкӑн шойттан тетелсамран хӑтӑлас вара. Вӑл тӑрмашать мӗн тытмашкӑн сире вӑлсампа, поллине тытакан полӑҫӑ пек» (Посмотрите на свою жизнь! Вы живете как человек, затерявшийся по незнанию Закона Божия, как без пастыря, бродящий среди волн моря. Такой человек не может в одночасье с добром, думает сделать что-нибудь нехорошее. Старайтесь идти за добром, тогда можете спастись от нечисти. Она старается поймать вас, словно рыбак хочет поймать рыбу).

Переводческая деятельность Базилевского способствовала становлению жанра поучений, впоследствии обогащенного фольклором.

Курмышское отделение Российского Библейского общества в 1819 г. начинает готовить рукопись чувашского перевода Евангелия. К этой работе были привлечены священники П. Яблонский, Я. Березин, Я. Федоров, С. Добросмыслов, М. Вознесенский, И. Лебедев. Особенно удачным был перевод Евангелия от Матфея.

В 1832 г. В. П. Вишневский переводит на чувашский язык книгу «Начатки христианского учения, или краткая священная история и краткий катехизис». В начале книги дан букварь. Язык перевода прост и доступен: «Нойӑн виҫӗ ывӑл порчӗ: Сим, Хам, Яфет ятлисам. Вӑлсамран, шыва типсесӗн халь порнакан ҫанталӑкра ҫынсам сарӑлчӗҫ. Хам картмарӗ ху ашшӗне, оншӑн вара ӑна ашшӗ ылханчӗ. Хамран шыва типсесӗн, осал ҫынсам каяллах тохрӗҫ...» (У Ноя было три сына: Сим, Хам, Яфет. От них, когда вода высохла, пошли все люди, живущие сегодня в природе. Хам не послушался своего отца, за что отец проклял его. От Хама, когда высохла вода, вышли злые люди...) [ЧДЛ, 1989, с. 78].

В. П. Вишневский хорошо знал и быт, и культуру чувашей. Его книга была не только своего рода пособием для обучения чтению чувашских детей в учебных заведениях. Сюжетные тексты выполняли и роль произведений художественной литературы. Как уже было отмечено, представленные в книге поучения близки и к жанру очерка, так как в их основе — народные традиции, поверья и обряды. Если в

подтечениях наблюдаем элементы дидактики, то в очерках явственно выражаются этнокультурные особенности чувашей.

В.П.Вишневский не оставлял без внимания и вопросы лингвистики. В 1832 г. в журнале «Заволжский муравей» была напечатана его статья «О чувашском языке» со сноской: «Из предуведомления к чувашскому словарю». Исходя от этого, можно предполагать, что В.П.Вишневский принимал участие в работе над «Словарем чувашского языка», изданном в 1836 г. вместе с грамматикой. История этого словаря связана с именем Н.Я.Бичурина, который предложил Вишневскому подготовить его. В 1836 г. издается книга «Начертание правил чувашского языка» В.П.Вишневского со словарем. В 1843—1844 гг. Вишневский подготовил работу «Поучения о тщете чувашских суеверий». Эта работа объединяет начала **очерка и поучения**. Повествователь ведет речь о культурной жизни чувашей, оценивая ее с точки зрения христианства: «Сирён-тен вара номай хальччен христианский законне тиркемессё, чиркёве кёлле пымассё, поп вёрентнине итлемессё, праздник консане хыта тытмассё; Торра чўклессё килти выльах-чёрлэхпа, чиркёве сайра-хутра пырассё, въл та вайпа хаваланă чохне; тастан тяхунче (?) та каларнă осал киремете картассё, пит шанса порнассё соясă йомсăсане; тене кёмен тотар пек, вырăс арни конне вырăнне арня конне ояссё; мӓн конне ырӓн оямассё, осал йӓла пирки мӓн конта Торра чўклессё пӓтӓпа, мӓн кон ситиччен шотсӓр ёсме тапратассё; вилнӓ хорӓн-ташсане асӓнма каяссё, хывассё вӓлсане икерчӓпе, хӓпартупа, сӓрапа та сӓрмара: савнашкал сирӓн хывни вилнисане мар, высӓ варӓ йытӓсане, кайӓксане та пани полать» (Из вас многие пренебрегают христианским законом, в церковь на службу не приходят, не слушают поучения попа; праздничные дни не учитывают; приносят в жертву Богу домашних животных, в церковь приходят изредка, и то лишь тогда, когда пригонят силой; почитают откуда-то давно придуманный киреметь; очень верят в обманщиков-юмзей; как некрещеный татарин, **вместо воскресенья считают пятницу**; пасху отмечают не так, как надобно: по старой злой вере на пасху Богу в жертву приносят кашу, до пасхи начинают пить без счета; идут поминать усопших родственников, поклоняются им в овраге блинами, пышками, пивом. Это ваше поклонение не усопшим получается, а голодным собакам, птицам достается) [Вишневский, 1846, с. 3].

Таким образом, в начале XIX вв. в чувашской письменной культуре возрастает значение положительных знаний, осмысления фактов языка. На первый план выходят книги, возрастает значение школы. Естественно, их функции были напрямую связаны с христианизацией, распространением религиозного учения, однако они немало послужили **становлению жанров** чувашской литературы. Чувашские переводы «Священного писания» и «Катехизиса» более тридцати лет служили учебными пособиями. Велика их роль и в становлении жанров литературы, в частности, очерка и проповеди.

В.П.Вишневский переводит книгу «Начатки христианского учения, или краткая священная история и краткий катехизис», в начале которой дан букварь. Язык перевода прост и доступен. Знание Вишневским жизни, быта и культуры чувашей позволило написать ему книгу, которая была не только своего рода пособием для обучения чтению чувашских детей в учебных заведениях, а также книгой, где сюжетные тексты одновременно выполняли и роль произведений художественной литературы. Представленные в книге поучения близки и к жанру очерка, так как в их основе — народные традиции, поверья и обряды. Если в поучениях находятся элементы дидактики, то в очерках выражаются этнокультурные особенности чувашей. «Почтения о тщете чувашских суеверий» Вишневского также объединяет начала очерка и поучения.

В процессе переводческой и оригинальной литературной деятельности в начале XIX в. появляется жанр поучений, близкий к жанру очерка; в их основе находятся народные традиции, поверья, обряды.

Во второй половине XIX века тексты поучений меняются. В них становится меньше описаний дохристианской культуры, они более близки к церковным проповедям. Они читались в храмах, печатались в букварях, находились в рукописном варианте (В.Громов). Например, Н.И. Золотницким в букварь включены тексты, близкие по своей форме и содержанию к жанру проповеди. Вот один пример: «Сюрьювэ Торра посьсыпма перлэ кайбыр. — Тора порьнэ дэ перь сумах-па тувре; эдэм клеткинэ Тора тупра-ран тувре. Первейги арзин Адам, первейги хирьярым Ева ятлы. Христос пюльтсинэ хобарны. Тора пирэ порнысь паны. Тора ирик-сырь сют-сяндалык-ра нимискерь дэ польймасть. Тора пилеть пирэ минь

кирлинэ. Йорадыр перь перьнэ» (В Цивильск молиться Богу вместе пойдем. — Бог всех создал одним словом; плоть человека Бог сделал из земли. Первого мужчину зовут Адам, первую женщину — Ева. Христос вознесся на небо. Бог даровал нам жизнь. Без воли Бога в природе ничего не совершается. Бог знает, что нам нужно. Любите друг друга) [Золотницкий, 1870, с. 10].

Как утверждает М.М.Тареев, проповедь обычно выступает в 3-х своих основных формах: беседы, поучения и слова, последняя из которых является художественно-ораторской формой. Церковь в момент призвания говорит проповеднику: «Будь тем, что ты есть на самом деле, говори так, как можешь и как умеешь» [Тареев, 1903, с. 682]. Классическим примером проповедей второй половины XIX в. являются «Катехизические беседы на чувашском языке, произнесенные в Михайловском храме и Николаевском приделе Церкви села Ишак Священником Василием Грозовым в 1850—1852 гг.». Рукописный том «Катехизических бесед» В.Громова хранится в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук [Отд. I, т. 324].

В.Громов провел 60 катехизических бесед. Каждая его беседа посвящена отдельной теме, что отражено в их названиях: «Катехизическая беседа первая. О необходимости веры христианской и благочестивой жизни ко спасению» произнесена февраля пятого дня, «Беседа вторая. О Божьем единстве» произнесена февраля 12 дня, «Беседа третья. Святой Троицы: Воламаллы мун Торависсиленьчен», произнесена февраля 26-го дня 1850 г. и т.д. Для примера проанализируем «Беседу первую». Она исписана мелким почерком на семи страницах. Начинается проекцией «Послания к Ефессянам» на чувашском языке: «Сыре Крешин Чувашсам! Христос Тора кумул асла кутартре: тине-кины-синзама тувре. Учуне пилми халыхсамба сыре танаштармаре; вырысла юллаба порнагган Чуваш-халых болдыр дезе, сыре тине кюртресь, крешинзам вырынне иньде сыре хордасье киреккамда. Аньчах агаль ятшин мар сыре Чиригге киреггензане тувресь, а чибержильшулла синзам поласшин, сыре тек вирентьмеллих хьдапыхса осрамаллых да» (Ефес. 11. 2–5).

В.Громов на полях так и помечает: Ефес. 11. 2–5, Рим. 11. 4, Матф. XXII. 2, 11–14. и т.д., указывая таким образом тексты из Библии, которые он переводит на чувашский язык.

Начало «Беседы» В.Громова, которое мы привели, дословно переводится на русский язык следующим образом: «Вам, Крещеные Чуваши! Бог Христос оказал великую милость: сделал вас крещеными людьми. Он не сравнил вас с несведущими народами; вас крестили, чтобы вы были живущими по русским обычаям Чувашиким народом. [Вместо того, чтобы называть вас] крещеными, вас любой мог оскорбить. Но не для галочки сделали вас народом, вхожим в церковь, а для того, чтобы быть вам людьми пристойными, учить, хранить вас» [Отд. I, т. 324, с. 3]. При сравнении видно, что текст беседы В.Громова отличается от текста «Послания к Ефесянам», но суть одна и та же. В.Громов в данном случае является, по Д.С. Лихачеву, соредактором перевода «Послания к Ефесянам». Учитывая незнание чувашиками русского языка, а также Библии, Громов ведет беседу с прихожанами простой разговорной речью. После вступительной части речи (обращения, пояснения преимуществ крещения) автор беседы ведет к тому, что большей пользы от крещения не будет, если новокрещенные будут жить по своим старым дохристианским обычаям. В тексте проповеди наблюдается плавный переход к дидактической части проповеди: «Тора кюдет кирек хуш синдан харебер у чуин ирикпе, ириксыр мар, ыра чонла болдыр, тюрлендыр, сильхсанчен тазалдыр. Крешн ятран нумай оссы больме синна, тине-киныранда; кайран сильх синьчех вул чопсан (Рим. 11.4) (Бог ждет от любого человека [что тот] пусть по воле собственной души, а не по неволе, будет с доброй душой, исправится, очистится от грехов. От имени «крещеный» пользы много не будет человеку, от крещения тоже, если потом он будет бегать на грехах)».

Далее приводит пример об одном колдуне по имени Симон, который принял святое крещение физической стороной обряда, но душою не принял. А затем прямо обращается к слушателям-новокрещеным: «Сагт синна болныне юри сана калаза кутардадып, санын-да он-бек болас-мар мин (О том, что случилось с этим человеком, специально тебе расскажу, чтоб и тебе таким не быть)».

В беседе Громов обращается к адресату в единственном числе — это специальный прием проповедника, как бы обращение к каждому новокрещеному индивидуально. Факт о Симоне подтверждается тем, что об этом написано в Божьей

книге: «Тора кнеггинче іоріях ку ись сирза хварны, ыттизани іулом тек астувмалых, ондан ус илмеллихда (В Божьей книге намеренно записано об этом, намотав на ус, чтоб другие помнили впредь)».

И только после вступительной части проповедник начинает рассказывать притчу о царе, который сделал брачный пир [Матф., XXII, 2, 11–14]. Слово «притча» он переводит как «юмах» — 1. сказка, 2. беседа, разговор [ЧРС, 1982, с. 639]. Приведем текст с буквальным переводом для сравнения с указанным В.Громовым источником. «Христос синьчен сирза хварны кнеггинче, ыра-хыбар ятлынче, ак минле іомах іуггерны: пер син той-иське тувре, дезэ каларе Христос, <нрзб> синзани ошкынебе онда кюртнычох перьлех онда киче перь намызсырдарях син кильшмес-томдир тыгынза. Кил-хози кона корзасын хыдах пурма посыларе она, ма конда ку томдирьбе кидын дезэ; мана-да намыс, ыттизанеда конда ларагганзани иирнчик поладын. Вул хуна преда чиньмере хирсь; кона чимьзыр іолныпе кил-хози сыавын орузани аллузанеда сихса, прахма каларе тютюм-сире, онда маггыр-маллы шилзам-да кычырдатмаллы больче кона (В книге, где написано о Христе, в Евангелии, вот какая беседа записана, один человек сделал брачный (свадебный) пир, сказал Христос, когда людей выпускали туда толпой, зашел со всеми вместе и один бессовестный человек в несоответствующей одежде. Увидев это, хозяин дома стал сильно его журить: «Почему зашел сюда в такой одежде? И мне стыдно за тебя, и другим, сидящим здесь, ты отвратителен». Этот гость промолчал в ответ. [В ответ] на его молчание хозяин велел связать ему ноги и руки и бросить в темницу. Там ему пришлось плакать и скрипеть зубами)».

«Иисус, продолжая говорить им притчами, сказал: Царство Небесное подобно человеку царю, который сделал брачный пир для сына своего <...>. Царь, войдя посмотреть возлежащих, увидел там человека, одетого не в брачную одежду, и говорит ему: друг! как ты вошел сюда не в брачной одежде? Он же молчал. Тогда сказал царь слугам: связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов...» [Матф., XXII, 2, 11–13].

Как видим, В.Громов старается «быть тем, кто он есть на самом деле», и «говорит так, как может и умеет» (М.М.Та-

реев). В.Громов одновременно является здесь и проповедником, и переводчиком, и соавтором. Несведущим в священном писании и вообще только что знакомящимся с христианской религией он просто и доступно рассказывает о написанной в Евангелии притче.

Конец притчи: «ибо много званых, а мало избранных» [Матф., XXII, 14] В.Громов объясняет прихожанам просто-ранно, стараясь довести им смысл притчи. Говорит прямо: «Ку юмахран ак мин чохлыза илмелле: пор синзэнин Торран тине кимелли-сире чиньнызэнин, чибер таза-чонла, таза-томдир тыгынныбек, сюрес-болать, ыра сонныбе, ыра-ку-мулла порынгалазы, никамада хаяр-сонас мар, таза мар сюрезэнь, авалги Чуваш-юлланы прахмазыр турза, лабырчик-томдир изэ сюреньибегтех болать син, сявыншыи тамык-тюпне анмалла юмюрь юмюрех юлезэ макрасшин (Из этой беседы (сказки) вот что нужно уразуметь: все, кто приняли крещение Бога — вам, званым, с хорошей чистой душой, как в чистой одежде надо ходить, с пожеланиями добра, жить в хорошем расположении духа, никому не желать зла; (если) ходить в нечистой одежде, жить по старым чувашским обычаям, то будет так, как будто ходите в нечистой одежде, за это надо будет спуститься на дно ада, чтоб плакать в голос во веки веков)».

Таким образом, В.Громов пытается объяснить ново-крещеным, что жить по старым обычаям — это тяжкий грех. Придерживание традиционных обрядов и обычаев проповедник сопоставляет с ношением грязной одежды. Проповедь в форме беседы В.Громова является текстом религиозно-назидательного содержания, что вполне отвечает требованиям данного жанра. Беседы проповедника являются одновременно и текстами назидательного характера, что также не чуждо жанру проповеди, беседы Громова можно охарактеризовать как классические примеры жанра проповеди. В большинстве своих бесед В.Громов придерживается тех правил, которые рекомендуются миссионеру: «евангельская кротость, любовь к иноверцам и новокрещеным» [Никольский, 1912, с. 155].

В поучительно-назидательном стиле ведет свои проповеди В.Громов по 35-ю. А 36-я беседа, она называется «Против суеверий Чуваш», произнесенная 16 июля, отличается от предыдущих и последующих тем, что проповедник выступает

в них резко и даже оскорбительно по отношению к чувашам, их предкам и старой чувашской вере. Вот отрывок для примера: «Эза тине кидын, хрес прахмастын, Чирьгте киредын, попсене керли чох киль тувдарадын, Вырысла юллаба мар сяпла ху чонна сюлас тедын? Мин тада санын лабарданас Чувашлыбе? <нрзб> Мун Торра онда чух тувса посьсябасьси. Кам сявна тувма каланы вулзане? Мун Торры угу иринеть сявындан. Онын сируран чохларын иньде халь: Христос Онын Увыле калатьче: кирек миньзиньчен посьсябас тезен деть, Черггире киль тувма хланчер каларе: пире услурахси халахсам вурмана мар, Черигте киресьси кильгилезэ посьсяпма, сирин авалги вадтызам пиде ытти нумай халыхзаньчень услурах полны-и минь? Шойтанзам вулзам вадтызане астарасьси, а вадтызам сыре астарасьсе. Чук туна сирьде шойтанзам пиде охода порынма. Вулзам ой турух сюресшин мар, шузыр сирьде каясшин мар, чон канмалли сирьде пиде чобасьси. Съта халых шилза хварать шупырба, мун хоран сяггать аш пизерес шуба, сыра кюреть пичкезамба, вылих янтлать пузасшин, юн юхтарасшин, чонзам кларасшин: вулзам онда пиде хиберьдесьси, аш тудыба туранасьси <...>» (Ты принял крещение, не оставляешь крест,ходишь в церковь; когда надобно, просишь попов прочесть молитву, хочешь спасти свою душу не по русским обычаям? Что еще тебе возиться с Чувашским? <нрзб> когда находитесь там, поклоняетесь Великому Богу. Кто вам велел этого делать? Великий Бог пренебрегает [вашими поклонами]. Из его письма [ты] понял сейчас: Христос, его сын, говорил: молиться надо приходить в церковь, нам поумнее народы [учили] не в лес, а в церковь приходить молиться, ваши древние предки умнее что ли были других многих народов? Черти они увлекают стариков, а старики вас увлекают. Черти очень любят жить в местах жертвоприношения. Они не хотят ходить по полям, не хотят идти в безводье, любят бегать в месте, где отдыхает душа. Где народ замечает метлой, вешает большой котел, приносит воду для варки мяса и в бочках пива, приготовит скот, чтоб его заколоть, пролить кровь, испустить души: они [черти] там ликуют, живут вкусом мяса <...>) [НА ЧГИГН. Отд. I, т. 324, с. 163]. Здесь В.Громов проявляет такие качества, которые в миссионере осуждаются: «грубость и досадительные слова» в бе-

седах с инородцами о неправоте их религиозных верований. Приказание, угрозы <...> (в данном случае — устрашение адом, дном ада. — *Е.Е.*) называются в инструкции «насильством совести», каковое только «ожесточает язычника и магометанца» [Никольский, 1912, с. 155].

Почитание старших, уважение к старости в чувашских семьях в детях воспитывались с самых ранних лет. Об этом говорят чувашские пословицы и поговорки, поверья, сказки, а также это подчеркивается в этнографических очерках (Н.М.Охотников, Г.Т.Тимофеев и др.). Например, пословицы говорят о том, что надо слушаться стариков, что присутствие стариков это уже есть порядок: «Ватта итлес пулать, сáмрáка вёрентес пулать» (Стариков надо слушаться, молодых надо учить), «Ватти сук — латти сук» (Нет стариков — нет порядка). К менталитету чувашей относится такая черта, которую можно выразить такими словами, как «не ударить лицом в грязь», не потерять своего человеческого достоинства, желание не допустить к себе неуважительного отношения перед глазами своих детей, т.е. старший (предок) должен быть обязательно уважаемым перед глазами молодого (потомка). Это мы наблюдаем и в одном из этнографических очерков Г.Т.Тимофеева: «... Чиркёве кайсан, унта пире, чáвашене, тáнá вырáнтан «ку ман вырáн» тесе тёрте-тёрте ярассё, кёл тáвас кáмáл сұхалать; ача-пáчапа кайсан, хама апла тёртке-лени ача-пáчаран аван мар» (В церкви нас, чувашей, выталкивают с места, где стоим, со словами «это мое место», теряется настроение молиться; если с детьми находишься, то перед детьми неловко за то, что меня так толкают) [Тимофеев, 1972, с. 83].

Таким образом, в 36-й проповеди В.Громова затрагивается самое святое: предки и их вера. Оскорбление святыни — нанесение самой сильной обиды. Тем самым проповедник нарушает принципы построения текста проповеди с содержательной стороны. Тем не менее назидательность, поучительность, без которых проповедь не может обойтись, дали положительный толчок к появлению в чувашской литературе дидактических произведений. В них место евангельских героев стали занимать герои из реальной жизни (Игн. Иванов, И.Н. Юркин и др.).

Становление жанра житий

Вторая половина XIX в. обозначается в истории как эпоха просветительства. Принятое правительством «Положение о начальных сельских земских училищах» разрешало обучение детей первоначально на родном языке [ЧДЛ, 1989, с. 241—242]. Это послужило стимулом к оживлению дела народного просвещения: для обучения в школе необходимы были учебные пособия, тексты для чтения, учительские кадры. В 1867 г. в Казанском учебном округе была учреждена инспекция чувашских школ, ее руководителем, инспектором был назначен Н.И.Золотницкий (1829—1880), филолог, выпускник Казанского университета. Он был сыном священника и хорошо знал чувашский язык. Золотницкий собирает чувашских учителей в Казани, привлекает их к изучению чувашского языка, к сбору фольклорно-этнографических материалов. Чувашские учителя начинают обучать детей на родном языке. Из учеников Золотницкого известны М.Д.Дмитриев, Г.Ф.Филиппов, К.Ф.Соловьев, В.В.Васильев и др. Дмитриев, например, стал обладателем премии за успешную работу в школе: учил детей пению, руководил хором, открыл две школы, подготовил чувашский букварь. В «Корневой русско-чувашский словарь» Н.И.Золотницкого включен текст Дмитриева «Чўклем» (Обряд осеннего пива), который по жанровым признакам можно отнести к этнографическим очеркам [Золотницкий, 1872, с. 219—223]. Как видим, жанр этнографического очерка продолжает развиваться и во второй половине XIX в. Н.Ефимов готовит рукопись «Материалов к изучению чувашского языка», занимается сбором народного творчества, сочиняет стихи. Филиппов пишет исторические очерки, стихи. Васильев собирает чувашские народные песни.

Некоторые из текстов, использованных в работах Золотницкого, близки к художественным творениям. В его календаре, словаре и других работах много материалов, связанных с чувашской жизнью, мифологией, историческими событиями. Есть там и переводные тексты, написанные в стиле художественного произведения. Приведем один пример: «Поляксем... каҫпала пёчĕк яла, Выселкине, Иван Сусанин пўртне килчĕс, ҫол катартма ҫын чёнчĕс... Иван... поляксене илсе кайма полчĕ, вёсене вярмана калла тохмалла мар ҫёре

астарса кайрӑ, сӑр қасах тарӑн йор сӑнче сӑретрӑ тол сӑтлаччен...» (Поляки... вечером пришли в маленькую деревню, в Выселки, в дом Ивана Сусанина, позвали человека, который мог бы указывать путь... Иван... согласился повести поляков, повел их в чащобы, откуда невозможно выйти обратно, с вечера до рассвета водил их по глубокому снегу...) [Золотницкий, 1866, с. 24].

Стихи, которые вводит он в свою книгу [Золотницкий, 1871, с. 54—57], переведены весьма удачно. Вслед за А.А. Фукс, Д.П. Ознобишиным, В.А. Сбоевым Золотницкий исследует форму чувашского народного стиха. Зная диалект верховых чувашей, свои книги он пишет, используя его. В то же время в них есть и тексты на диалекте низовых чувашей.

Н.И. Золотницкий сделал многое, чтобы чуваша были грамотными. Составленный им букварь способствовал развитию письменного языка, написанию чувашских текстов на более понятном языке. Букварь «Чуваш кнеге» начинается с напутственного слова: «Ыра кумулла мун (асла) Тора! Чуваш ачизӑнӑ полжах хойзӑнӑ чильгибӑ волама посьламашкын, лаих успала таза чиребӑ Эзӑ паны сакона тюре пильмӑшкын, ашше амыжа хизеплезӑ порнашшин, халыга оссыжин, кильди синзӑнӑ сувапшин, хойзам телейла полашшин» (Благочестивый великий Бог! Помоги чувашским детям начать читать на своем языке, с хорошим умом, чистым сердцем хорошо знать данный Тобою закон, жить, уважая отца с матерью, с пользой для народа, удостаиваться благодарности домашних (членов семьи), обретения счастья для самих себя) [Золотницкий, 1870, с. 1].

Это напутственное слово напоминает благословение из произведений устно-поэтического творчества. В букварь включены тексты, близкие к наставлениям: «Марья сирма виренеть, Мавра орамра турать. Ись-сыр тума намыс, Тора йоратмасть» (Марья учится писать, Мавра стоит на улице. стыдно стоять без дела. Бог не любит этого).

«Выгыт иртӑнӑ сирла татма каймассе. Кагал номай озала вирендетӑ» (Когда прошло время, по ягоды не ходят. Безделье учит многому злу) [Золотницкий, 1870, с. 7, 9].

Появляются тексты жанра житий. Золотницким переведено «Житие святого Иосифа», которое напечатано в «Чуваш кнеге». В его тексте есть и вкрапления элементов

чувашиной культуры: «... Хозясам Иосифа изэ кайресь Египет ятлы сирь-синэ. Сяга халыхсам-паньчэ *киремедэ* посьеябатьчесь, Иосиф Мун-Торра посьеяпса порнче. Тора она йоратса ыра ятлы она туре» (Хозяева повели Иосифа в Египет. Эти народы молились *киремети*. Иосиф же жил, молясь Господу Богу. Бог полюбил его и сделал его человеком с добрым именем) [Золотничкий, 1870, с. 14]. Здесь угадывается мысль о том, что верующий в Господа сможет стать святым, сможет провидеть будущее. А верующие в *киреть* лишены дара провидения. Переводчик противопоставляет две религии, традиции в пользу христианской. «Житие святого Иосифа» выполняет роль поучения.

Г. Филиппов переводит «Жития святых святителей Христовых Гурия, Варсонофия и Германа, Казанских чудотворцев, с прибавлением сведений о мученике инородце Авраамии Болгарском» [Филиппов, 1874]. Здесь даются сведения о первом Казанском архиепископе Гурии, о свияжском епископе Варсонофии и др. Автор житий упоминает и исторические события.

Весной, когда в городе Болгаре собралось много народу на ярмарку, Авраамий начал распространять, восхвалять перед народом учение Христа. Призывал сородичей оставить веру в Магомета и принять веру христианскую. Болгарцы, глядя и слушая его, решили, что он тронулся, и первым делом они попытались отвести его от законов и учений Христа. Но потом, увидев, что Авраамий не слушает ни жалеющих, ни пугающих их слов: за слова Авраамия, что он до самой смерти не перестанет восхвалять имя Христа, его держали много дней в тюрьме, заставляя терпеть много мучений, пытаясь отбить его от учений Христа. Когда Авраамий претерпел все мучения, не переставая восхвалять Христа, жители Болгара отрубили ему руки-ноги и голову. Это было 1 апреля 1229 года [Филиппов, 1874, с. 38].

В конце этого жития дана историческая справка о том, что жители Казанской губернии до этого года не знали о святом Авраамии. Только в этом году, благодаря стараниям старшего архиерея Антония архиерей города Владимира, отделив от тела Авраамия маленькую часть, передал ее в Казань вместе с иконой Авраамия. Эта часть сейчас поставлена вместе с иконой в соборе Казани [Филиппов, 1874, с. 39].

Приведенную историческую справку можно объяснить как описание современной ситуации, что является признаком очерка.

Жития делятся на два сюжетных типа. В житиях-мучениках повествуется о мучениях борцов за веру в языческие времена. В других рассказывается о святых, принявших подвиг затворничества, отличавшихся необычайным благочестием [ИРЛ, 1980, с. 26]. Сведения о мученике инородце Авраамии Болгарском Г.Филиппова служат примером текстов первого типа.

Несмотря на то, что содержание житий было пронизано христианским учением, этот жанр способствовал развитию литературного языка, поискам новых художественных приемов [ИРЛ, 1980, с. 118—119].

В стихотворении Г.Филиппова «Чухан сын пурнаѣс — хирти мулкач пурнаѣс» изображена бытовая жизнь чувашей. Это рассказ о нелегкой жизни крестьянина, своего рода эпизод жития. Произведение своим стилем, содержанием напоминает поэму М.Ф. Федорова «Леший». Для обоих произведений характерен рассказ-монолог, который продолжается на всем протяжении произведения. Подобный рассказ-монолог характерен для словесности дохристианской культуры. Обычно такой рассказ являлся «средством отгона нечистой силы, благодаря содержащемуся в ней сквозному мотиву претерпеваемых хлебом мук. <...> При этом магические свойства ей придавал не столько мотив мук, сколько мотив «спрессованного» в рассказе времени: известно поверие, что волк и нечистая сила не тронут человека, пока он не прерываясь говорит» [Толстой, 1995, с. 229]. Именно явление «спрессованного» времени характерно для повествования героев Филиппова и Федорова. После длинного рассказа-монолога герои в конце произведения сообщают читателю о благополучном исходе дела.

1. «Вӓл пулнӓ, ку пулнӓ,
Апла-капла нихӓшӗ те пулман,
Тӗпсӗр-питсӗр хуплӓ пулнӓ»
(И это было, и другое было,
Но ничего такого не было).
(Подстрочный перевод наш. — *Е.Е.*) [ДЧЛ, 1984, с. 118].

2. «Эпё сыртӑм сӑввине,
Эсир тупӑр юррине»
(Написал для посиделок
Стих сей скрасить песней девок) [Федоров, 2000, с. 32].

Примерно в это же время в печати появляется много статей, посвященных старой чувашской вере. К ним относятся описание обрядов дохристианской культуры в «Корневом русско-чувашском словаре» Н.И.Золотницкого, книга «Материалы к объяснению старой чувашской веры» В.К. Магницкого, очерк «Предания чуваш Бичуринского прихода и способы лечения у них болезней» М.Ф. Федорова и др. В целом формально они ставили цель утверждения официальной религии, но фактический материал, собранный и обобщенный там, имел большое научное, а также литературно-художественное значение.

В то время чувашская поэзия развивалась на основе фольклора и влияния других литератур. Сливаясь воедино, они поднимают словесное искусство на более высокий уровень. В 1860—1870 гг. в творчестве чувашских авторов как в переводах, так и в стихотворениях, написанных на русском языке, наблюдается сильное влияние русской литературы. Например, некоторые стихотворения Золотницкого написаны в стиле возвышенной оды [ЧДЛ, 1989, с. 120].

В книгу В.К. Магницкого «Материалы к объяснению старой чувашской веры» включены фольклорные тексты, например «Легенда об изобретении земледелия», «Пӑкачав сӑнчен чӑваш ваттисем калани» (Чувашские старики о Пугачеве), «Шорча вӑрси сӑнчен аса илни» (Воспоминания об Акрамовском восстании) и др. Последние два произведения — примеры устных преданий, предшествующих жанру исторического повествования. В них отражены события, реально имевшие место в истории. Подобные рассказы мы сравниваем с башкирскими тауарихами.

В «Легенде об изобретении земледелия» еж рассказывает о способах земледелия. «Способ обработки земли знал он (еж. — *Е.Е.*) только один; поэтому в погоню за ним послали

свинью послушать, что он будет говорить. Свинья, вернувшись на собрание, рассказала: «Надо мной, — говорил еж, — сме-

ются, а сами ничего не знают! Для обработки земли нужно иметь: соху (сога бозе), борону (сыурэ), телегу (ораба), вспахавши и взборонивши землю, нужно сеять, а когда вырастет хлеб, серпом сжать, обмолотивши, свезти хлеб на мельницу молот, потом следует печь хлеб, и так поступать надо всю жизнь» [Магницкий, 1881, с. 18].

Житийный жанр пришел из Византии и через русских в какой-то степени воздействовал на развитие чувашской книжности. Своим содержанием и формой он «ориентирован на сакральный евангельский первообразец и на главную идею самого христианства как религиозного переживания земной жизни Христа. Сакрализация жизненного пути, замыкающегося в круг и смыкающего рождение и смерть, является и одной из важнейших составляющих мифологического сознания и в такой же степени принадлежит устной народной традиции, будучи одним из проявлений универсального первобытного антропоморфизма» [Толстой, 1995, с. 223]. В народной культуре модель человеческой жизни проецируется на окружающий мир, сакрализуя и годовой круг времени, и «житие» культурных растений, и производственную деятельность человека. В «Легенде об изобретении земледелия» наблюдаем «житие» хлеба, столь важного в питании чувашей. Уважение к хлебу видно и в пословицах, поговорках: «Ѕăкăртан аслă пулаймăн» (Превыше хлеба быть не сможешь), «Килти хура сăкăр ютри шур сăкăртан тутлăрах» (Свой черный хлеб вкуснее чужого белого), «Высă сынна сăкăр касма хушман» (Голодному человеку нельзя поручить резать хлеб) [23].

«Житие» культурного растения можно проследить также в чувашских загадках: «Чи! турё, пи! турё, сўле кайрё, йăва савăрчё, сăмарта турё» (Хăмла) (Взвизгнул, свистнул, высоко поднялся, гнездо свил и яиц отложил) (Хмель) [ЧППЗ, 1960, с. 263]. Подобные тексты с мотивом **Vita herbae** (Н.И.Толстой) встречаются и в молитвословиях, произносимых во время молений: «Тур сьрлах, Тур ан прах! Хуса ятлă курка нусласа ячĕ... Турă! Ку вăхăта чипер ситертĕн, тата сăва чипер тухсассан тырă акас тейĕпĕр... Акнă тырри хулăм пултăр, хăмăль хăмăш нек пултăр, тăрри пăрса нек пултăр: пĕр пĕрч (пĕрчĕк) акса пин пĕрч илме пар; Тур сьрлах! ... Вырас тейĕпĕр; вырнă чухне ывăс кассан ывăс перекеч пултăр;

*кѣлте тӑвӑпӑр, кѣлте тусан кѣлте перекеч пултӑр, тѣм тусан, тѣм перекеч пултӑр; турттарнӑ чух урапа сине хурӑпӑр, урапа перекеч пултӑр; анкартине исе пырсан капан тусан, капан перекеч пултӑр. Тата сиксе тӑрса авӑн хурас тейейӑр: вутӗнчен-кӑварӗнчен сырлах, Турӑ, сиксе ӱкнӗ хӗлхемӗнчен. Авӑн сӑпсан пурана (пӑлмене) хурӑпӑр, пура перекеч пултӑр: тӑватӑ валӗ хысӑлта выртӑр, виҫӗ валлине ӗссе сӑмалла пултӑр» (Боже помилуй, Боже не оставь! — хозяин предложил *имянной* ковш... — Боже, Ты благословил (нас) благополучно дожить до настоящей поры, за тем сподоби благополучно посеять хлеб... Посеянный хлеб да будет густ, ствол да будет как камыш, зерно — как горох; от каждого посеянного зерна, сподоби получить тысячу зерен; Господи помилуй! ... Затем мы будем предпринимать жатву; во время жатвы, когда горсть (хлеба) срежем (серпом) — да будет от нее прибыль, складем кучку снопов (пяток снопов) — да будет от нее прибыль, в поле копну хлеба сделаем — да будет от нее прибыль; при перевозке наложим (хлеба) на телегу — да будет от воза прибыль: по привозе на гумно, когда складем скирд — да будет от него прибыль. За тем, поспешно вставши, предпримем ставить овин: (во время сушки хлеба) помилуй, Боже, от пожара (случающегося) от отстрекнувшей искры. Обмолотивши овин, ссыплем (хлеб) в сусек — да будет от сусека прибыль: четыре части пусть сзади лежат, а три части да будут нам в пищу и питье) [Дмитриев, 1875, с. 221—222].*

Таким образом, жанр **житий** характерен не только для христианской культуры, но и для традиционной дохристианской культуры разных народов, в том числе чувашей. Древний мотив магии завершённого цикла, «жития» растений и вещей лежит в основе рассмотренных примеров чувашской словесности. Позже он лег в основу повествовательных произведений, где описываются страдания и муки героев произведений (см., например, повести «Этемӗн пырӗ тутӑ та, куҫӗ выҫӑ» (Человек сыт, а глаза голодны), «Мул» (Богатство) И.Н.Юркина, «Хӗн-хур куракан ҫынна Турӑ пӑрахмасть» (Страждущего человека Господь не оставляет) О.Г.Романова, «Аҫӑна-аннӗне хисепле, хӑнах аван пулӗ» (Почитай родителей, тебе же будет хорошо) Н.М.Кедрова, «Уках хурӑнӗ» (Береза Угах) Ю.Скворцова.

Жанр житий способствовал становлению жанра повести. Для первых чувашских повестей было характерно жизнеописание главных героев. Это подтверждается и А.В.Васильевым: «На основе «житийных» жанров появились историко-этнографические и автобиографические очерки и повести И.Я.Яковлева, Д.А.Архипова, С.П.Чундерова, Г.Т.Тимофеева, И.И.Иванова, М.Ф.Федорова, Н.М.Охотникова и др.» [Васильев, 1983, с. 11].

Яков Турхан — один из первых поэтов, в мировоззрении и творчестве которого отразилось влияние христианской религии [Ермилова, 2001, с. 69—71]. Творения его являются поэтической стилизацией на эпизоды из Евангелий. Отдельные сюжеты поэтом трансплантированы на чувашскую почву. В творчестве Я.Турхана насчитывается около десятка стихотворений, в тексте которых проявляются некоторые моменты из Евангелий.

На наш взгляд, Яков Турхан ставит цель художественно обработать евангельские сюжеты и донести их до читателей. К примеру, стихотворение «Ночь на Рождество» — художественное переложение Евангелия от Луки (II, 14) — «Поклонение пастухов» — рождения Иисуса. В основе произведения «Грешница» — сюжет о том, как Иисус прощает грешницу — Евангелие от Иоанна (18, 1—11). На наш взгляд, для поэта в этом стихотворении важна главная идея — помнить свои поступки и не осуждать других, грешникам найти прощение Христа и впредь не совершать грехов. В этом произведении Я.Турхан строго следует канонизированному сюжету — полностью отсутствуют позиция автора, лирические отступления. Стихотворение «Неделя мучений» — стилизация «Скорби Иисуса в Гефсимании» (Матф. 26, 38—39). Взяв за основу отдельный эпизод из Евангелия, Яков Турхан старается далеко не отходить от оригинала, в некоторых местах даже приводит точные отрывки от Матфея:

Мой добрый Отец!
Если от чаши, из которой должен испить Я,
Можно пройти, не испивши,
Я бы ее не испил...
Но не Моя просьба,

Пусть будет твоя воля, —
Я не хочу переступить ее,
Пусть будет Твоя воля!

Отче Мой! если возможно,
да минует Меня чаша сия;
впрочем, не как Я хочу, но как Ты.

В «Неделе мучений» в изобилии лирические отступления — лирический герой недоумевает, почему так зол народ? Задается множеством вопросов: почему народ согласился с сатаной? Почему поверг мучениям Владыку Вселенной? Почему пригвоздил Христа, ошибочно считая его обыч-новенным человеком? Почему нечестивой рукой пролил невинную кровь?

В произведении «Страшный дар» — Евангелие от Луки (23,41–46) — смерть Иисуса, описывается эпизод распятия Христа. В художественном переложении «Смерти Иисуса» мы видим 46-й стих 23-й главы Евангелия:

Отец Мой! Отец Мой! Мне тяжело...
Дух Тебе предаю.
Отче! в руки Твои
предаю дух Мой.

Событие описывается как реальное происходящее, лирический герой как бы является свидетелем происходящего, где он в своем монологе изливает стенания, по-каяния, чувства жалости к неразумному народу за содеянное им — распятие Христа. Осуждает собравшийся народ, предупреждает о будущем вечном проклятии из-за совершенной ошибки. И приходит к выводу, что во всей живой природе человек оказался самым гнусным существом по отношению к Христу — «Дающему надежду», «Владыке мира». В этом стихотворении чувствуется предельная эмоцио-нальность, очень сильна лирическая струя, захватывающая самого неверующего читателя. Здесь лирика Якова Турхана полностью выполняет свою художественную функцию.

Стихотворение «Христос воскрес!» — радостная весть о воскресении Христа — является поэтической стилизацией

на тему «Воскрешение Христа». О воскрешении Христа возвещают миру птицы своим пением — скворец и жаворонок. Перед каждой песней идет описание пейзажа, соответствующее радостному событию. Текст песен птиц полностью передает радость праздника:

Песня скворца

Сегодня праздник настал,
Есть ли силы, какие сегодня есть?
Сегодня Христос стал обладающим силой,
Сегодня Христос воскрес.
Пусть все человечество радуется:
Сегодняшний день стал садом рая —
Смотрите сегодня на красоту рая.

Песня жаворонка

Трилли-трилли! настала радость.
Сегодня — Пасха,
Мы поем песню Пасхе.
Сегодняшний день — день Христа,
Христос сегодня воскрес:
Принес миру благодать
И жаворонкам принес благодать,
Одному лишь сатане горе принесет.

Здесь автору важнее не следовать евангельскому сюжету, а придерживаться сути стихов, передать их главную идею — показать, как вся природа радуется воскрешению Христа: евангельский эпизод и авторская фантазия гармонично переплетаются.

На наш взгляд, стихи Якова Васильевича Турхана, вследствие их религиозного содержания, можно отнести к жанру духовных стихов.

В итоге следует отметить, что в становлении жанров чувашской литературы на всем протяжении ее первого этапа фундаментальную роль сыграли устно-поэтические традиции и произведения переводной литературы, прежде всего — по конкретно-историческим условиям. Чувашская письменная поэзия зарождается на более широком отечественном культурном фоне — под влиянием традиций Ф.Прокоповича,

М.Ломоносова (панегирические произведения), позже она все больше и больше вбирает в себя традиции устного народного творчества.

Чувашская проза ведет начало от переводов Е.Рожанского, поучений В.Вишневого, позже развивается в сочинениях М.Дмитриева и Г.Филиппова.

Авторы чувашских поучений и проповедей В.Вишневский, Н.Золотницкий, В.Громов освещают нравственные идеалы христианского мира. Ими вырабатывается стиль проповеднической прозы, нашедшей отражение и в художественной литературе. Их сочинения выполняли назидательную, дидактическую функцию.

Жанры чувашской литературы строились на основе определенной схожести функций переводной религиозно-христианской литературы и произведений устного народного творчества. Приживались те жанры переводной литературы, которые считались необходимыми для народа.

Литература и источники

1. Васильев, 1974 — *Васильев А.В.* Стилевые поиски в чувашской литературе XIX—XX вв. // Чувашский язык, литература и фольклор. Сб. ст. / ЧНИИ. Вып. 4. Чебоксары, 1974. С. 327—355.

2. Васильев, 1983 — *Васильев А.В.* Становление и развитие жанров в дореволюционной чувашской литературе XVIII—XIX вв. // Чувашская литература, тенденции развития, стилевые поиски. Сб. ст. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. С. 3—9.

3. Вишневский, 1846 — *Вишневский В.П.* О религиозных поверьях чуваш. Казань, 1846, С. 26.

4. Дмитриев, 1875 — *Дмитриев М.* Чўклеме // Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь. Казань: типогр. Императ. ун-та, 1875. С. 96.

5. ДЧЛ, 1984 — Дореволюционная чувашская литература. Тексты. Т. 1. (до XX века). На чуваш. яз. Чебоксары, Чуваш. кн. изд-во, 1984. С. 464.

6. Егоров, 1951 — *Егоров В.Г.* Первая печатная грамматика чувашского языка. 1769 г. // Тюркологический сборник. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Вып. 1. С. 85—92.

7. Ермилова, 2001 — *Ермилова Е.В.* Православие в творчестве Якова и Федора Турханов // Родная Волга, 2001. №3. С. 69—71. (На чуваш. яз.)

8. Золотницкий, 1866 — *Золотницкий Н.И.* Иван Сусанин // Сблдалык кнеге. — Казань: типогр. Императ. ун-та, 1866, С. 24.

9. Золотницкий, 1870 — *Золотницкий Н.И.* Чуваш кнеге. Казань: типогр. Императ. ун-та, 1870. С. 18.

10. Золотницкий, 1871 — *Золотницкий Н.И.* Заметки для ознакомления с чувашским наречием. Казань: типогр. ун-та, 1871. С. 64.

11. Золотницкий, 1872 — *Золотницкий Н.И.* Корневой чувашско-русский словарь. Казань: типогр. Императ. ун-та, 1872. С. 96.
12. ИРЛ, 1980 — История русской литературы. В 4-х т. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л.: «Наука», 1980. С. 814.
13. Княжицкий, 1994 — *Княжицкий А.И.* Притчи. М.: МИРОС, 1994. С. 216, ил.
14. Комиссаров 1992 — *Комиссаров Г.И.* Письменность на чувашском языке в XVIII веке // Проблемы письменности и культуры. Сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1992. С. 85—104.
15. *Комиссаров Г.И.* Заметки о чувашской письменности и литературе до 1872 года. Отд. II, ед. хр. 62.
16. Магницкий, 1881 — *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань: типогр. Императ. ун-та, 1881. С. 267.
17. Месарош, 2000 — *Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры. Пер. с венг. Чебоксары, ЧГИГН, 2000. С. 360.
18. Михайлов, 1853 — *Михайлов С.* Чувашские разговоры и сказки. Казань: типогр. ун-та, 1853. С. 63.
19. Никольский, 1912 — *Никольский Н.В.* Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI — XVIII веках. Казань: Типо-литогр. Казан. ун-та, 1912. С. 416.
20. НА ЧГИГН, I, 650.
21. НА ЧГИГН, I, 7, 290.
22. НА ЧГИГН, I, 148, 86—88.
23. НА ЧГИГН, I, 148, 51.
24. НА ЧГИГН, I, 324.
25. Петров, 1978 — *Петров Н.П.* История чувашского литературного языка: дояковлевский период (На чуваш. яз.). Чебоксары: изд-во Чуваш. ун-та, 1978. С. 107.
26. Пропп, 1976 — *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1976. С. 325.
27. Родионов, 1992 — *Родионов В.Г.* Чувашский стих: проблемы становления и развития. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. С. 224.
28. Родионов, 1994 — *Родионов В.Г.* Осенняя звезда // С.В. Эльгер. Горести и невгоды: сочинения разных лет. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1994. С. 447.
29. Родионов, 1999 — *Родионов В.Г.* Чувашская литература XVIII — первой половины XIX вв. Чебоксары: Изд-во чуваш. ун-та, 1999.
30. Рожанский, 1991 — *Рожанский Е.И.* Ача-пăча валли сÿрнисем // «Хыпар» кĕнеки, 1991. Чÿк, 13. С.4.
31. Сироткин, 1948 — *Сироткин М.Я.* Очерки дореволюционной чувашской литературы. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1948. С. 246.
32. Соколов, 1887 — *Соколов М.* Старорусские солнечные боги и богини: историко-этнографическое исследование. Симбирск: Типография Токарева, 1887. С. 206.
33. Тареев, 1903 — *Тареев М.М.* Внешняя сторона церковной проповеди в связи с вопросом: есть ли проповедь искусство // Богословский вестник, 1903. №4. С. 682.
34. Тимофеев, 1972 — *Тимофеев Г.Т.* Тăхăрÿял : Этнографические

очерки и фольклорные материалы. Чебоксары: кн. изд-во Чуваш. АССР, 1972. С. 492.

35. Толстой, 1995 — *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: «Индрик», 1995.

36. Трофимов, 1972 — Руна сырулăхĕ синчен // 100 лет чув. письменности. — Шупашкар: Чăв. кĕн. изд-ви, 1972.

37. Федоров, 1992 — *Федоров Г.И.* Некоторые проблемы становления и развития повествовательных форм в ранней чувашской литературе // Проблемы письменности и культуры. Сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1992. С. 45—53.

38. Федоров, 2000 — *Федоров М.* Леший. Поэма. Пер. с чуваш. А. Смолина. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуман. наук, 2000. С. 36.

39. Филиппов, 1874 — *Филиппов Г.* Жития святых святителей Христовых Гурия, Варсонофия и Германа, казанских чудотворцев, с прибавлением сведений о мученике инородце Авраамии Болгарском. На чуваш. яз. Казань: типогр. ун-та, 1874. С.39.

40. ЧДЛ, 1989 — Чувашская дореволюционная литература (до XX века). На чуваш. яз. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. С. 302.

41. ЧППЗ, 1960 — Чувашские пословицы, поговорки и загадки / сост. Романов Н.Р. На чуваш. и рус. языках. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. С. 357.

42. ЧРС, 1982 — Чувашско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1982. С. 712.

43. ЧУНТ, 1973 — Чувашское устное народное творчество. Т 1. Сказки. На чуваш. яз. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1973.

44. Хусаинов, 1996 — *Хусаинов Г.Б.* Башкирская литература. XI — XVIII вв. Уфа: «ГИЛЕМ», 1996. С. 191.

*Л.А. ЕФИМОВ, доктор историч. наук, доцент
Чувашского государственного педагогического
университета им. И.Я. Яковлева*

О ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРВЫХ ИНСПЕКТОРОВ ЧУВАШСКИХ ШКОЛ Н.И. ЗОЛОТНИЦКОГО И И.Я. ЯКОВЛЕВА И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ

В историю просвещения нерусских народов России второй половины XIX века навечно вошел Николай Иванович Золотницкий как один из основателей новой педагогической системы, в основе которой лежало использование родного языка в обучении нерусских народов. Первоначально эта новация называлась системой Ильминского–Золотницкого. Просветительская деятельность Н.И. Золотницкого, первого инспектора чувашских школ Казанского учебного округа, его книги и учебные пособия для чувашских школ явились золотым фондом чувашского просвещения, основой и фундаментом становления национальной школы.

К сожалению, сегодня имя Золотницкого упоминается лишь от случая к случаю, по юбилейным датам. То есть, я хочу сказать, что его имя и деятельность по просвещению чувашей незаслуженно забываются. За последние годы появился ряд публикаций А.Иванова–Ехвета, В.Сейфуллина, Л.Ефимова [1] и других, где, на наш взгляд, справедливо оценивается его деятельность по просвещению чувашей. В «Истории Чувашской АССР» Н.И. Золотницкий характеризуется как «один из первых инспекторов Казанского учебного округа» [2]. *(Он и есть первый инспектор. — Прим. Л.Е.)*. В Большой Советской Энциклопедии имя Золотницкого даже не упоминается. В Краткой Чувашской Энциклопедии он характеризуется как «исследователь чувашского языка и этнограф, автор первого букваря для чувашских школ, *который*

пытался создать чувашскую письменность, но она не имела успеха из-за несовершенной транскрипции» [3].

Историческая правда в том, что именно он, т.е. Н.И.Золотницкий, в числе немногих деятелей просвещения, стоял у истоков чувашской национальной школы.

Н.И. Золотницкий родился 3 (15) декабря 1829 года в семье русского священника, работавшего в чувашском селе *Первое Чурашево (Кошки-Чурашево)* Чебоксарского уезда Казанской губернии. (*Кстати, И.Я. Яковлев родился в родственной д. Кошки-Новотимбаево Буинского уезда Симбирской губернии.*) С детства наблюдавший за чувашскими обычаями и традициями, Золотницкий на всю жизнь запомнил личные факты из тяжелой и беспросветной жизни народа. В результате постоянного общения с чувашами, он прекрасно овладел чувашским языком. После окончания Чебоксарского духовного училища учился в Казанской духовной семинарии, которую оставил в 1847 году, поступив на историко-филологический факультет Казанского университета. После окончания университета в 1851 году работал в Казанской палате государственных имуществ, некоторое время жил в родном селе Чурашеве. Отмену крепостного права встретил в Вятке, будучи редактором неофициальной части «Вятских губернских ведомостей» (1860—1865 гг.). Именно в этот период он сблизился с другими прогрессивными деятелями культуры и просвещения, совместно с преподавателями участвовал в разработке «Положения о Вятской воскресной школе». Газета, редактируемая им, явилась трибуной для пропаганды школы нового типа и защитницей интересов ее учеников. «Полагаем, что ученье для инородца только тогда будет полезным, — писал в 1861 году Н.И. Золотницкий, — если он начнет и выучится читать и писать, считать и всему прочему на своем родном языке, русскому же языку пусть он учится только разговорному, занимаясь этим дня два в неделю. Выучившись читать русскими буквами, с пониманием прочитанного и ознакомившись с русским языком, и сам возьмется за русскую книгу...»[4]. Золотницкий, выросший в чувашской деревне, знавший состояние школьного обучения во всем Поволжском регионе, не раз поднимал на страницах губернской газеты вопрос о месте родного языка в обучении и необходимости создания книг, учебников на языке «инородцев». Он искал

себе единомышленников в этом деле. Так, в 1863 году ему вместе с удмуртом Н.Блиновым удается издать азбуку для удмуртских детей [5].

Н.И.Золотницким была проверена Тюрлеминская школа, которая за один год сильно переменялась. В школу был определен О.Тюрлеминский, владевший, кроме русского, чувашским и татарским языками. Преподавание на родном языке привело к притоку учеников и учениц. Инспектор надеялся, что эта школа «сделается одною из лучших... в Чебоксарском уезде» [6].

Бичуринское центральное училище в 1868 году приобрело постоянное помещение. За короткий срок было построено новое удобное здание, во дворе было обустроено целых 22 гимнастических снаряда. Школа стала популярной среди населения, некоторые крестьяне стали являться в нее с просьбой принимать их детей. Более того, «даже взрослые женатые стали приходить в школу с той же просьбой. Последнее обстоятельство привело учителя к мысли организовать воскресную школу для взрослых» [7]. В.Н.Ислентьев, учитель школы, охарактеризован инспектором «весьма удачным» и что он «относится с отеческим вниманием к детям». «Контингент учеников 15 набрано из чуваш. Для прибывших за 12—35 км было организовано общежитие с питанием. Учитель, рьяно взявшись за одоление премудростей чувашского языка, вскоре начал читать книгу Ушинского «Родное слово» с переводом на чувашский язык, записывал весь перевод в особую тетрадь» [8].

Освящение школы состоялось 14 и 15 августа 1868 г. с участием многочисленных гостей. По описанию Н.И.Золотницкого, оно превратилось в настоящее торжественное событие. На открытие прибыли даже участники съезда учителей в Казани. «Это торжество, при особенной его обстановке и с участием при богослужении и экзамене народного чувашского языка, произвело глубокое впечатление в особенности на инородцев, так что одобрительная молва о нем в одни сутки разнеслась по всему участку и даже по соседним местностям», — сказано в отчете [9].

Отличительной чертой центрального училища стало приобщение учеников двухклассного училища к педагогической практике в подготовительном классе и приглашение

наиболее способных, выявивших себя на практике, на казанские съезды учителей.

Вместе с отчетами в Министерство народного просвещения поступали ходатайства о награждении группы деятелей народного образования. В представлении Казанского учебного округа говорится, что В.Н.Селезнев, мировой посредник второго участка Чебоксарского уезда, «за свою неутомимую заботливость о двухклассном сельском Бичуринском училище вполне заслуживает награждения орденом «Святой Анны 3-й степени». Учителю упомянутого училища В.Н.Ислентьеву и чувашенину из крестьян Митрофану Дмитриеву, я полагаю, можно было бы выдать денежную награду, первому в количестве 300 рублей, а последнему — 100 рублей» [10]. В ходатайстве попечителя учебного округа П.Д. Шестакова особо оговаривается вопрос о Митрофане Дмитриеве: «Впрочем, для Митрофана Дмитриева было бы самою дорогою наградой увольнение... от рекрутской повинности (он имеет уже красный билет), о чем я, по званию председателя Братства святителя Гурия, имею честь исходатайствовать у Вашего сиятельства, как обер-прокурора Святейшего Синода... и весьма желательно и даже необходимо для успеха дела распространения образования между чувашами... потерять такое усердное лицо, каков Митрофан Дмитриев, весьма чувствительно для нашего дела, — еще юного» [11]. «Вслед за письмом попечителя и одновременно председателя Братства святителя Гурия П.Д. Шестакова началась межведомственная переписка. Награды свои В.Ислентьев и М.Дмитриев получили с министерской формулировкой: «За особые труды и усердие по распространению народного образования» [12].

Таким образом, ко времени реформ 60-х гг. назрела объективная необходимость и потребность в выработке принципиально новых подходов к просвещению «инородцев» России. С середины XVI до первой половины XIX века попытки организовать христианское просвещение и школьное обучение нерусских народов Поволжья и Приуралья не привели к ожидаемым результатам. После многих обсуждений и переработок 14 июля 1864 года было принято «Положение о начальных народных училищах», по которому правительство вынуждено было разрешить открытие начальных школ «за счет самого общества». Целью народных училищ, согласно

Положению, являлось утверждение в народе религиозных и нравственных понятий и распространение первоначальных полезных знаний. Земские же учреждения, введенные в 1864 году, получили право ведать хозяйственными вопросами в деле школьного строительства на местах. Деятельность земств была поставлена под контроль губернаторов, а начальные училища — под надзор духовенства. Все же в этих условиях многие земства провели значительную работу по расширению школьной сети. В 1869 г. для усиления прямого надзора за начальной школой в губерниях была учреждена должность инспектора народных училищ, в 1874 г. — директора народных училищ, а представителями уездных и губернских училищных советов стали представители дворянства.

В 1865 году в жизни Н.И. Золотницкого начинается новый период. Он переезжает в Казань и, работая в системе Министерства народного просвещения, посвящает себя педагогико-миссионерской деятельности среди чувашей. С этой целью он выступил с определенной программой и определенной системой, в которой главное место занимали две задачи: 1) издание и распространение чувашских книг; 2) устройство начальных школ с обучением на чувашском языке.

С 60-х гг. XIX в. к обсуждению вопроса об «иностранном» образовании были привлечены печать и общественность. В конце 1866 года в Казани проходило заседание земского собрания, где обсуждался и вопрос об образовании. К этому времени в Казани уже в течение двух лет (с 1863 года) функционировала крещенотатарская школа, где обучение начиналось с букваря, изданного Н.И.Ильминским на татарском языке. Здесь готовились учителя-миссионеры, обучались и отдельные представители чувашей. Н.И.Золотницкий приступает к осуществлению своих идей «посредством составления и издания учебников для первоначального обучения чувашских детей». В «Записках о народном образовании чуваш» он выдвигает следующие задачи: печатание книг (с пятью знаками для чтения чувашских звуков), издание «Сьолдалык кнеге», знакомство с законами языка, ходатайствует об открытии «образцовой чувашской школы», обязанной выпускать учителей, и т.д. [13]. По его замыслу, эта школа должна была находиться в центре чувашского населения. Таковым он считал город Цивильск или одно из ближайших к нему

сел. Тут же затрагивался вопрос о начальном женском образовании. В то же время Золотницкий выступает в печати со статьей «По вопросу о способе образования чуваш» [14]. Н.И.Ильминский и Н.И.Золотницкий, совершенно независимо друг от друга, пришли к одним и тем же выводам относительно «инородческого» образования и предлагали одинаковые меры. При этом для проведения в жизнь своих идей Н.И.Золотницкий выбрал чувашский народ, лучше других известный ему по быту и языку, а Н.И.Ильминский — крещеных татар. Последний, кроме того, имел общее руководство «инородческим» просвещением. Эти два передовых представителя демократической русской интеллигенции стояли у истоков просвещения нерусских народов Поволжья и Приуралья и оказались родоначальниками новой системы просвещения, названной вначале их именами — системой Ильминского-Золотницкого.

Согласно своим взглядам, Н.И.Золотницкий начал составлять чувашские книги: в 1866 году увидел свет «Сьолдалык кнеге» — календарь на чувашском языке, в следующем году — «Чуваш кнеге» — букварь, «Чувашла волама да шотлама виренни» (Обучение чтению и счислению по-чувашски) и другие. В последующие годы он составил целый ряд исследований для людей, занимавшихся образованием: «Изложение основных правил чувашского языка как тюркского наречия» (Казань, 1871), «Заметки для ознакомления с чувашским наречием» (1871), «Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других народов» (1875), «Особенности чувашского языка», «Ознакомление с фонетикой и формами чувашского языка» и др. Перечисленные труды представляют первый опыт научной разработки чувашского языка. Это были в то время единственные пособия, поставившие на совершенно новый путь дело исследования чувашского языка.

В 1866 г. министр народного просвещения и обер-прокурор святейшего Синода граф Д.А.Толстой инспектировал Казанский учебный округ. В Казани он познакомился с Н.И.Ильминским, Н.И.Золотницким и крещенотатарской школой, устроенной Ильминским. Успехи последней навели его на мысль о нужности распространения такого же типа школ между всеми «инородцами». Д.А. Толстой вошел с пред-

ставлением в Государственный Совет об учреждении должности инспектора чувашских школ Казанского учебного округа. В эту новую по своей сути должность Н.И.Золотницкий вступил в феврале 1867 года. В истории Министерства народного просвещения эта была первая и единственная должность, опекающая «инородческую» школу. При попечительстве учебного округа был создан специальный орган под названием «Особый инородческий комитет» под председательством самого попечителя П.Д.Шестакова. Н.И.Ильминский и Н.И.Золотницкий вместе с попечителем составляли самую представительную тройку этого органа. Еще 1 октября 1866 года был создан Казанский губернский училищный комитет. Реформирование школы началось с передачи училищ ведомства государственных имуществ в ведение земских учреждений.

Инспектор Золотницкий предпринимает конкретные практические шаги по организации школьного дела в учебном округе. В июне 1867 года он совершает инспекторскую поездку в Тетюшский уезд Казанской губернии, где чуваша проживали в 45 чувашских и 13 смешанных селениях. В том же году у инспектора установились первые рабочие контакты с Самарской губернией. Им было послано самарскому епископу Герасиму 100 экземпляров «Чуваш кнеге» [15].

Инспекторские поездки были связаны с многочисленными встречами с крестьянами, в ходе которых он агитировал их за обучение детей в школах, распространял свои книги среди населения. Стараниями Н.И. Золотницкого в с. Бичурине в 1867 году было открыто двухклассное МНП училище. Для поддержания интереса девочек к учению в школе были введены уроки рукоделия. Вот как он описывал в отчете свою поездку по чувашским селениям: «31-го января 1867 г., по приглашению посредника, в селе Асакасы собрались для ознакомления с упрощенными способами первоначального обучения и системой образования чувашских детей, занимающихся и желавших заниматься обучением, священники сел: Аликова, Норусова, Чувашской Сормы, Оточева, Торбикова, Яндобы, Большой Шатьмы, Русской Сормы, Альменова, Асакасов и села Устья дьякон. 4 февраля, прибыв в с. Аликово, я остался до следующего утра, по предложению священника Благовещенского. 5-го числа перед обедней в церкви объяснял

чувашиам, которых было до 70 человек, цель и пользу учения грамоте, прочитывая при этом отрывки из учебников. Чуваши слушали с вниманием и видимым удовольствием. Жена св. Благовещенского изъявила желание обучать чувашских девочек. 5-го же февраля был в Шумшевашах. Здесь встретился с чувашиним из д. Испуханы Андреем Трифоновым, который в 1866 г. просил св. с. Чувашская Сорма Громова, знающего чувашский язык, составить азбуку на чувашском языке [16].

А в 1868 г. Н.И.Золотницкий проверил состояние чувашских и марийских школ. В его маршруте были Чебоксарский, Козьмодемьянский, Ядринский, Царевококшайский и Цивильский уезды. Он посетил 22 чувашские и 16 марийских, кроме того, три смешанные (русско-инородческие) школы. 15 школ из этого числа инспектор сумел посетить дважды. В организации школьного дела, как отмечено в отчете, Н.И.Золотницкий опирался на помощь местных деятелей, среди которых особо отмечен мировой посредник второго участка Чебоксарского уезда В.Н.Селезнев.

Таким образом, Н.И.Золотницкий имеет прямое отношение к созданию педагогической системы, вошедшей в историю педагогики под названием «Системы Ильминского», которая стала основой становления школьного образования нерусских народностей Востока России. При поддержке правительства, Синода, Министерства народного просвещения император Александр II утвердил 26 марта 1870 года «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» и тем самым закрепил эту систему. Обучение в чувашских школах на родном языке приобрело законную силу. С открытием Казанской учительской семинарии все дела по инородческому просвещению выделились в особое ведомство во главе с директором семинарии Н.И.Ильминским, который при поддержке министра народного просвещения Д.А.Толстого и его единомышленников Н.И.Золотницкого, Н.А.Бобровникова, Е.А.Малова, С.В.Смоленского и других широко развернул деятельность по расширению школьной сети и по подготовке учителей в многонациональном Поволжье, Волго-Камском крае и Приуралье.

Деятельность Н.И.Золотницкого в должности инспектора чувашских школ продолжалась до 15 мая 1871 года. В последующие годы он трудился в совете Братства святителя Гурия, занимался исследованиями по этнографии и фило-

логии, продолжая дальше просветительскую деятельность, напечатал «Корневой словарь...» и другие пособия. Тяжело больной Н.И.Золотницкий умер 14 мая 1880 года на 51 году жизни и похоронен на кладбище Арского поля в Казани.

Каковы были взаимоотношения между И.Я.Яковлевым и Н.И.Золотницким? Да, они были современниками, хотя И.Я. Яковлев был почти на 20 лет моложе Н.И.Золотницкого. Но он не понаслышке знал первого инспектора чувашских школ. Еще 13 апреля 1867 года ему удалось опубликовать в «Симбирских губернских ведомостях» отзыв на книгу «Сьолдалык кнеге» (календарь), где приветствует появление книги, но в то же время возражает Н.И.Золотницкому, доказывая, что «он не понимает чувашского языка». А личная встреча студента Казанского университета Яковлева с первым инспектором чувашских школ Н.И.Золотницким состоялась чуть позже. И.Я.Яковлев об этом вспоминал так: «...Вспоминается мне личность, пристроившаяся к инородческому делу и сумевшая так оплести Н.И. Ильминского, что тот долго верил в ее порядочность и полезность при просвещении инородцев. Это Николай Иванович Золотницкий... Он знал чувашский язык плохо и тем не менее писал и кричал о нем. В 1868 году Золотницкий объехал чувашские школы Казанской и частью Симбирской губернии... Приехав в Казань в сентябре 1870 года, я, по совету Ильминского, в числе других лиц, привлеченных к инородческому вопросу, посетил Золотницкого. При первом же нашем свидании он, хотя пьян не был, но имел неряшливый, грязный, запущенный вид, вызвавший во мне отвращение». *(Кстати, в некоторых источниках указывают, что он был любителем спиртного.)* «...Поэтому я решил более к нему не заходить. Тем не менее пришлось быть у него потом раза два по приглашению. Должен заметить, что моя переводческая деятельность никакого отношения к Золотницкому не имела. Однажды он прислал мне для продажи греческое Евангелие и еще кое-какие книги, я купил. Золотницкий жил в Казани недалеко от меня... Он стал выдавать идеи Ильминского по просвещению за свои и кричал о них, говорил, писал более чем сам Н.И.Ильминский. Ильминский же как ни в чем не бывало продолжал его великодушно поддерживать. Я указывал ему на отсутствие у Золотницкого надлежащих знаний, на его недобросовестное отношение к заслугам Николая Ивановича. Ильминский по

привычке хватал себя обеими руками за голову и раскачивался, что всегда выражало его недовольство или смущение. Он останавливал даже меня, говоря: «Пусть пишет! Пусть получает гонорар! Вам-то что! Не касайтесь!» [17].

Как известно, «Воспоминания» составлены через 50 лет после описываемых событий, поэтому, с истечением такого большого периода времени, у мемуариста вполне могли выпасть из памяти некоторые моменты, связанные с просветительской деятельностью Н.И.Золотницкого. Приведем еще один документ, в котором И.Я.Яковлев как бы противоречит своим же «Воспоминаниям». Так, в письме Н.И. Ильминскому от 24 июня 1871 года И.Я. Яковлев писал «...В газетах, несколько времени тому назад, я прочитал, что Николай Иванович Золотницкий вышел в отставку. Очень жалко, он хоть что-нибудь да делал, а теперь и того не будет. Дорогое и удобное время для просвещения чуваш пройдет бесследно и даром. Сейчас принимают близкое участие в просвещении инородцев нашего края люди сильные: министр и попечитель, а в будущем бог знает, что будет. Все это грустно. Знаете ли, что я думаю, Николай Иванович, для блага и пользы дела нужно бы Ивану Яковлевичу Христофорову поступать на место инспектора чувашских училищ: он будет на этом месте, без сомнения, весьма полезный человек. Христофоров принимал активное участие в организации Симбирской чувашской школы».

Мы привели здесь документальные выдержки не для того, чтобы противопоставить Золотницкого Яковлеву, наоборот, для того, чтобы воссоздать историческую справедливость. Бесспорно, Иван Яковлевич Яковлев — выдающийся просветитель чувашского народа, наш Патриарх. К сожалению, в канун 150-летия И.Я.Яковлева в печати появился ряд публикаций, где некоторыми исследователями заслуги одного просветителя пытались приписывать другому, и где деятельность Н.И.Золотницкого незаслуженно умалчивалась. Думается, что таких «лжеисследователей» ждет судьба «лысенковщины».

В заключение отметим, что в 1871 году И.Я.Яковлев при участии студента-филолога В.А.Белилина под руководством Н.И.Ильминского на основе русской графики составил чувашский алфавит и букварь, которые в 1872 году были переработаны. А в 1875 году он был назначен и.о. инспек-

тора чувашских школ Казанского учебного округа, а затем и инспектором, вторым по счету после Н.И.Золотницкого. С этого времени развернулась напряженная педагогическая и просветительская деятельность великого чувашского просветителя И.Я. Яковлева. Приведенные нами в статье документальные материалы показывают, что деятельность первого инспектора чувашских школ Н.И.Золотницкого оказалась интересной и содержательной. За короткий срок он сумел подготовить организационные, педагогические и методические начала чувашской национальной школы и символически передал эстафету организатора чувашского просвещения молодому И.Я.Яковлеву, который продолжил дело просвещения чувашского народа на прочно заложенном Н.И. Ильминским и Н.И.Золотницким фундаменте.

Использованные источники и литература

1. *Иванов-Ехвет А.И.* Музы ищут приют. Чебоксары, 1987. С. 351; *Сейфуллин В.Т.* Первый инспектор // Народная школа, 1994. №3; *Ефимов Л.А.* Системы просвещения нерусских народов и чувашские школы Поволжья и Приуралья последней трети XIX – начала XX вв. Монография. Чебоксары, 2000. С. 260; *Ефимов Л.А.* Школы Чувашского края в XIX–XX вв. Монография. М., 2003. С. 536.
2. История Чувашской АССР. Ч.1. Чебоксары, 1983. С. 242.
3. Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2001. С. 174.
4. Вятские губернские ведомости, 1861. № 17.
5. *Ефимов Л.А.* Стоял у истоков национальной школы // Региональные проблемы трансформации экономики, политики и духовной жизни общества. Сб. ст. Поволж. науч. конференции. Чебоксары, 2001. С. 318.
6. *Ефимов Л.А.* Школы Чувашского края в XIX–XX вв. М., 2003. С. 71.
7. Приложение к сборнику документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб., 1869. С. 15.
8. Отчет о состоянии Бичуринского двухклассного народного училища // Циркуляр по Казанскому учебному округу за 1868 г. Казань, 1868. № 19. С. 151.
9. Там же. С. 160.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 170. Ед. хр. 143. Л. 394.
11. РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Ед. хр. 143. Л. 397 об.
12. Там же. Л. 402.
13. *Иванов-Ехвет А.И.* Указ. соч. С. 52.
14. РГИА. Ф. 1215. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 320.
15. *Иванов-Ехвет А.И.* Указ. соч. С. 53.
16. *Золотницкий Н.И.* Отчет инспектора чувашских школ за 1867 г. // Журнал Министерства народного просвещения за 1861 г. № 17.
17. *Яковлев И.Я.* Моя жизнь. М.: «Республика», 1997. С. 197.

*П.Н. ЧИЧКАНОВ, Украина культурин
тава тивёслё ёсченё,
Чăваш республикин тава тивёслё
художникё, халăх асчахё*

КТО ОН, «БЛИЗКИЙ ЯКОВЛЕВУ ЧЕЛОВЕК»?

*Аслăланать тёнче,
Чăваш тёнчи,
Шевченко ялёнче
Чăваш чёлхи!*

*П.Хузангай.
Село Шевченково,
16. VI. 59*

Лет двадцать назад я работал над серией рассказов про художников. Собирая материалы про Репина, наткнулся на дневники А.В.Жиркевича (1857—1927). Он был поэтом и писателем, в свое время печатался в российских провинциальных изданиях, а также в популярном тогда издании «Вестник Европы», имел несколько книг поэзии. По профессии Жиркевич был военным юристом, дослужился до генерала. Но литература и искусство захватывали его больше всего.

Илья Репин написал с него четыре портрета. А на своей фотокарточке, подаренной в знак искреннего признания, написал собственноручно: «Дорогому Александру Владимировичу Жиркевичу на добрую память. И.Репин. 17 марта 1890 г.».

Человек, который близко знал И.Репина, Л.Толстого, А.Чехова, А.Фета, Н.Лескова, Я.Полонского, А.Куинджи, М.Антокольского, В.Серова и многих других писателей и художников, в августе 1915 года, когда выстрелы Первой мировой войны гремели на его родине (родился в г. Лудзе (Латвия),

жил в Вильно (Вильнюс, Литва) переезжает в Симбирск, где жили его дальние родственники. Вскоре здесь состоялась встреча А.В.Жиркевича с И.Я.Яковлевым, которая в будущем переросла в большую дружбу.

В 1989 году популярный чувашский журнал «Ялав» («Знамя»), в своем майском номере напечатал короткие отрывки из дневников А.В.Жиркевича. Записи эти относятся к 1919—1922 годам, и все они связаны с именем И.Я.Яковлева.

Привожу запись всего лишь одного дня, а именно, 9 ноября 1919 года: «...Я отдал Яковлеву письмо Ленину (Из предыдущих записей видно, что письмо написано в связи с необоснованными притеснениями Яковлева и его семьи, а также с закрытием Чувашской учительской семинарии чиновниками новой власти.), во время обсуждения которого присутствовали учителя семинарии Колосов, Орлов и близкий человек Яковлеву Гулак-Артемовский...».

Невероятно приятная неожиданность: Гулак-Артемовский! Откуда?..

Мне кажется, на Украине пока что знают только двоих Гулак-Артемовских: Петра Петровича Гулак-Артемовского — талантливого украинского поэта-баснописца, переводчика, просветителя, и его племянника Семена Степановича Гулак-Артемовского — гениального композитора, выдающегося оперного певца, драматурга. Кто не знает его известную оперу «Запорожец за Дунаем»? Она навеки остается непревзойденным музыкальным произведением, от начала до конца полным народно-песенных интонаций.

Было время, когда почти каждую неделю передавали по Всесоюзному радио дуэт Одарки и Карася в исполнении народных артистов СССР Марии Литвиненко-Вольгемут и Ивана Паторжинского:

Одарка: Відкіля це ти узаявся?
 Де ти досі пропадав?
 Хоч би бога побоявся,
 Хоч би трохи сором мав!..

Карась: Ось послухай, що вчинилось...
 Страх мене бере й тепер!

Лишенько таке зробилось,
Трохи, трохи я не вмер!..

Итак, ни первый, ни второй Гулак-Артемовские не могли быть в Симбирске, да еще в 1919 году, потому что первый умер в городе Харькове 1(13).X.1865 г. в 75 лет, второй — в Москве 5(17).IV.1873 г. в свои 60 лет и похоронен на Ваганьковском кладбище. Между прочим, Иван Яковлев тоже умер в Москве (1930 г.) и похоронен на том же кладбище.

Вспоминаю 1959 год, 16 июня. Теплый солнечный день. На Украине с большим успехом проходят Дни чувашской литературы. Группы украинских и чувашских писателей остановились в живописном месте Городище, что на Черкашине. По плану здесь посещение известного украинского писателя Ивана Ле, который ежегодно, в июле, живет на своей даче.

— Добрый и сердечный человек, — сказали украинские товарищи. — Очень хочет видеть вас — посланцев с Волгматушки.

— В прошлом году мы с ним встречались в далеком Ташкенте, — с радостью отозвался Педер Хузангай, руководитель чувашской группы писателей, народный поэт республики.

Среди роскошных плодовых деревьев вырисовывался симпатичный старенький двухэтажный домик с верандами и широкими окнами. А вблизи «хатки» длинный стол, уставленный всяческими вкусными блюдами.

— Добро пожаловать! Добро пожаловать! — приглашали добрыми голосами Иван Леонтьевич и Ирина Терентьевна.

— Мы, вместе с Ириной Терентьевной, от души приветствуем вас, посланцев братского чувашского народа, на нашей украинской земле и в нашем славном городе, — начал Иван Ле свою речь.

Голос хозяина был негромким, мягким и душевным. Говорил он неторопливо, будто бы прислушиваясь к тому, что было сказано только что.

— Наш город построен на журчащей и светлой речке Вильланке и берет свое начало из трех казацких городищ: Жабокрич, Теличивка и Бугаевка, — продолжил Иван Ле. — Кто сегодня скажет, где они, эти поселения? Возможно, лишь старые люди смогут рассказать, а, может, и нет... Но не об

этом речь. Тут жили славные казаки, которые ходили за Дунай. И, наверняка, поэтому наш земляк, человек широкой души, искрометного таланта, не удержался и от большого восхищения создал первую украинскую национальную оперу «Запорожец за Дунаем». Думаю, все вы слышали про такую оперу?

— Конечно...

Интересный рассказ про двух родственников хотя и полился несколько медленно, но был невероятно захватывающим. У Ивана Ле был божий дар исключительного рассказчика.

— Я долго занимался изучением их жизни и всегда при этом ощущал: вот они, живые, стоят перед моими глазами во всей человеческой красе, пиши повесть или роман! — оживился Иван Леонтьевич. — Но однажды, почти случайно, я обнаружил, что их не только двое, а трое или четверо. И моя работа начала угасать. Надо было мне и дальше изучать их, но я переключился на другую историческую тему, связанную с Богданом Хмельницким. Извините, об этом в следующий раз, пока что мы говорили про братьев... Так, например, был еще родственник Борис Осипович Гулак-Артемовский. Он долгое время проработал на ниве образования. Вначале в Харькове, а потом в Поволжье. Будто бы был инспектором, еще кем-то. Кажется, у него был брат, младший, певчий в церковном хоре...

Писатели Чувашии слушали рассказ Ивана Ле очень внимательно. Их заинтересовало заявление писателя о том, что след Гулака-Артемовского затерялся где-то на Поволжье. И очень удивило, что он со своим приятелем говорил на каком-то языке, и они сошлись на мысли, что это вполне мог быть чувашский язык.

— Педер, скажи, пожалуйста, что-нибудь, — спохватился Стихван Шавли. — Ты же Ивана Яковлевича и его окружение знаешь как никто из нас. Может быть, наш патриарх действительно знал приволжского Гулак-Артемовского.

Ирина Терентьевна поддержала просьбу Шавли, и ласково, по-женски, спросила:

— Петр Петрович, Ваше отношение к этой теме?..

Хузангай с благодарностью взглянул на хозяйку и сидящего рядом Ивана Ле, на друзей за столом:

— Спасибо Вам, дорогая Ирина Терентьевна, спасибо

Вам, дорогой Иван Леонтьевич, — начал он спокойно, будто бы взвешивая каждое слово. — Милые друзья, побратимы, возможно сам Пюлех (всевышнее божество чуваш), определяя, какому народу где жить и с кем иметь дружеские отношения, с любовью благословил то, что украинцы и чуваша с далекого прошлого, еще со времен киевского князя Владимира, который побывал на наших волжских берегах, живут в мире и любви. Сегодня можно вспомнить десятки и десятки имен чувашских и украинских, которые так или иначе связаны друг с другом. Ну, хотя бы автор чувашской грамматики Ермий Рожанский и воспитанники Киевской духовной академии Вениамин Пуцек-Григорович и Феофан Чарнуцкий, наш Иакинф Бичурин и ваш Николай Гнедич, выходец с Украины Илья Репин и чувашский украинец Алексей Кокель — известный харьковский художник и профессор, через Шевченко и Гоголя сельский поэт с Черниговщины Федор Пакрышень и наш могучий Мишши, как любезно называют его украинцы — сын двух народов Сеспель, известный наш современник Павел Тычина в моей судьбе вот уже почти 30 лет является высоким авторитетом и другом. А присутствующие здесь мои друзья милых подруг нашли на Украине — Александр Алга и Михаил Уйп. Стихван Шавли в тяжелые двадцатые годы воспитывался в Харьковском детдоме, в Киеве живет наш «посол и культпред», всем вам известный Петр Чичканов...

Сегодня мы услышали новое имя: Гулак-Артемовский!

Вполне можно предположить, что он был в окружении Ивана Яковлева. Думаю, в этом нет никакой ошибки.

Вообще, про Яковлева можно рассказывать и рассказывать. Наш профессор очень точно сказал про него: «За один человеческий век он создал литературный чувашский язык и дал законченный пример изложения на нем сложных литературных произведений, то есть сделал то, что для славянских народов сделали Кирилл и Мефодий, для немецкого — Лютер, для английского — Уинклиф, для французского — Сиси».

И эта глыба, по-чувашски Улып, открыл и в нашем селе в 1878 году школу. В этой школе я сделал первые шаги к вершинам образования. Я вспоминаю с чувством сердечной благодарности мою учительницу и землячку Наталью Яков-

левну Яковлеву. Она была преподавателем Симбирской чувашской школы, соратницей просветителя Ивана Яковлева...

После незабываемой городищанской встречи с известным украинским писателем Иваном Ле, Хузангай прожил еще десять лет. Помню его большую радость, когда ему удалось найти в Чехословакии, в Карловых Варах, санаторий, в котором в свое время лечился Иван Яковлев. Мечтал сделать мемориальную доску на одном из домов. Но не успел...

На моем рабочем столе книга, упомянутая выше, — «Воспоминания» И.Я. Яковлева. Переворачиваю страницу за страницей. И вот — Гулак-Артемовский! Борис Осипович!

Был прав в своих догадках Педер Хузангай: Иван Яковлевич был не только с ним знаком, а и дружил с ним. Привожу строки из воспоминаний о нем, как говорится от «А» до «Я»:

«Одним из зол Поволжья по земельному вопросу явилось то, что местное дворянство хотя бы Симбирской, Казанской губерний совершенно не понимало ни своего положения, ни назначения в отношении к крестьянскому населению. Я положительно не могу указать здесь ни одного помещика, который разумно, справедливо относился бы к крестьянам. Все это были убежденные, закоренелые крепостники. Должен, однако, оговориться. Как некоторое исключение за последние двадцать лет выделился из общей массы дворянства помещик Борис Осипович Гулак-Артемовский, которого я хорошо знал, владевший в Симбирской губернии, в Казанском уезде прекрасным имением Чуфарово. Ранее он служил в Харькове, потом недолго состоял инспектором народных училищ в Сызранском уезде Симбирской губернии. Гулак-Артемовский построил в своем имении огромный каменный дом для народного училища. Он готовил для этого училища учителей, для чего способное сельское юношество присылал даже ко мне в Симбирскую чувашскую школу. Я часто с ним беседовал на темы просвещения народа. У него была здравая, справедливая мысль, что никакие государственные, общественные реформы невозможны, если не повышать общего народного образования. У Гулак-Артемовского была богатая мать, жившая в Чуфарове и сочувствовавшая просветительной деятельности сына, и брат (младший), стремившийся, уйдя из имения, жить своим трудом.

Случайно я столкнулся с ним в Сочи. У него был отличный голос. Он зарабатывал себе пропитание, состоя певчим в церковном хоре и поденно где-то работая. Я знал этого интересного человека с 1903 года, ранее, чем познакомился с его старшим братом, которого встретил после того лет через семь. Последний обратился ко мне за советом, прося помочь ему в деле народного образования. Только одного его я и знал как помещика, стоявшего близко к сельскому люду, старающегося, желавшего встать к деревне еще ближе, приносить ей насущную пользу».

Вот и все, что мы узнали про Бориса Осиповича Гулак-Артемовского — симбирского дворянина, как написано в указателе имен в этой книге, который поселился на Поволжье и вел просветительную деятельность, был в дружеских отношениях с Иваном Яковлевичем Яковлевым.

В своих воспоминаниях Яковлев не только дал высокую оценку работе Бориса Осиповича, но коротко рассказал про его мать, про младшего брата, у которого был отменный голос, и он служил певчим в церковном хоре (вспомните Семена Степановича Гулак-Артемовского — композитора, который сначала тоже был певчим хора Михайловского монастыря в Киеве).

Жаль, что во время пребывания в гостях у Ивана Ле, восхищаясь поволжскими родственниками, никто из нас не догадался поинтересоваться, а кто же сегодня, в наше время, связан с Гулак-Артемовскими. Судя из вышесказанного, братья были из третьего поколения большого семейства, и можно предположить, что они могли прожить до тридцатых или даже сороковых годов...

И.Я. Яковлев был образованным человеком. Он досконально знал и свободно владел славянским, русским, греческим, немецким, французским, английским, итальянским, татарским, алтайским и другими языками. Нет сомнения, что более двадцати лет тесной дружбы с Гулак-Артемовским дали ему возможность знать и украинский язык. Знал Тараса Шевченко. Безусловно читал «Кобзарь», если не в оригинале, то в переводе российских поэтов. Про Украину и ее культуру много ему рассказал и Алексей Кокель, бывший его воспитанник, с которым он встречался во второй раз в 1919 году в Симбирске. Еще раньше, до этого, Яковлев постоянно общал-

ся с любимым преподавателем физики и математики Симбирской чувашской школы Алексеем Васильевичем Годневым — воспитанником Киевской духовной академии, человеком всесторонне эрудированным, щедрой и веселой души. С ним он не терял связи до самой смерти последнего в июле 1920 года. Возможно, он оставил воспоминания про школу и И.Я. Яковлева.

Иван Яковлев с удовольствием выписывал разнообразные издания, которые выходили в Киеве, в том числе и «Церковноприходскую школу». По его совету, в 1890 году в этом журнале печаталась талантливая работа Н.М. Охотникова «Грамота среди чувашей» на исторически-педагогическую тему. Сам же не торопился печататься в нем, скромный, лишь говорил: «ну зачем...».

И только в наше время увидели свет на украинском языке некоторые произведения Ивана Яковлева, кроме прочего, страницы из объяснительной записки В.И. Ленину, Духовная чувашскому народу в книге «Хрестоматия истории отечественной педагогики», 1961 года. Во втором издании «Украинской советской энциклопедии» (12 том, стр. 498) есть статья про Ивана Яковлевича Яковлева, упоминают его и в другой статье «Чувашская литература» в том же 12 томе.

В своей путевой зарисовке выдающийся педагог России и чувашский писатель Г.Н. Волков указывает, что на родине великого педагога В.А. Сухомлинского, в уютном украинском селе Павлиш, в школьном музее над разнообразными подарками-экспонатами, которые прислали из Чувашии, висит портрет И.Я. Яковлева. Тут же записи Василия Александровича про чувашский язык, про культуру чувашского народа, план проведения вечера, посвященного выдающимся землякам Ивана Яковлева.

Отрадно, что почти такие же экспонаты, связанные с именем великого сына чувашского народа, находились в музеях средней школы имени Мишши Сеспеля в городе Остере и в селе Ивановка, в музее М.Коцюбинского, на родине Павла Тычины в селе Пески Черниговской области.

Лауреат украинской государственной премии имени Т.Г.Шевченко, известный украинский писатель Владимир Канивец в своем большом романе «Ульяновы» посвящает яркие страницы жизни и деятельности Ивана Яковлева.

Выдающийся украинский поэт-академик Павел Тычина высоко ставил И.Я. Яковлева — педагога-новатора, организатора Симбирской чувашской учительской школы, который проработал на ниве народного образования более 50 лет. И в знак глубокой благодарности, в числе первых книг, которые подарил Тычине народный поэт Чувашии Педер Хузангай, была книга «Иван Яковлевич Яковлев».

Бывший воспитанник Симбирской чувашской школы, известный чувашский писатель, поэт, публицист, государственный деятель Дмитрий Петров-Юман, который переписывался со Львом Толстым и Максимом Горьким, писал о нем: «Иван Яковлевич — большой человек и историческая личность. И разве не тот же завет звучит в слове великого писателя Тургенева, давшего обещание всю жизнь бороться с крепостным правом? И разве не похожа жизнь Ивана Яковлевича на жизнь поэта Шевченко, отдавшего всего себя делу освобождения украинских селян?»

Проходят года, но светлый образ могучей глыбы чувашского народного образования не тускнеет, а больше и больше возвеличивается. Сегодня к этому яркому образу добавились совсем другие черты, связанные с именем украинского побратима Бориса Осиповича Гулак-Артемевского. Правда, это всего лишь первые шаги, но они сделаны. И это нас очень радует.

Май—июнь, 1998 г. Школа—Киев—Дача.

Р.С. В ноябрьские дни мне посчастливилось побывать в столице Чувашской Республики в живописном Шубашкаре в связи со славным юбилеем народной артистки СССР Веры Кузьминичны Кузьминой. Все было прекрасно. Встретился я там с многими приятелями и друзьями. Кроме того, коснулись и темы Ивана Яковлева. Конечно, меня интересовали дневники А.В. Жиркевича, напечатанные в журнале «Лик Чувашии»^{*}.

Вот они, новые находки, касающиеся Бориса Осиповича, которые я вытянул из записей Жиркевича. Привожу их в хронологической последовательности.

«1918 г. 4 ноября. Вчера я читал И.Я. Яковлеву и его жене записанные с его слов воспоминания о семье Ульяновых

^{*} *Имеется отдельное издание: Жиркевич А.В. Мои встречи с И.Я. Яковлевым: Из дневника за 1916—1924 годы. Отв. ред. д. и. н. Л.Н. Пушкарев. Подготовка текста и комментарии Г.А. Александрова. Чебоксары: «Руссика», 1998. 467 с.*

и Володе Ульянове-Ленине. Сообща кое-что исправили. Сегодня я закончил переписку рукописи и снесу ее к Яковлеву. Он должен ее подписать и сдать Измайлову. По моей просьбе (благодарный, добрый старик с удивительной доброжелательностью пошел мне навстречу) Яковлев написал (под мою диктовку) письмо сыну Алексею, прося его вмешать в судьбу бедного старого священника Боголюбова самого Ленина. Письмо это я сейчас сдал на почту...

В конце моего визита пришел тот самый ныне разоренный помещик Гулак-Артемовский, о котором, касаясь дворянства Симбирской губернии, Иван Яковлевич говорил как об единственном дворянине, жившем и трудившемся для крестьянства по убеждению, не крепостнически. К сожалению, я мог с ним проговорить лишь с полчаса, но все же вынес очень симпатичное впечатление. К своему разорению крестьянами же, которых он облагодетельствовал, Гулак-Артемовский относится, как оно и следует, философски-прощающе. Теперь я горю одним желанием — освободить невинного страдальца отца В.Ф. Боголюбова. Так как он знал хорошо семью Ульяновых и самого В.И. Ленина, то, с согласия Ивана Яковлевича, я дважды это подчеркнул в его воспоминаниях.

При мне вчера Яковлев стал говорить с Гулак-Артемовским на тему о том, что симбирские помещики, в огромном их количестве, были крепостники, враги народа. Тот пробовал указать на каких-то Самариных, но робко, нерешительно. И Яковлев его сейчас же разбил на всех пунктах».

Кн. 2, 1995 г. Стр. 152.

«1919 г. 23 июня. ...Вчера я при помощи Ивана Яковлевича надписывал фотографии в его альбомах. Немного помогал и Рекеев (Алексей Васильевич — первый учитель Симбирской чувашской школы, служитель культа, в советское время работал в государственных учреждениях. — П. Ч.). А потом ему это надоело, и он ушел к себе. Позднее пришел бывший помещик Гулак-Артемовский, которого я встречал у Яковлевых, еще какие-то барыни. Трудно работать с Яковлевым. Тем не менее в его альбомах я надписал карточки многих интересных лиц. А то потом никто и не знал бы, кто это... (Я предполагаю, что на какой-то фотокарточке есть

изображение и Гулак-Артемовского. — П. Ч.). Работаю, думая, что многие фотографии пригодятся для музея Симбирской чувашской семинарии».

Кн. 4, 1995 г. Стр. 105.

«1919 г. 9 ноября. Сегодня я отдал Ивану Яковлевичу мою работу — письмо его к Ленину-Ульянову. Прочтена была моя рукопись в присутствии Н.И. Колосова, В.Н. Орлова (оба учителя семинарии. — П. Ч.), перепечатающего ее на машинке, и случайно подошедшего Гулак-Артемовского и Яковлева. Колосов сделал две-три поправки. Я их сделал с согласия Яковлева. В общем работа моя одобрена. Будет ли из нее прок для общечувашского дела — неизвестно. (Эта запись, приведенная еще выше из журнала «Ялав» несколько отличается, но это лишь из-за свободного отношения переводчика к оригиналу. — П. Ч.)»

Кн. 5–6, 1995 г. Стр. 211.

«1920 г. 7 марта. У Ивана Яковлевича завтракал симпатичный Б.О.Гулак-Артемовский. Яковлев для характеристики нашего простолюдина дал мне и Гулак-Артемовскому прочесть ту часть сочинения Метерлинка (бельгийский писатель. — П. Ч.) о пчелах, где писатель приводит мнение какого-то знаменитого физиолога о нормандском просто-народье. Яковлев (в это время ему было 72 года, Жиркевичу 63. — П. Ч.) плохо слышит. Многое из моего разговора с Гулак-Артемовским было ему не слышно, непонятно. Он все оплакивает разгром Чувашской церкви, следит за тем, что делается на захваченной губоно ферме бывшей Симбирской чувашской школы».

Кн. 1–2, 1996 г. Стр. 152.

Заканчивая свои экскурсии в жизни двух людей: чуваша Ивана Яковлевича Яковлева и украинца Бориса Осиповича Гулак-Артемовского, которые вместе не только работали, но и дружили, хочется добавить еще несколько фактов.

Осенью 1922 года тяжело больной и немощный И.Я.Яковлев оставил родной Симбирск. В какой-то степени негожую роль в этом сыграла его супруга Екатерина Алексеевна. Вначале он отправился в Петроград, к младшему сыну,

а потом переехал в Москву, где жил старший сын — профессор Московского университета. Больше он в Симбирск не вернулся, хотя в мечтах жил с этим городом до конца своих дней.

А.В.Жиркевич же оставался в этом городе почти до последних дней в 1926 году. Он вел свой дневник, но лишь до 12 декабря 1924 года. За те годы, что он жил без И.Я.Яковлева, ни разу не упоминал про Гулак-Артемовского. Почему? Неизвестно.

Заглянем в дневник. Вот какую запись найдем в нем за 19 июня 1924 года. «Невыразимая тоска охватывает меня, когда я захожу в Чувино (Чувашский институт народного образования — бывший семинарий. — П.Ч.)... Прежде всего нет там ни Яковлева, ни тех, кого я привык там встречать: кто умер, кто выехал в далекие страны. Лишь старые вязы во дворе, приветствуя меня размеренным или тревожным шелестом, точно рассказывают о том великом, славном, интересном прошлом, когда Симбирская чувашская школа была рассадником российской православной культуры среди чувашского народа. Кого только деревья эти не видели! ... Часто великих людей прошедшего времени, которые работали на добро инородцев, людей противоположных направлений, качества, морально-духовного содержания.»

Этот отрывок звучит как эпилог для всех рассказов, которые находятся в дневнике. Кто знает, может, в этих самых строках и ответ на наш вопрос. Хотя ответ вроде бы и не имеет точного адреса.

Но несмотря ни на что, не следует нам откладывать начатую работу по изучению жизни и деятельности представителей удивительного рода Гулак-Артемовских, которые по велению судьбы очутились в Поволжье и там прославляли свой украинский народ, не уставая и честно работая на ниве народного образования и культуры дружественного чувашского народа.

Шубаешкар—Киев, ноябрь, 1998 г.

*Е.П. МИХАЙЛОВ,
заведующий отделом
археологии ЧГИГН*

**МИХАИЛ СЕСПЕЛЬ:
НЕИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА
(АПРЕЛЬ 1921 г.)***

**Найдена первая фотография с ликом поэта
чебоксарского периода жизни**

Не могу удержаться от добрых слов в адрес фотографии. Без нее наше представление о прошлом было бы значительно слабее и туманнее. Фотоснимки доносят непередаваемый аромат ушедшего, ставшего уже историей.

Открытие это из разряда случайных. Еще в начале прошлого года, помогая искусствоведу М.Г.Кондратьеву в расшифровке двух фотоснимков, при детальном рассмотрении одного из них мой взгляд задержался на человеке с папкой или книгой в левой руке. Лицо же его мне показалось очень знакомым. «Да это же Михаил Сеспель!» Радость большого открытия и невольное сомнение овладели мною. В такую удачу трудно было поверить.

Оба эти отпечатка поступили в научный архив Чувашского института гуманитарных наук в 1984 г. от проживавшей тогда в городе Горьком М.Г.Борисовой-Эльмень (вскоре она умерла). К сожалению, Матрена Григорьевна, сама сидящая в группе на одном из снимков, сдала их в архив почти без аннотации: «г. Чебоксары, позже 1922 г.». Фрагменты с них опубликованы в 1992 г. М.Г.Кондратьевым и Э.М.Юрьевым в буклете о композиторе Ф.П.Павлове, а датированы они «примерно 1921—1923 годами».

* Статья написана в апреле 1998 г.

Все известные нам прижизненные немногочисленные фотографии поэта выполнены в Тетюшах, Казани, Нижнем Новгороде, Евпатории и на Черниговщине. Тщательное сравнение с ними (в оригиналах и репродукциях), обращение к исследователям жизни и творчества Сеспеля подтверждают открытие остававшегося до сих пор неизвестным, ставшего первым его изображением в дни пребывания в Чебоксарах.

Общеизвестно, поэт жил в Чебоксарах с 30 августа 1920 г. по 12 мая 1921 г. Фотография же сама до предела сузила хронологические рамки поиска и облегчила дальнейшую разгадку тайн снимков. Запечатленные нарастающий снег в чебоксарских оврагах и ложбинах, яркое солнце, одежда собравшихся не оставляли сомнения, что это — весна 1921 года.

Нет возможности описать все перипетии установления истины. Это действительно было сравнимо с поиском иголки в стоге сена. И все же изучение многих государственных и личных архивных фондов, фотоколлекций, газет и журналов, беседы с современниками тех далеких лет, исследователями, краеведами позволили, наконец, прийти к неоспоримой дате.

Оба снимка сделаны в Чебоксарах в воскресенье 17 апреля 1921 года и связаны с торжественным заседанием «граждан на открытии Общества по изучению местного края в помещении Государственного Чувашского Театра». Основным подтверждающим документом является обнаруженный в Центральном госархиве Чувашской Республики протокол этого заседания. О составе участников заседания можно только догадываться и судить по фотографиям: это работники областных и городских учреждений, учителя, работники искусств, военные, учащаяся молодежь и даже дети. Создание Общества при Чувашском музее преследовало свои цели: «расшевелить массы, привлечь к созданию Центрального Чувашского музея и изучению местного края деятелей Чув. Автобласти».

Судя по документам и прессе того времени, собрания, нередкие в то время и в воскресные дни, начинались обычно в 12 часов дня. Вероятно, так было и в тот раз. Открыл торжественное заседание заведующий Чувашским областным отделом народного образования (облоно) И.Н.Яштайкин. По открытии заседания «хор певчих» (хор под управлением Ф.П.Павлова, состоявший в большинстве своем или исключительно из девушек Чебоксарских педкурсов и Музыкальной

школы) исполнил «Интернационал» на чувашском языке. Избирается президиум: Д.С.Эльмень — председатель Чувобл-исполкома, И.Н.Яштайкин, Н.П.Неверов — заведующий Чувашским центральным музеем, К.А.Кадушин — председатель областной ЧК, С.П.Павлов — руководитель Чебоксарских педкурсов. Секретарями стали Ф.Т.Тимофеев (Тимухха Хветёрё) — председатель переводческо-издательской комиссии при облоно и Н.А.Алексеев — заместитель председателя облоно. Затем был принят порядок дня: три доклада, выборы в Совет Общества и текущие дела.

Первым выступил Д.С.Эльмень с докладом «История чувашского народа». Интересна его оценка, данная И.Я.Яковлеву: «Деятельность Ильминского — русификаторская с целью эксплуатации, помощник его — Ив. Як. Яковлев; нет худа без добра: благодаря их работе создалась азбука чувашская, литература и религиозные книги. Чуваши оправославились. Чувашская интеллигенция... вместо технической работы ударились в поповство».

Н.П.Неверов в информационном докладе «Музейное строительство в РСФСР и Центральный Чувашский Музей» изложил свое видение целей и задач «новых» музеев. Третьим перед собравшейся публикой выступил И.Н.Яштайкин с темой «Цель и задачи Общества по изучению местного края».

Нужно отметить, что прений по докладам не было. Далее, судя по протоколу, включенные в повестку дня выборы в Совет и «текущие дела», по предложению Д.С.Эльменя, были отложены. Было сообщено, что желающие записаться в члены Общества приглашаются в здание облоно (на Красной площади), и Эльмень объявил о закрытии торжественного заседания. Можно предположить, что опять был исполнен «Интернационал» (записи в протоколе нет).

Фотограф Михайлов

Дальнейшие события происходили уже вне протокола. Участники исторического заседания сфотографировались в зале театра, а затем на улице, расположившись на площадке перед театром. Происходило это, судя по отражениям и теням, после 14 часов (проверено на месте). Конечно, тогда цена фотографу была другая, чем сегодня. В то время Чебоксары по развитию кинематографа и фотографии не шли в сравнение

даже с Алатырем, не говоря уж о Казани или Симбирске. В таком еще недавно уездном городишке мастеров называли не иначе как «Граф Фото». Сегодня мы с большой долей вероятности можем назвать и фотографа, запечатлевшего это событие, М.Сеспеля и других известных и неизвестных. Это штатный фотограф фото- киносекции подотдела искусств облоно Федор Николаевич Михайлов. К сожалению, у нас еще слабо изучена история развития фотоискусства. О Ф.Н. Михайлове нам пока известно только то, что он имел к 1921 г. пятилетний стаж работы, вероятно, фотографической, сильно болел. Лучшие фоторепортеры всегда были профессионалами, великолепно владели примитивной техникой, были отменными организаторами. Возможно, таким мастером был и Ф.Н. Михайлов. Возглавлял же эту секцию Павел Евгеньевич Мартэнс, выпускник Московского художественного училища.

Фото- киносекция еще в 1920 г. приступила к оборудованию в городе фотомастерской. При ограниченном обеспечении фотопластинками, реактивами и другими трудностями задача перед фотографом ставилась «непосредственно в области искусства», снимать очень оригинальные костюмы и предметы старины чувашей, исторические места и памятники, театральные постановки и т. п. Рассмотренные 2 снимка от 17 апреля из этой же серии, посвященные важным собраниям. К июню 1921 г. фото- киносекцией было произведено, как отмечено в документах, всего 75 снимков.

Д.Эльмень и другие

Члены президиума заседания и несколько присоединившихся к ним высоких чинов как в зале, так и на улице перед зданием театра перед объективом фотоаппарата расположились строго по существовавшей иерархии (в центре — Д.С.Эльмень, а по сторонам другие руководители). «Хор певчих» и рядовые участники расположились за ними. На «уличном» фотоснимке сидят справа налево от нас: неизвестный (на коленях) из публики, Ф.П.Павлов, С.П.Павлов, И.А.Кадушин, Д.С.Эльмень, И.Н.Яштайкин, Н.П.Неверов, один из двух последующих, по нашему предположению, Н.А.Алексеев (родился в 1880 г. в д. Кудемеры нынешнего Козловского района), другая личность пока не установлена, крайний слева от нас соратник Д.Эльменя, в то время пред-

седатель Облполитпросвета Лев Миронович Лукин. Ф.Т. Тимофеев стоит за «президиумом», условно, за Н.А. Алексеевым, в шинели, прикрываясь левой ладонью от бьющих в лицо ярких лучей солнца. Данные об установленных лицах вполне соответствуют содержанию протокола, что еще раз подтверждает дату 17 апреля 1921 г.

Незавершенность торжественного заседания в здании Чувашского театра можно объяснить по-разному. Из газет того времени узнаем, что на 17 апреля было назначено открытие Беспартийной крестьянской конференции, где, вероятно, должны были участвовать Д.С.Эльмень и другие высокопоставленные лица. Можно также предположить и следующее: в тот же день, судя по опубликованному отчету Общества изучения местного края за 1921—1923 гг. (Чебоксары, 1924), состоялось другое (вероятно, не в Чувашском театре) торжественное заседание, где участвовали «представители местной власти, разных учреждений, преподавательский персонал большей части учебных заведений и многочисленная публика». Открыв заседание, Д.Эльмень выступил «с воодушевленной речью, в которой выяснял цели, задачи и значение предстоящих научных изысканий в области чувашеведения, и объявил Общество открытым. По предложению избранного председателем собрания Н.П.Неверова, был прочитан утвержденный устав Общества, и была открыта запись для желающих вступить в число его сотрудников, с указанием области, в которой каждый хотел бы работать. «Таких оказалось 51 человек» (список хранится в архиве). После этого состоялись выборы Совета Общества в составе председателя, трех членов и секретаря.

Из мочальных складов — театр

Несколько слов о здании Чувашского государственного театра, где происходило торжество открытия Общества. После образования Чувашской автономной области начались поиски подходящего дома для Чувашского государственного театра. О строительстве новых зданий в то время не могло быть и речи. Для переоборудования под театр режиссер И.С.Максимов-Кошкинский и руководство области выбрали кирпичные мочальные склады купца Хлебникова. Для расчистки складов и переоборудования проводились постоянные суб-

ботники. В них, по воспоминаниям М.Г.Борисовой-Эльмень, активно участвовал и М.К.Кузьмин-Сеспель. Открытие же театрального здания состоялось 12 февраля 1921 г. Зал вмещал 600 зрителей, располагавшихся на скамейках в 23 ряда. Пол в первое время был земляной. Электроэнергия подавалась в театр с завода №15, владельцами которого недавно еще были купцы Ефремовы.

Оформлением сцены занималась секция изобразительных искусств во главе с художником М.С.Спиридоновым (присутствует на общей «уличной» фотографии). На снимке в зале театра видим украшение задней стены, выполненное в виде большого сурбана с лозунгом «Пётём тёнчери пролетарийсем, пёрлешёр!» («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»). Просматриваемая на стене дверь, вероятно, является дверью кинобудки. Кстати, кроме театральных постановок чувашской и русской трупп здесь в 1920-х гг. проводились и киносеансы (с 3 марта по 1 мая 1921 г. — 37 киносеансов), устраивались концерты, различные собрания и другие мероприятия.

Председатель ЧК жертвует музею картину И.И. Левитана

Когда я только начинал изучать в архивах «время Сеспеля», казалось странным присутствие на торжественном заседании председателя областного ЧК. Ныне же этот вопрос так не выглядит. Иван Андреевич Кадушин заменил в конце ноября 1920 г. на посту председателя ЧК Г.Гайдученко-Гордона, обвиненного в присвоении имущества. До приезда в Чувашию Кадушин успел поработать председателем Витебской, Уральской, Оренбургской губернских ЧК. В Чувашии отличился, руководя подавлением «чапанного» выступления в январе—феврале 1921 г. Был организатором отрядов особого назначения. Что для нас интересно и важно, он становится активным участником различных культурных мероприятий. Роль областного ЧК и И.А.Кадушина отмечена в отчете Областной секции по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы ЧАО с января по апрель 1921 г., написанном Н.П.Неверовым: «Громадное содействие в охране и собирании экспонатов оказывает обчека: 1) многие сотрудники обчека принимают живое участие в работе секции;

2) много экспонатов представлено в Центр. Чув. музей, так, напр., старинная монета, украшения чуваш, картины и проч.; 3) очень помогает в налаживании технических оборудований; 4) сам председатель обчека т. Кадушин принял самое живое и деятельное участие в Коллегии музейсекции и комиссии по охране памятников. Его знания по раскопкам и определение древностей оказывают существенную помощь секции; 5) наконец, обчекой разослано к уполномоченным обчека циркулярное письмо, которое предлагает им взять на учет и охрану все памятники искусства и старины тех мест, где они проживают и работают».

Пользуясь своим положением, И.А.Кадушин привлек к музейной работе и охране памятников силы уездных и волостных чекистов. Знаменательно, что он пожертвовал тогда Чувашскому центральному музею известную картину И.И.Левитана «Одуванчики» (1889 г.), хранящуюся ныне в Чувашском государственном художественном музее. Председатель обчека являлся также уполномоченным по оборудованию типографии в Чебоксарах, возглавлял техническую комиссию по устройству первомайских торжеств 1921 г. и т.д. В августе 1921 г. И.А.Кадушин выехал из Чувашии.

Активное участие И.А. Кадушина, работников ЧК и, вероятно, бойцов батальона ЧК на заседании 17 апреля в связи с изложенным выглядит вполне логичным. Нелогичное уже в последующем. В 1921 г. чекисты во главе с председателем обчека закладывали основы Общества изучения местного края, в 1930-х гг. не без активной деятельности чекистов данное Общество было признано «буржуазно-контрреволюционной националистической организацией». Пострадало немало бывших его членов (М.П.Петров-Тинехпи, С.М.Максимов, Ф.Т.Тимофеев, П.И.Иванов и многие другие), в том числе основатели Общества, члены Президиума заседания 17 апреля 1921 г. Н.П.Неверов и С.П.Павлов.

Сеспель: «Я теперь не живу. Так себе...»

Незадолго до описываемого дня М.Сеспель сильно болел. Сказывалась, конечно, полуторамесячная отсидка в ЧК, которая размещалась тогда в зданиях нынешнего завода «Чувашспирт» (улица К.Иванова). Здесь же он совершил неудач-

ную попытку самоубийства (съел серу спичек). В сырых подвалах развился туберкулез костей ног. 7 февраля 1921 г. его выпустили до суда на поруки товарищей, но запретили выезд за пределы города. Лишь с середины марта он начинает работу в переводческо-издательской комиссии при облоно. Пока нам известно, что здесь он переводил на чувашский язык «Хаджи Мурат» Л.Н.Толстого, готовил сборники своих стихов и чувашских поэтов. Кстати, вместе с Сеспелем на постоянной основе в комиссии работали Наум Андреевич Андреев (в будущем известный языковед под псевдонимом Урхи) и Ф.Т.Тимофеев (Тимухха Хветёрё), который формально числился заведующим комиссией, но был перегружен преподаванием чувашского языка на педкурсах и в Партийно-советской школе. Надо отметить, что Сеспель и Урхи, в отличие от Ф.Т.Тимофеева, не пользовались «ударными» пайками, которые были положены только школьным работникам. Комиссия переводила на чувашский не только книги, сотрудники «отвлекались» на переводы различных штампов, печатей и вывесок для учреждений области. Пережитая несправедливость по отношению к себе, к простым крестьянам (почему-то старались не замечать, что поэт находился в застенках во время жестокого подавления так называемого «чапанского» восстания) не могла не сказаться на его душевном и физическом состоянии. Настроение было подавленное. К сожалению, не сохранились дневниковые записи М.Сеспеля после ареста. Однако оно хорошо прослеживается по его письмам к А.П.Червяковой: «Я живу в какой-то конуре, одет в лохмотья, хожу в лаптях... Ничем не воодушевляюсь, только чувствую позор, висящий надо мной... Я лежу больной... Часто, когда пишу, даже ручка выпадает из рук. Это не от небрежности. Сил нет совершенно... К бывшим товарищам по работе не хожу... Теперь, наверное, никто не хочет знать меня. Жду суда. Повеситься бы, повеситься... Сильно болен» (письмо от 14 апреля).

15 апреля М.Сеспель уничтожает письма к нему от Червяковой, по ее просьбе. В тот же день он узнает о своем «деле»: «Чека вынесла мне приговор трехгодичного тюремного заключения. Но приговор в силу почему-то не ввели, а дело передали в Ревтрибунал... Бюрократия нарушителей своей морали мстит очень утонченно. **Но я горд тем, что бюрократом никогда не был. До конца был коммунистом.** А теперь ничто.

Ничем не интересуюсь. Политику забросил. Советскую работу тоже. На партийные собрания мне ходить запрещено (отобранный при аресте партийный билет до трагической смерти на Украине в июне 1922 г. он так и не получил. — *Е.М.*)... Такая тоска. Ни одного ведь человека — близкого, родного... Я — мечтатель, идеалист, растяпа. Идеализм в нашу эпоху преступление... Я теперь не живу. Так себе...».

16 апреля, т.е. за день до описываемого нами заседания, М.Сеспель пишет: «Сегодня чувствую себя поправившимся. Встал в 2 часа ночи. Чувствую себя бодрым. Может быть, Вас оскорбили мои письма. Это вернее всего... Как дерзко я писал... Нуся, не мог я писать по-другому. Нужно знать психологию человека после долгих дней обезвоженной жизни, и, вдруг, получив такую бесконечную радость, сердце зажглось весенним счастьем, захотелось жить, все существо было полно желанием волнений».

М.Сеспель 17 апреля 1921 г.

Не зря говорят, что фотоснимки — беспристрастное зеркало, в котором отражается истинное положение в душе человека, как и в целом обществе. У Сеспеля, расположившегося среди участников заседания, возможно, знакомых ему, — уверенный, гордый и серьезный взгляд в сторону фотокамеры. В левой руке поэта какие-то бумаги. Возможно, это рукопись перевода «Хаджи Мурата», а, может, там таятся приготовленные для отправки письма к «любимой Нусе». Об этом мы вряд ли когда уже узнаем. Видим и скромную одежду поэта: гимнастерка, фуражка, скрывшая от нас его длинные волосы. Сеспель не любил носить короткую стрижку. Через месяц после данных событий в письме к Червяковой из Нижнего Новгорода 15 мая, перед отправкой на курорт в Крым, он пишет: «Лежу в госпитале. Волосы остригли, были длинные-предлинные, короче 2-х аршин, вернее, сажени (здесь Сеспель шутит и нарочно преувеличивает. — *Е.М.*) ни одного волоса не было. Жалко, да что поделаешь. Полтора года растил — и нет их». Об обуви поэта, мы уже знаем из письма, наверное, не ошибемся, если предположим, что и здесь он в лаптях. Кстати, одновременно веселое и печальное поведал о лаптях и Сеспеле его друг П.С.Слесарев, вспоминая встречу с ним в апреле 1921 г. Из разговора о предъявленном

в ЧК обвинении в национализме Слесарев запомнил, что обвинение поэту связывалось с тем, что он носил лапти, будучи председателем Облревтрибунала. Ему, будто, следователи задавали вопрос: «Почему Вы — председатель Трибунала — ходите в лаптях?» — «Лапти — наша чувашская национальная обувь, она очень удобна в носке», — ответил Сеспель.

При описании его внешнего облика мы, конечно, не «открыли Америку». Надо заметить, что образ поэта в различных публикациях иногда сильно искажен руками ретушеров. Мы только можем подтвердить правильность характеристики, данной его друзьями и современниками. П.С.Слесарев вспоминал: «Миша Сеспель был среднего роста, с мускулистым типично чувашским лицом. Носил длинную черную шевелюру гладких черных волос. Светлые, проникновенные глаза его с чуть-чуть лукавой улыбкой горели любовью к людям, к природе». Н.Т.Васянка заметил о нем: «В памяти встает живой образ поэта, жгучие глаза, самоуверенные энергичные движения, серьезное смугловатое лицо. Простота и искренность в обращении».

Если учитывать подавленное настроение поэта, трудно было ожидать от него восторг от происходящего вокруг торжества, хотя и понимал значимость создания такого Общества. С другой стороны, здесь он мог присутствовать и по долгу службы, являясь штатным работником переводческо-издательской комиссии при облоно.

«Высшим чиновником» в области являлся Д.С.Эльмень. Нам, к сожалению, мало что известно о взаимоотношениях Эльменя и Сеспеля. Это — тема для специального рассмотрения. Об отношении Д.С.Эльменя к поэту мы можем судить по воспоминаниям жены М.Г.Борисовой-Эльмень: «В беседах со мною в 1921—1922 гг. и позже Даниил Семенович Эльмень неоднократно очень высоко отзывался о Михаиле Кузьмине-Сеспеле, оценивая его как весьма талантливого чувашского поэта. Он так и говорил: «Сеспель Мишши очень хороший поэт. Такие поэты и писатели весьма нужны нам, чувашам». Высказываний его о Кузьмине, как работнике, я что-то не припоминаю... В отзывах (Эльменя. — *Е.М.*) о Кузьмине-Сеспеле я никогда не чувствовала какой-либо нотки недовольства или неприязни к его личности».

На вопрос, присутствовал ли на торжественном заседании в театре М. Сеспель, утвердительного ответа пока у

Участники торжественного заседания перед зданием Чувашского театра. 17 апреля 1921 г.

Участники торжественного заседания в зале Чувашского театра.

нас нет. Список присутствовавших не составлялся. Не разыскали мы его на снимке, сделанном в зале со сцены. К сожалению, при отсутствии широкоугольного объектива и маленькой сцене Ф.Н. Михайлов не смог охватить в одном кадре весь зал, а именно сидящих на крайних сидениях. Надо допустить, что поэт оказался именно там. В то же время нельзя исключить то, что он мог присоединиться к фотографирующейся толпе уже на улице перед театром. Что же касается описанного выше заседания с выборами Совета Общества, не обладая документами, нет нужды пока строить предположения о присутствии там Сеспеля.

Сложным для разгадки будет и вопрос, видел ли снимки от 17 апреля сам поэт до отъезда из Чебоксар.

Нахождение под следствием, присутствие на заседании председателя ЧК, других чекистов, «чиновников» значительно осложняло отношение Сеспеля к созданному Обществу. Нет сомнения, что в другой ситуации он с радостью одним из первых записался бы в число краеведов. Однако его фамилии в списке записавшихся в Общество не обнаружили. Возможно, на то были и другие причины.

В субботу 23 апреля поэт пишет в Облисполком заявление с просьбой разрешить отпустить ему «на изготовление кафтана 10 аршин (около 7 м — *Е.М.*) мануфактуры и на подкладку, а также двух катушек ниток». Каково же было тяжелое положение, если такой мелкий вопрос рассматривался на заседании президиума Облисполкома под председательством Д.С.Эльмена. 28 апреля было принято постановление:

«Принимая во внимание заслуги гр. Кузьмина как даровитого переводчика, отпустить ему необходимый материал на 2 пары белья, на верхнее платье и кожаную обувь». Выписка же из постановления «члену пер.-издат. комиссии т. Кузьмину» была вручена лишь 6 мая. До отъезда на лечение в Крым поэт все же смог избавиться от «лохмотьев» и обновить свою одежду. Надо думать, поехал он в Крым не в лаптях...

«Белые пятна» и их устранение

Все-таки хорошо, что существует фотография, сохраняющая в своей статичности те моменты, ту жизнь, о которых начинаешь задумываться только тогда, когда рассматриваешь такие, как эти 77-летней давности снимки.

**Михаил Сеспель. 17 апреля 1921 г.
(фрагмент групповой фотографии).**

Я не сомневаюсь, что найдутся со временем еще несколько фотографий М.Сеспеля. Ведь до сих пор неизвестна судьба двух пакетов с фотокарточками, дневниками и другими документами, которые решением Ревтрибунала ЧАО в августе 1921 г. было решено вернуть после суда поэту. Однако он их так и не получил.

Хочется выразить огромную благодарность всем, кто помогал нам в нелегких поисках и сборе материалов: работникам Центрального госархива и Книжной палаты ЧР, а также Р.А.Верхилеевой, М.Г.Кондратьеву. Особая благодарность фотографу В.Г.Кириллову.

На наш взгляд, научная биография Сеспеля не должна быть сведена к перечислению анкетных данных. Периоды его жизни, в особенности чебоксарский, должны быть заполнены живым материалом, новыми фактами, наблюдениями, описаниями того, что переживала страна, Сеспель и его современники. Есть еще «белые пятна» в жизни поэта, многое еще скрывается на полках различных архивов (открытых и закрытых фондов). Поиск труден, но он необходим.

Е.А. ЛЕБЕДЕВА,
канд. филолог. наук, доцент Чувашского
государственного педагогического
университета им. И.Я. Яковлева

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОЭМЫ «АРСУРИ» М. ФЕДОРОВА

В чувашском фольклоре под названием *Арсури* известны несколько персонажей. Первый любит кататься верхом на лошадях, и его можно поймать и наказать — зооморфный образ болезни животных. Этот персонаж известен еще под названием *унӑте*. Второй — женщина с большими грудями и волосами до пят, напоминающая другой женский персонаж — *Апнатӑ*, — антропоморфный образ детских болезней. Третий — это известный повсеместно и описанный М.Федоровым образ: с бородой, рогами и т.д., этнолингвистическому анализу которого посвящена эта статья.

До сих пор происхождение *арсури* объясняли как *ар* «мужчина» от общетюркского **эр* в идентичном значении и *сурри* от *сурӑ* «половина» (Ахм. 48—50, Серг. 81—84 с обзором литературы). Такая трактовка подтверждается наличием в мифах народов Поволжья злых духов-половинников. Эти духи так и называются — «полчеловека» или «половинка». Но одноглазое, одноногое существо *ар сурри* проникло в маргинальные районы чувашей относительно недавно как калька тат., башк. *ярымтык* вместе с персонажем. Рассматриваемый нами *ар сури* не является половинкой — *сура* в данном случае, как и *ама сури*, *аҫа сури*, *ывӑл сури*, *хӗр сури*, имеет значение «подходящий (годный) для выполнения функций кого-либо» и происходит от **йарак*, производном от **йара* — «годиться», «подходить», «приобрести право» (ЭСТЯ 1989, 137—139). В ходе развития языка *сура* «детеныш» и *сура* «подходящий для выполнения функций кого-либо» стали омонимами,

произошло некоторое совмещение значений. Хотя, возможно, у *сура* «детеныш» изначально могло существовать значение, близкое к значению **йарак* «подходящий для выполнения функций кого-либо», о чем можно судить по семантике более поздней лексемы *ача*, которая в определенных сочетаниях (напр., *салтак ачи*, *кёту ачи*) имеет значение «ученик», «подмастерье». Первый компонент *ар* также трудно с семантической точки зрения объяснить через *ар* «мужчина». Генетически его можно связать с первым компонентом другого теофорного имени *ар-пир*, которое встречается в языческих молитвах: «Ей, Турә! Тёрлө ар-пиртен хатар пире, сирсе яр пирён патран!» Согласно Н.И. Ашмарину, *ар-пир* состоит из перс. *эр* «каждый» и тат. *бир* «один» (СЛА 1, 318), с чем трудно согласиться, т.к. тат. *эрбир* «каждая вещь» нейтральное слово и не связано с культовой лексикой. Второй компонент *пир*, видимо, соответствует тат. (диал.) *пир* (ДСТЯ, 340) и башк. (диал.) *бир* в словах *биреләне*, «беситься», *бирле* «бесноватый» (СБГ 2, 48, 49), а также встречается в составе *пир сырли*, *пир кёнси*, *пир нушәчә* «волчьё лыко» (СЛА 9, 219) и имеет один общий источник с русским *бирюк* (осет.?). Хозяином волков и собак считался *Пихампар*, к которому обращались с молитвой: «Ей, Пихампар-сәм, Пихампар! Тырә-пулә пуласси, әна пәртан, ар-пиртен сыхласси пурте санра» (СЛА 9, 252). Как видно из последнего примера, *ар* также подчиняется Пихампару, хотя первоначально именно *ар* был главным хозяином. После проникновения через кыпчакское посредство перс. *Бейгамбар*, в составе которого народная этимология усмотрела своего знакомого *ар*, его функции были переданы новому богу, а теофорное имя *ар* сохранилось только в *ар-пир* и *арсури*. *Пихампар* вместе с «креслом» получил особенности характера прежнего хозяина: «Сәнне пәхма Пихампар, аран силне шәнарать» (СЛА 10, 252), т.е. «бесноватость». Это качество является одним из определяющих и для его помощников, в том числе и для *арсури*: «Урнә йыт пек туллашать». Как и все подчиненные Пихампара, *арсури* имеет облик собаки или волка с характерной кособокостью и хромотой: «Анат касра Анчәк тус — /чаләш-чәләш кәлеткиЕ лёпсәр-лёпсәр уттийё, Ёпалтти-палтти чуппийё/ шур сурахран хәракан/ хура хәртен вәтанакан» (ЧХС 6/1/, 191). Переходя в противоположный мир, *арсури*

становится «Ват сын пекех шур сухаллă, /качака пек мйира-каллă/ ури вăрăм, куçе чармак» и по небылице «Марки пичче, выше леса, не меньше козы» (Осипов, 79—81).

Окружение Пихампара — хищники, их лакомство — кость: «Арсури шăмă хышлакан кайăкран тарса çурет» (СЛА 1, 309), «арсури йытăран хăрать» (СЛА 1, 310—311), «арсури «каттине пар! Каттине пар!» — тесе ыйтать, тет, кăтăкласа вĕлерсе сыннан шăлне, шăммине кăларса илет, тет» (СЛА 6, 166).

До настоящего времени чувашаи смерть подразделяют на «правильную» и «неправильную». О «правильной» смерти мечтает Хёветёр: дожить до глубокой старости и умереть среди близких в родном доме, чтобы быть похороненным на кладбище с соблюдением всех обрядов и ритуалов. Арсури же происходит от «неправильной» смерти, за которой последовали «неправильные» похороны не на кладбище и скитания души умершего, когда она вынуждена прислуживать ар-пирам и Пихампару. Эта неправильность видна как в действиях арсури: «йăнăш çулпа чуптарать», так и в его происхождении: «ултав ачи — хёр тунă ача вăрманна витмесёр кайса пăрахсан, арсури пулать» (СЛА 1, 309). Семантическая мотивировка «неправильности», «обмана» дает возможность сопоставить *ар* с общетюркским синкретическим корнем **er*, от которого от **erishi* «спорить», «плутовать», «шутка» (ЭСТЯ 1974, 293—294). Помощь арсури человеку также связана с «кривым» де-лом: «арсури тумтирĕ вăрă тумă пулăшать» (СЛА 1, 312). В определенных ситуациях эта «кривизна», «извилистость» открывает некие сверхвозможности с положительным исходом, например, владение поэтической речью, присущее арсури: «юмах ярать юптарать, йăнăш çулпа чуптарать». То, что основным принципом сказки является вполне осознанная «кривизна», изощренная зашифрованность отразилась в использовании синкретического корня **er* для образования обозначения сказки в тюркских языках **ertek* «сказка» (ЭСТЯ 1974, 304—305) и в присказке «юмах юплĕ, хўри кукăр». Умение мыслить и говорить нестандартно, непрямо, извилисто: «коккăр-маккăр, пĕлмесёр» «говоришь напрямик, не думая» (СЛА 6, 268) или «çаврака калаç» — «говорить красноречиво» — считалось мудростью, демонстрацией большого ума. Положительные значения у производных от общетюркского

**ep* сохранились в словах **ерен* «храбрый», «герой» (ЭСТЯ 1974, 290—291), т.е. владеющий хитростями борьбы, ловкий; **ерик* «персик», «абрикос», «слива» (ЭСТЯ 1974, 291—292) — дерево с идеальным большим семенем.

Арсури, как результат неправильной смерти и похорон, связан со стихийными силами природы, действующими с весны до осени. Поэтому чувашаи лес заготавливали только зимой: «вӑрмансенче хӗл кун анчах ёслесӗӗ» (СлА17,17), во время спячки арсури. Но с началом движения соков в деревьях арсури просыпается, начинает таять снег, земля, как в начале времен, до сотворения мира, смешивается с водой — «сур-куннепе ӗул усал». Твердь земли должна снова возродиться через распадение, растворение и очищение. Именно эти значения общетюркского **ep* отразились в производных **epe* > чуваш. *ирӗл* — «таять», «топить». В такое сакральное время, когда земля не имеет опоры и находится в зыбком состоянии, действовали строгие правила поведения. Они запрещали определенные виды работ (напр. рубку леса), предписывали употребление постных видов полужидкой пищи — каш, похлебок. Универсально переход от неорганизованного хаоса начинается от разделения света и тьмы: «И сказал бог, да будет свет... и отделил бог свет от тьмы... и был день первый» (кн. Бытия, гл. 1). Отправившись в лес после захода солнца, Хёветёр сталкивается с арёури, который показывает ему акт творения мира. Надо отметить, что фрагмент мифа о начале мира воспроизводится всякий раз, когда рассказывается о встрече с арсури: например, человеку кажется, что вдруг стало темно и все вокруг затопляется водой, идет ливень и бушует ураган (записано в Моргаушском р-не, дер. Москакасы в 1997 г.). Причиной, побудившей Хёветёр ехать в лес на ночь глядя, является его характер. По представлению чувашей, люди, носящие имя Хёветёр, склонны публично нарушать общепринятые социальные законы. Поэтому он становится разлучником мужа и жены: «Хёветёр-хёветмӗш, ачу-пӑчу — тухатмӑш» (ЧХС 6/1/, 229). О своем намерении нарушить законы природы Хёветёр сообщает всем своим соседям, не находит поддержки с их стороны и отправляется в лес один, за что жестоко наказывается. Итак, мораль произведения «Арсури» М.Федорова — нельзя нарушать как социальные законы, так и законы природы.

Такая трактовка является только лицевой стороной арсури и произведения М.Федорова «Арсури». И в языковом плане она не раскрывает семантическую мотивировку всех производных от общетюркского *ep. Чтобы понять глубинный смысл поэмы вернемся к ее непосредственному тексту. Перед появлением арсури Хёветёр ощущает панический страх. С одной стороны, это можно объяснить тем, что арсури, как неподвластная человеку стихийная сила природы, при своей агрессии смертельно пугает его. С другой стороны, стрессовое состояние, которое испытывает Х\вет\р, может быть следствием неожиданной смерти близкого и дорогого человека. Дальнейший текст фактически является описанием погребения родоначальника, который первый удостоился смерти, т.е. подошел, созрел (< *ep — ЭСТЯ 1974, 288—289), чтобы быть рядом с богами и стать посредником между людьми и богом. С этого времени как бы идет отсчет времени для данного рода. Характерный пример с обоснованием необходимости похоронного обряда, совершаемого в определенной последовательности действий, находим у Гомера в «Илиаде»:

О! Погреби ты меня, да войду я в обитель Аида!
Души, тени умерших, меня от ворот его гонят
И к теням приобщиться к себе за реку не пускают;
Тщетно скитаюся я перед широковоротным Аидом.
Дай мне, печальному, руку, вовеки уже перед живущих
Я не приду из Аида, тобою огню приобщенный.

Перевод с др.-греч. Н.Гнедича.

Только после этой просьбы, услышанной во сне, Ахилл хоронит своего друга Патрокла со всеми почестями и устраивает в честь него игры, т.е. соревнования, чтобы умерший не остался за пределами загробного мира и не превратился в арсури.

В поэме «Арсури» погребальный обряд начинается с четырех видов звука: 1) свист — «шёвик шәхәрать», 2) неясный, глухой звук — «мәкәл-мәкәл юмахлать»; 3) трещотка — «шәтәр-шатәр тутарать», 4) поэтический рассказ о жизни предка — «юмах ярать, юптарать». В этнолингвистическом плане число четыре у восточных народов имеет значение

«смерть». В японском языке до сих пор число «четыре» и «смерть» пишутся и произносятся одинаково — *си*. Кроме этого, четыре соотносится с горизонтальной структурой пространства, разграничивая ее внутренние и внешние стороны.

Каждый из четырех звуков соответствует определенному животному, и каждое животное связано с конкретной стороной света. Свист принадлежит змее: «хирте сёлен шәхәрать, / пётём хире ян ярать» (СЛА, 13, 59); «сүллё тусем хушшинче сёлен шәхәрать, /шәхәрсан та сайра шәхәрать» (ЧХС 4, 169). Постоянное фольклорное определение змеи *хура* «черный» — цвет, который в традиционном понимании чувашей связан с востоком, позволяет думать, что змея является опорой Земли с восточной стороны: «Сёре темисе пуслә сёлен тёревлесе тытса тәрать, тет» (СЛА 13, 86). Как и все охранники рубежей Земли, змея кривая: «Сёлен хай кукарне пёлмест» (ЧХС 5, 33). С нею также связаны стихийные силы природы, а именно дожди (МНМ 1, 468—470). Поэтому во время весенних игр детей и молодежи пытаются сосватать и соединить ветер — арçури с дождем — змеей для их согласованных и своевременных действий: «Анат касра Анчак тус — /чалаш-челеш келетки, /лөпсёр-лөпсёр утгийё, /палтти-палтти чуппийё, /шур сурәхран хәракан, /хура хёртен вәтанакан, /килях пирёнпе выляма! /Тури касра Туйпи тус — /хура чикан питкусё, /тылла пусси келетки, /лапчак сәмса, хулән тута, хурт-хәмәрган хәракан, /яш ачаран таракан, /килях пирёнпе выляма! /Сәпани!» (ЧХС 6 /1/, 191).

Подражание «мәкәл-мәкәл», как пережевывание, соотносится с копытными животными, в данном случае, с быком, т.к. в переходных обрядах, к которым относится погребальный обряд, именно бык является жертвенным животным, например, быка режут на свадебный пир (СЛА 16, 18). Бык держит Землю с южной стороны: «сёре вуникё майракаллә вәкар сёклесә тәрать» (СЛА 5, 295).

Хруст ломаемых, разгрызаемых костей «шәтәр-шатәр тутарать» говорит о присутствии на похоронах волка или собаки, которые стоят на страже ворот у входа в подземный мир с западной стороны. Не зря в сказке «Кушак сьләх ка-сарттарни» волк своим грехом считает раздробление бесчисленного множества человеческих голов (ЧХС 1, 60—61).

Человек, который руководит похоронами, одновременно является жрецом-поэтом и рассказывает о жизни первопредка иносказательно, возможно, в музыкальном оформлении. «Непрямое» и «извилистое» слово выполняло несколько функций. Главными из них были: 1) недоступность информации людям чужой культуры и умственно недозрелым из своего рода; 2) передача знаний из поколения в поколение. Можно предположить, что поэт-мудрец связан с севером.

За звуковым оформлением похоронного обряда начинались игры-состязания — своеобразное четырехборье. Они, как и звуки, олицетворяли конкретное животное и конкретную сторону света. Первым идет бег с препятствиями не по прямой: «савра сџил пек саврџанса, сџмџртсене сџмџрсе, сиксе тухрџ сџрмаран». Извилистое движение и появление из расщелины земли — оврага — дает возможность думать, что этот вид состязаний связывали со змеей, а, значит, и с востоком.

Второй вид состязаний — демонстрация физической силы — «пџкке хуџрџ сџрмаран». Фразеологизм «тимџр туртса тат-» также показывает, что именно сила рук связывалась с физической силой, а животное, олицетворяющее физическую силу, был бык — до сих пор о сильном, выносливом человеке говорят: «вџкџр пек».

Третий вид игр — состязание на колесницах — «лаша кџлсе ларать те, /тутар ямшџк пулатъ те, /сџр сџмџрсе чуп-тарать». Применение в погребальном обряде колесницы дает возможность говорить об относительной хронологии возникновения этого вида похорон. По мнению Т.В.Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, колесо и колесница на Восток проникли на рубеже второго тысячелетия до нашей эры от носителей индоевропейского языка (Индоев. яз. и индоев. 2, 720—721, 733—737). Вместе с предметом, видимо, проникли и мифологические представления о колеснице как о средстве передвижения солнца, соотнесение колесницы с севером, где находится стык конца и начала суточного цикла, годового цикла, где встречаются смерть и плодородие. Об этом говорит и фрагмент сказки: «Пике каларџ, тет: Чуп-чуп, урапам, урапам! Вџр-вџр, йџттџм, вџр, йџттџм! Макџр-макџр, сурџхџм! Авџт-авџт, алтанџм! тесе те, урапи хџй џссџнех тапранса кџйрџ, тет» (СЛА 4, 72). Здесь женщина ведет счет против солнца: север—запад—юг-восток.

Четвертый вид состязаний — крик, рев — «сёр сёмёрсе кайшкәрать» — соотносится с хищником-волком, западом. Исходя из этимологии *сuxрәм*, образованного от глагола *сuxәр* (ЭСЧЯ, 223), можно допустить, что рев соревнующихся должен был быть слышным на расстоянии версты. Во время всех этих соревнований зрители должны были читать молитвы и заговоры, обязательны были ритуальный плач и смех — «вёрет, сурать, пусмәрлать, кайтәкласа вёлерет».

Следующим этапом похорон было жертвоприношение, которое совершалось в разных местах и жертвы также соотносились с определенными сторонами света. Первым приносили в жертву беглого солдата, т.е. воина-преступника, который на этом свете был «неправильным», а на том свете, превратившись в свою противоположность, будет идеальным защитником севера. Вторая жертва, судя по тому, что она уже мертва, покончившая с собой после смерти мужа жена первопрядка. В представлении чувашей до сих пор жена, как нитка, вдетая в иголку, должна всегда и во всем следовать за мужем, т.е. она как будто связана с мужем, подходит ему. Эта соединенность, связанность, соответствие присутствуют в производном от **er* — «подходить», общетюркское **ериш* «свитая толстая нить», «продольные нити на ткацком станке». От этого же глагольного корня, видимо, происходит чуваш. *арәм* «та, которая связана с мужчиной», «та, которая подошла мужчине», плюс аффикс отглагольного имени *-әм* со значением признака. Возможна также этимология от именной основы **er* «ирей» по модели общетюркского **ханым* «госпожа», «дама». В этом случае аффикс *-әм*, как предположил В.Г.Егоров вслед за Г.Рамstedтом и М.Рясяненем, является аффиксом женского рода (ЭСЧЯ, 31). С семантической точки зрения, предложенная М.Р.Федотовым этимология *арәм* как «находящаяся в доме» (Фед. ЭСЧЯ 1, 57) не подтверждается. В фольклорных текстах любая женщина, имеющая связь с мужчиной, независимо от того, живет она в его доме или нет, именуется *арәм*: «Пирн те килте арәм пор, /масмак сок та сорпан сок», т.е. любовница (СЛА 1, 321), а домашняя жена от «недомашней» отличается только одеждой. Все отношения мужчины с женщиной в чувашском языке отражаются лексемами со значениями «связаться» — *сыхлан*, *сыхлаш-*, «приклеиться» — *сыпәс-*

и т.д. Принесенная в жертву женщина будет охранять восток и, как Ева, становится «матерью всех живых» (кн. Бытия, гл. 3), т.е. все, что придет на белый свет, придет через нее и будет иметь конец.

Четвертая жертва — собака или любой другой хищник, чье мясо не едят, охраняет запад.

Итак, весь ритуал трижды соединяет четыре главных точки четырехугольного горизонтального пространства с трехчленной вертикальной осью. Произведение три, умноженное на четыре, равняется двенадцати, образует идеальный новый мир, где восток стерегут женщина со змеей, югом правят копытные животные, запад охраняется хищником волком или собакой, а на севере, стоя на колеснице, правит воин. Его оружием является слово. Если движение арсури изобразить на карте, получается некая запутанная линия (Абр. 53—56). Тот же лабиринт получается при графическом изображении движения звука (восток—юг—запад—север), действий (восток—юг—север—запад), жертв (север—восток—юг—запад). Такая изощренная перепутанность, видимо, объясняется сакральной операцией метки своей новой территории. Чужой, попытавшись войти на эту территорию, везде будет наткаться на межевые пограничные знаки, запрещающие вход и охраняющие отмеченную землю. Это охраняемое пространство нередко отмечалось символами возрастающей силы, плодородия (шкура, шерстяная нить, яйца). Интересно в этом плане предание о растягивании шкуры с целью освоения и присвоения себе земли: «Унтан тата Кәнла улпучё килсе ларать тет. Сёве кётессине. Вәл килет тет те, малтан стариксене, вәкәр ыртмаләх кәна сёр илетёп тесе улталаса илет тет, стариксенчен хут. Хутне илсен, вәкәра пусать тет, тирне чөрпёл-чөрпёл сурса вёрен пек тавать тет, вәрам. Унтан сав вәкәр тирёнчен тунә вёрен пеккипе Кәнла ырянне сёр саварса илет тет, Тәхәр яланне. Сапла Сёве леш енә каять вара ку Тәхәр ялән (СЛА 5, 296). В другом примере определение новых границ связано не только с символом плодородия, но и временным отрезком — от восхода и до захода солнца, движением «непрямо»: «мәрсә килёнчен... лаша сине утланса, йәланутпа хёвел тухнә сёре килтен тухса, кун қасиччен мён чухлө сёр саврәнма пулать, савән чухлө ситё, тессё... Чәнлә урлә қаснә чух кунән лаши путса вилет тет те,

лашине пусса п̄рахса, лаша тирне, тет-и, е лаши виллине х̄йнех, тет-и, Ч̄п̄рла с̄итиччен Ч̄нл̄я т̄р̄ах, С̄еве т̄р̄ах шывпа с̄ет̄ерсе анать тет... Т̄ах̄р ял с̄ер̄е с̄апла пусланса каять тет» (Тим. 53—54).

Рассмотренный древний обряд похорон старейшины общины проводился ежегодно во время весенней распутицы, на стыке Старого и Нового года. Осколки этого обряда сохранились у низовых чувашей в с̄ерен, а верховым чувашам он известен под названием вир̄ем, проводимые перед Мункун. Обряд понимался, судя по материалам Н.И.Егорова, как выкуп вновь рождающейся земли у богов на наступающий новый год (Ег. Н.И.). В это время вместе со старым миром распадается, разваливается (или расчленяется) предок, глава общины, понимаемый как образ старого мира и идеально подходящий для жертвы — последнее значение представлено в общетюркском **er*- «доходить», «созреть» (ЭСТЯ 1974, 288—289). Пройдя очищение от дряхлого тела, душа получает свободу для жизни в загробном мире. Именно в таком контексте можно мотивировать общетюркский **er*к «воля» > чуваш. *ир̄ек*, производное от **er*-. Как происходило само очищение, сказать трудно. Однако использование прутьев во время вир̄ем и с̄ерен, а также значение *ир̄елтер*- «дубасить», «бить» (СЛА 3, 136), *ир̄ел*- «таять», «рваться», генетически связанные с общетюркским **er*-, говорят, что жертву били, плавил (на огне), рвали на части. Идею части от целого сохранило чуваш. *ир* «семья» (СЛА 3, 132), т.е. «часть общины».

В ходе эволюции человеческие жертвы были заменены животными: мужчину заменили конем, вместо женщины стали закалывать корову или овцу. В дальнейшем, под влиянием других культур, стали жертвовать только три вида животных и соотносить их по вертикальной оси: верхний мир — двенадцать пар рябчиков, средний мир — шесть пар баранов и нижний мир — три пары быков (Ег. Н.И.).

Вернемся к «Арсури» М.Федорова. Пройдя испытание, Х̄вет̄ер обращает внимание на деревья леса своей деревни. Через образы деревьев он предопределяет будущее своих соплеменников на этих землях: все трудоспособные мужчины готовы в поте лица своего зарабатывать хлеб (Пит̄е в̄р̄ам ч̄р̄ашсем, п̄хсан — с̄ел̄ек ўкмелле, кассан — часах

ўкмелле); есть молодые люди, которые будут стоять на страже границ и престола (Пилёк юплё пилеш пур, сенёк тума пит селём); у нового главы деревни характер ровный, и на эту должность он претендует как наместник Бога (Хуря́ншурта хурама — Туря́ ўстернё туратса́р, турта тума валь юрать). И снова Хёветёр видит прошедшие похороны родоначальника — «Ват юмана сил ватня́, сёмёртсене сёмёрнё».

Итак, этнолингвистический анализ «Арсури» М.Федорова показывает, что наши предки осознанно прятали свои древнейшие сакральные мифы для надежного сохранения несколькими способами. Один и тот же миф мог быть спрятан в фольклорные тексты (сказки, небылицы), кодироваться на языковом уровне. Например, рассмотренный фрагмент мифа кодировался синкретическим корнем *ep. Исходя из семантики всех его производных и текста «Арсури», можно приблизительно реконструировать исходное значение как «движение от начала через прошлое и настоящее в будущее». Миф могли закодировать в обряде: в данном случае — вирём и сёрен. По предположению автора этих заметок, данный фрагмент мифа должен был запечатлеться в микротопонимике, для чего их надо рассматривать в топографическом контексте. Интересным был бы также атлас распространения разных персонажей под названием арсури.

Список сокращений

1. Абр. — *Абрамов В., Абрамова Е. М. Федорован «Арсури» хайлавёнчи хронотоп // Халӑх шкулё, 1999. №1.*
2. Ахм. — *Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981.*
3. Ег. Н.И. — *Егоров Н.И. Забавы предков. Вирём. Сёрен // Чебоксарские новости, 1993, 10 апреля.*
4. Индоевр. яз. и индоевр. — *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. 1–2. Тбилиси, 1984.*
5. МНМ 1-2 — *Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. Второе издание. М.: Олимп, 1997.*
6. Осипов — *Осипов П. Пьеса́сем. Шупашкар, 1980.*
7. СБГ — *Словарь башкирских говоров. 1–2. Уфа, 1969, 1970.*

8. Серг. — *Сергеев В.И.* Термины древнечувашской мифологии и демонологии // Сб. Исследования по этимологии чувашского языка. Чебоксары, 1981. С. 67—110.

9. СЛА 1—17 — *Ашмарин Н.И.* Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. 1—17. Хусан, 1928—1929, Шупашкар, 1929—1950.

10. Тим. — *Тимофеев Г.Т.* Тăхăрĕял. Шупашкар, 1972.

11. ДСТЯ — Диалектологический словарь татарского языка. Казань, 1969.

12. Фед. ЭСЧЯ 1—2 — *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. 1—2. Чебоксары, 1996.

13. ЧХС 1—6 — Чăваш халăх сăмахлăхĕ. 1—6. Шупашкар, 1973—1987.

14. ЭСТЯ 1974 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974; *он же.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978.

15. ЭСЧЯ — *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

*М.Л. КОПЫЛОВА, сотрудница
Марийского института
образования (Йошкар-Ола)*

ЖЕСТ В ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ И ЕГО РОЛЬ В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ МАТРИЦЫ ПАМЯТИ

Обычно под жестом подразумевается мысль или чувство. Именно так слово «жест» трактуется в словаре В.И. Даля («движение тела, передающее чувство») или в современных популярных книгах Алана Пиза «Язык телодвижений» и «Язык жестов». Несомненно, жестовый язык более древний, чем язык словесный, — ведь языком жестов пользуется вся живая природа, включая рыб и насекомых.

Жест легче запоминается и дольше сохраняется памятью. Доверия к нему в человеческом менталитете тоже, как ни странно, больше, нежели к слову. Очевидно, это следствие того, что жест несет в себе информацию особого рода и значимости. Наблюдая, в каких случаях люди прибегают к помощи жестов, мы приходим к выводу, что это случаи либо связанные с опасностью для жизни, либо жест передает узконаправленную информацию, актуальную для ограниченного круга людей, но всегда передаваемая жестом информация имеет отношение к сакральной сфере (магии, продлению рода, доступу к святыне и т.д.).

Область традиционной культуры — это то поле, где жест царствует: ведь именно благодаря ему существуют народные ремесла, традиция народных причесок, костюм, народный танец, орудия труда, рукоделие. Все эти формы культуры фиксируют навык и информацию посредством жестов и через жест передают навык от человека человеку при непосредственном или опосредованном общении.

В традиционном фольклоре тоже происходит фиксация жеста словом: фольклор и существует, как триединство слова, звука певческого (или музыкального) и жеста, выражаемого зримо телом исполнителя. Но когда мы встаем перед огромным объемом записанных на бумагу или магнитофонную пленку фольклорных произведений — плачей, песен, заговоров, хороводов, быличек, закличек, баллад... — то возникает живой вопрос: для чего существует вся эта информация, **что мы хотим получить в результате накопления этой словесной информации?..** Возродить фольклор, то есть возродить атмосферу и формы-способы его бытования, или просто получить формальный слепок существовавшей, но вымершей традиции?..

Живым и гуманным представляется, конечно, первый путь, но... Где тот, кто примет на себя конец оборванной нити... Каким способом можно «научить» традиционному мышлению современного человека, воспитанного в письменной культуре... Но, оказывается, такой способ есть, хотя автор этого сообщения не берется досконально описывать методику возрождения фольклорного сознания, ключом к этой методике является все тот же жест — явный или скрытый в тексте и звуковой структуре, мелодии произведения. Явный, зримый жест, как давно замечено, дает для сознания исполнителя и слушателя некий толчок-сигнал, по которому традиция передается в принципе, ведь невозможно научиться подвижным играм или танцу — по книгам, без непосредственного контакта с мастером. Точно так же нельзя научиться традиционным ремеслам только по конечному продукту, — традиция от этого не восстановится, а лично у вас вряд ли возникнет потребность иметь в этой области учеников-преемников. Многие же традиционные мастера, в том числе исполнители песен, мыслят свое умение и дар как некий «крест», который надо нести по жизни и в конце передать накопленный опыт **кому-то...**

Когда и каким образом происходит передача традиции и ее наследование?..

Разумеется, чтобы сделать абсолютно точные выводы, необходимо обобщение обширного полевого материала из разных областей России и даже Земли. За неимением этой свободы получения необходимой информации автор сооб-

щения пользуется наблюдениями, полученными в процессе экспедиций и личных контактов с аутентичными исполнителями фольклора в селах и деревнях Оршанского района Республики Марий Эл: русских селах Шулка и Большая Кучка, деревне Малая Кучка, — а также выходцами из Медведевского и Сернурского районов той же республики.

Как существует традиционное знание в народной памяти, запоминание стихотворных и нестихотворных текстов? Совершенно очевидно, происходит не так, как у нас — строчками, а некими импульсами, цепочками сигналов, — назовем их «мысле-образами». «Лента», на которую они «записываются» в сознании, обозначим как «матрица памяти» (не знаю, есть ли уже такой термин, но мне он пришел на ум по аналогии с печатным процессом и кажется удачным).

Но всем известно, что один и тот же исполнитель сплет песню один раз «напоказ», а другой раз так, что и слушателю самому петь захочется. И ведь запоет! А разница исполнения — именно в использовании жеста. Дело в том, что «ключом» к матрице памяти является жест, без которого исполнение в старину, в реальной необходимости исполнения той или иной фольклорной формы, не существовало вовсе. Жест — изначальный при исполнении той или иной традиционной формы, назовем «ключевым жестом».

Впервые на этот жест я обратила внимание случайно: на одной выставке, посвященной изучению эпоса «Калевала» из фондов Карельского краеведческого музея, была фотография прошлого века, — на ней два традиционных исполнителя эпоса пели, сидя друг против друга, колени в колени (как в лодке гребцы), держа друг друга за кисти рук «в ключ». (Кстати, точно в таком же положении происходит традиционное исполнение русской народной драмы «Лодка».) Специалисты музея объяснили, что этот жест при исполнении эпоса изначален, то есть традиционные исполнители обязательно так садятся и так сцепляют руки перед началом исполнения, — без этого жеста исполнение не аутентично.

Столь же изначален, как известно, и жест двуперстного крестного знамения в русской старообрядческой культурной традиции, и положение рук «под грудь» у тех же старообрядцев, когда они стоят на молитве. Это — образцы «ключевых» жестов.

В светском традиционном фольклоре тот же жест сопровождает исполнение «жесточкого романса» и баллад, из чего можно сделать вывод, что эти жанры несут в светской сфере культуры ту же морально-дидактическую нагрузку, что и духовный стих или молитва у староверов. Фольклористы не раз наблюдали, что во время исполнения плясовых или карагодных песен народные певцы плавно поводят справа налево и обратно поставленной на ребро и слегка выведенной вперед ладонью руки, а при исполнении протяжных — закрывают ладонью ухо. И это характерно для исполнения именно этих жанров.

Н.И. Кузьминых, уроженка деревни Малая Кучка, 1906 года рождения, вспоминая плач невесты-сироты по умершему родителю, напряженно перебирала в руках скомканный носовой платок. Она не страдала насморком, платок появился у нее в руках непосредственно в начале исполнения и был там до тех пор, пока плач не закончился. Жест явно помогал ей самой войти в нужное психологическое состояние, чтобы вызвать из памяти нужные образы. Между годом, когда она в реальности плакала по отцу, выходя замуж, и датой этого второго в жизни исполнения в 1988 году прошло 60 лет...

«Ключевой» жест призван, таким образом, вызывать из памяти необходимую именно на данный момент «матрицу», и именно он задает «зерно» всей системе образов и связок-глаголов между ними в последующем тексте. Таким образом, народные исполнители запоминали в старину, они не пользовались тетрадами, а запоминали состояния, образы, взаимосвязи, эмоциональные подъемы и спады. В плаче невесты-сироты, например, система мысле-образов следующая: «мать-погодушка», «горы» «белы снежки», «могилушка», «желты пески», «туча грозная», «калена стрела», «полотянышко», «гробова доска»... А связки-глаголы, «подымись-ко», «сдуй-ко», «нигде возмись», «упади-ко», «росколился», «роскройся» — то есть преобладает психологический мотив поиска в пространстве и попытка «пробить» это пространство и вещество слой за слоем... Комканье и разворачивание носового платка — вспомним «ключевой» жест, — действительно, напоминают по сущности эти действия.

«Матричным способом» запоминают, по всей видимости, и дети, еще не знающие грамоты. Поэтому для

родителей и педагогов есть реальный практический смысл в продуманной и богатой жестикуляции в процессе обучения любой науке. Этот способ запоминания более устойчив и долговечен, нежели словесный или зрительный: вы бы смогли без повторения исполнить детский стишок спустя 60 лет?

«Матричным способом» информация в фольклорной традиции сохраняется и — копируется, однажды приходит потенциальный преемник традиции. И старый хранитель «матрицы памяти», подобно библейскому старцу Симеону, вздыхает облегченно: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко...» — поет ему в последний раз и уходит... Так передаются заговоры, знание знахарей. Но и в области песенного творчества происходит то же самое. «Матрица памяти» копируется, подобно ДНК, в момент этого последнего исполнения и далее существует только в преемнике. Уловить жест передачи традиции, точнее, **удостоиться** этого жеста — громадная ответственность и честь, иногда он достается фольклористам, в принципе не поющим. Вот где настоящая трагедия ...

Трагедия в том, что ежегодно сотни не подготовленных ни психологически, ни духовно, ни технически на должном уровне не оснащенных **детей** — студенты-филологи первого года обучения выпускаются в прямое общение с еще живыми подлинными носителями традиционного фольклора... Соберут они в полевой практике сущие пустяки, и даже, в силу безвыходности положения информантов (просто их старость не позволяет больше ждать), удостоятся жеста передачи традиции, но, в силу своей неготовности, они его просто не заметят. Вот где трагедия нашей культуры, а вовсе даже не в том, что «деревня вымерла»: общество не готовит преемников традиционной культуры по законам существования этой культуры. Пока не поздно, необходимо исправить эту чудовищную ошибку. Хотя бы, для начала, больше записывать скрытой камерой на видео, или учить филологов петь, или просто ограничить их доступ к аутентичным исполнителям на ранних курсах. В конце концов, за рубежом областью фольклора, народной музыки, ритуалов и ремесел занимается комплексная наука — «визуальная антропология», а с русской культурой мы обращаемся, как младенец с резиновым пупсиком в ванной.

Жестом «матрица памяти» создается и жестом «стирается». В практике народных ведунов известен запрет на передачу заговоров (умения воздействовать заговором), пока у самого знахаря все зубы во рту, или передавать умение и знание беззубому, или просто произносить заговор «на ветер», без реальной потребности в нем. Буквально, тем сильнее знахарь, чем лучше он «держит язык за зубами».

Такое же трепетное отношение в народе к движению рук. При исполнении заветных песен — закличек, «девишенских» свадебных, хороводов — для записи на магнитофон народные исполнители, как правило, стоят «руки по швам». Так, в первое мое посещение зимой 1987 года старожительница села Шулка Ф.Г.Волжанина, 1906 г. рожд., не пела, а **рассказывала песни**, лежа под одеялом. Через час она спустила ноги с кровати и спела скоморошину «За морем синичка», выкрикнув в конце: «Что! Хороша песня!» — Я похвалила и даже хлопнула в ладоши, и она решила спеть еще.

Она пела, напряженно вглядываясь полуслепыми глазами куда-то вперед и вверх, в пространство, **словно считывая песню с листа**. Она была грамотна: читала постарославянски, с листа пела по «топорам» (форма церковной нотации). Но народные песни она никогда не записывала, она запоминала их «по-другому». Когда же они с сестреницей, Е.Д.Титачевой, спели свадебную «Зеленешенька черемушка», со стороны Федоры Гавриловны последовал мягкий жест правой рукой, похожий на срыв справа налево по диагонали. Больше она не пела.

В 1985 году точно таким же жестом почти каждую спетую балладу «закрывала» моя соседка, Т.Г.Белоусова, уроженка деревни Якимово (в прошлом — Царевококшайского уезда Казанской губернии). Она пришла тайком от родственников, я записала ее пение на магнитофон, у нее был прекрасный слух, и пела она изысканно красиво, но жаловалась, что дыхания уже не хватает, с тех пор не пела больше. Через год я застала ее уже в постели, почти при смерти, но умерла она еще через год.

Когда сравниваешь ситуации, в которых у разных людей в разное время, при похожих обстоятельствах возникает один и тот же жест, и он имеет одинаковое следствие (в данном случае — прекращение пения), возникает недо-

лимое желание сделать предположение, что этот «жест срыва» — особый сигнал, по которому копирование «матрицы памяти» в сознание слушателя заканчивается, а прежний исполнитель прекращает нести «оригинал» в своем сознании. Вероятно, это и есть «жест отказа»: в русском языке слово «отказать» имеет первосмысл «отдать», «передать».

Новый взгляд на жест, как на ведущий элемент в жизни традиционной культуры, я надеюсь, поможет выстроить правильные перспективы во многих отраслях знания. Но главное его призвание в том, чтобы вернуть человеку человека и совестливое чувство ответственности за получаемое и сохраняемое знание — в технократическом обществе будущего.

*М.А. СОРОКИНА,
канд. педагог. наук,
преподаватель кафедры
гуманитарных дисциплин
Волжского филиала МАДИ (ГТУ)*

ВЛИЯНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА НРАВСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ЛИЧНОСТИ

Изучение художественных произведений оказывает решающее воздействие на развитие личности ребенка. К сожалению, как показывают данные социологических исследований, «чтение художественной литературы... перестало быть отличительной чертой нашего народа. 51% населения сообщает в опросах, что «за последние три месяца» они прочитали какую-нибудь книгу, 45% книг не читали и 4% не смогли вспомнить, случилось ли такое или нет» [1, 27]. Поэтому роль уроков литературы в школе становится особо значимой.

Литература обладает большой силой воздействия на личность, приобщает к нравственно-эстетическим ценностям нации и человечества, прививает представление значимости категорий добра, чести, совести, справедливости, патриотизма и гражданского долга. Если школьник не откроет книгу, готовясь к занятиям по литературе, то, скорее всего, он не прочтет ее и после окончания школы. Важно воспитать такого читателя, который способен вникнуть в психологию героев, соотнести прочитанное с реальной жизнью. Без умения видеть в великих творениях их вечный, общечеловеческий смысл ученик никогда не будет воспринимать литературу как нечто жизненно важное для него.

«Будем стремиться к прекрасному», — говорил С.Рерих. Однако следовать этому принципу в наше время довольно

сложно. В неблагоприятных современных условиях, когда нравственный уровень молодежи падает, когда со всех сторон преподносят откровенную пошлость, именно учителю литературы предстоит разъяснять своим ученикам, в чем красота и счастье человека, прививать любовь и понимание к истинной ценности произведений искусства, чистоте настоящих человеческих чувств и отношений.

Известный художник и педагог Б.М. Неменский сказал: «Дело учителя не только в том, чтобы научить детей видеть, чувствовать и понимать прекрасное в искусстве. Задача гораздо сложнее — необходимо сформировать у них умение творить прекрасное в своей повседневной деятельности, повседневном труде, повседневных человеческих отношениях» [2, 43—46].

Литература является средством утверждения моральной красоты человека, формирования его эмоционального богатства. Нельзя победить эгоизм, не победив жестокосердечия, не преодолев дефицита эмоций, глухоты и бедности чувств. Художественная литература способна вернуть людям надежду на возможность выжить, на последний шанс вернуть обществу и каждому его члену человеческий облик.

Именно поэтому искусство и литература объединяют свои усилия в борьбе за нравственное и эстетическое воспитание человека, а приобщение к художественной литературе и культуре должно быть основной задачей современной школы. Думается, можно согласиться с мнением писателя Л.И. Бородина, отметившего, что сегодня, когда размываются и теряют очертания прежде ясные характеристики народа, возможно, «только великая русская литература, одна только она, и является паспортом нации».

Гуманитарное образование воспитывает терпимость не только потому, что наполнено нравственными истинами, но и способно вызвать восхищение красотой мира и возможным совершенствованием человека, отзывчивостью души, обладающей даром чужое горе или чужую радость ощутить как собственное, личное потрясение. Изучение языка, литературы, искусства, музыки помогает ребенку обрести ценностные ориентации, найти противоядие хаосу в гармонии, избавиться от агрессии в любви.

Урок литературы — это, в первую очередь, урок духовности. В обучении, воспитании и развитии ребенка огромную роль играет книга, но она учит только тогда, когда ученик способен работать, умеет читать. От этого, т.е. умения понимать прочитанное, во многом зависит воспитание и умственное развитие. Книга способна волновать и радовать, вызывать сочувствие и негодование, любовь и ненависть. Современный человек, несмотря на всеобщую компьютеризацию и применение различных технических средств, все же не может жить без художественных произведений. Чтение — это опора его духовной жизни, важнейший способ восхождения, самосовершенствования, саморазвития. Полноценное, многостороннее развитие личности невозможно без духовно обогащающих книг.

Литературное образование школьников связано с развитием духовной жизни современного человека. Литература — это одно из сильных и заметных средств нравственного воспитания. Познавательная, идейная, нравственная, эстетическая функции литературы в том и состоят, чтобы способствовать формированию всесторонне развитой личности. В применении к школьному изучению этого предмета задача эстетического образования состоит в том, чтобы научить учащихся оценивать художественное произведение через свойственные литературе как искусству слова законы, знание которых предполагает овладение определенными литературными понятиями.

Взаимосвязь художественного произведения с задачами совершенствования и нравственного развития молодежи — одна из насущных методологических проблем преподавания литературы в школе. Эта проблема одновременно и методическая, по словам Г.А. Гуковского, так как речь идет о том, «как правильно, полно и убедительно раскрыть идею произведения, раскрыть ее в самом произведении, а не прикрепить ее к произведению, раскрыть ее в системе образов, а не только в прямых суждениях автора, то есть раскрыть ее воспитательно, потому что конкретно-образное воплощение идеи имеет свою конкретную эмоциональную силу, свою могучую убедительность, и ее-то использует искусство».

Литература — это искусство слова, которое непосредственно связано с человеческой мыслью, а ею можно охватить

все. Поэтому словом можно описать и выразить как видимый мир — природу, внешний облик человека, так и то, что увидеть нельзя, — мысли и чувства, тончайшие движения души и малейшие изменения во взаимоотношениях людей. Литература в школе имеет то же назначение, что и в жизни — формирует человеческое сознание, миропонимание, личность человека в пору его наибольшей восприимчивости, впечатлительности. Произведения художественной литературы силой созданных образов зовут во все области человеческой деятельности, они способны направить своего читателя на истинный путь, дать совет, помочь найти призвание, свою цель в жизни. Не делать людям зла, проявлять чуткость к окружающим, приносить им радость даже в мелочах, уметь взглянуть на свои поступки со стороны — это главные принципы поведения культурного и воспитанного человека.

Вполне очевидно, что определить направленность нравственного поведения отдельного индивидуума можно лишь с учетом того воздействия, которое оказывают на него «социальная» среда, среда «конкретная», включающая производственные и бытовые отношения, «микросреда» — ближайшее окружение, наконец, «личностная» среда человека, его внутренний мир, связанный с особенностями воспитания, жизненным опытом, психическим складом человека [4, 80].

Поэтому, рассматривая нравственное воспитание как процесс, воздействующий на отношение человека к интересам общества, его целям и задачам, необходимо искать более эффективные методы управления этим процессом, помня, что содержание и высота нравственности человека определяются его постоянным развитием, воспитанием и самовоспитанием. В свете этого вполне объяснимы поиски учеными-методистами и учителями путей решения проблемы нравственного воспитания учащихся в процессе изучения литературы. Многостороннее и целостное отношение к художественному произведению создается не только рассмотрением всех уровней текста от стиля до смысла, но включением в интерпретацию разнообразных сфер читательского восприятия. Изучение литературы подчинено целям воспитания читателя и направлено на формирование свободы общения с искусством слова, понятий о родах и жанрах литературы и представлений об основных этапах развития словесного искусства.

Нельзя не согласиться с мнением Д.С. Лихачева, который считает, что «среди гуманитарных наук, которые преподаются в школе, особенная роль должна отдаваться тем, что воспитывают нравственность» [6, 82]. Литература обладает огромными возможностями для решения этой значимой проблемы, благодаря тому, что в ней заложен писательский взгляд на мир как целостную картину жизни. Художник остается таковым, потому что он острее своих современников ощущает дух времени, глубже вглядывается в окружающее, стремясь выразить нравственный идеал эпохи, мысли и чувства людей.

Передавая свои знания, утверждая нравственные ценности, вызывая ответные переживания у читателей, писатель обогащает человека опытом взаимоотношений людей, пониманием человеческих характеров.

В процессе восприятия художественных произведений читатель имеет возможность усваивать сложные мировоззренческие понятия о месте человека в жизни, о его целях и устремлениях, убеждаться в истинности тех или иных решений, приобретая опыт собственной нравственной оценки. Литература — это, по мнению академика Д.С.Лихачева, «искусство преодоления слова, приобретения словом особой «легкости» от того, в какие сочетания входят слова» [7, 50].

Почти каждое произведение писателя отражает его взгляд на мир и человека на определенном этапе развития общества и становления самого писателя, его идейно-нравственную позицию. Чтобы воспринять и оценить изображенные в художественном произведении картины мира, недостаточно знать только их нравственную основу. Нужно понять, как относился писатель к тому или иному явлению, что выделил в нем как главное, каким хотел, чтобы увидели это явление читатели. Вот почему, видя и осознавая неотделимость воспитательной функции искусства от его художественного воздействия, литературоведы, психологи, занятые изучением процесса восприятия произведений искусства, вглядываются в художественное «пространство» произведения, осмысливают его «время», «предметный мир» — всю художественную избирательность писателя. Так, анализируя текст художественного произведения, психолог Л.С.Выготский показывает важность внимания читателя при

восприятия, например, художественного «времени». Встречающееся несоответствие между течением реальной жизни и ее художественным отражением объясняется идейно-художественными задачами писателя.

Л.С. Выготский обосновал характер нравственно-эмоциональных реакций, возникающих при чтении произведения (он их назвал «эмоциями содержания»), и эстетических реакций (по его определению, «эмоции формы»). Он утверждал, что любое произведение искусства должно рассматриваться «как система раздражителей, сознательно и преднамеренно организованных с таким расчетом, чтобы вызвать эстетическую реакцию» [3, 40].

Суждения психолога позволяют преподавателям понять зависимость качества восприятия от умения воспринимающего переживать не только «эмоции содержания», но и «эмоции формы», а отсюда возникает необходимость поиска такого пути изучения произведения, который поможет читателю осознать себя личностью, неудовлетворенной собой, увлечь его желанием самосовершенствоваться.

Характеризуя значение искусства в нравственном и эстетическом развитии человека, психолог А.Леонтьев отметил, что оно «позволяет нам взглянуть на себя как бы со стороны». Мы учимся чувствовать, хотеть, «относиться к другим людям — через искусство. Оно — то, на чем мы учимся быть людьми» [5, 102].

В ныне действующих школьных программах по литературе сказано, что главнейшая цель школы — подготовка каждого ученика к жизни в обществе, к практической деятельности, которая может быть плодотворной лишь тогда, когда ее реализует человек, осознающий свою роль в окружающем мире. Цель литературного образования — способствовать духовному становлению личности, формированию ее нравственных позиций, эстетического вкуса, совершенному владению речью.

Десятилетие социальных и идеологических переломов, пережитое российским обществом в конце XX — начале XXI веков, с особой остротой показало необходимость внутреннего преображения человека. Вне развития гуманистического сознания невозможен прогресс общества. Литература как предмет школьного изучения в решении этих задач играет

первостепенную роль, поскольку именно искусство позволяет лично присвоить потенциал культуры и влиять на сознание и поведение школьников.

Л и т е р а т у р а

1. *Айзерман Л.С.* Посев и жатва. Что происходит с уроками литературы? //Литература в школе, 2002. № 4. С. 24—29.
2. *Александрова Т.* Учить детей видеть прекрасное //Народная школа, 1995. № 6. С. 43—46.
3. *Выготский Л.С.* Психология искусства. М., 1986.
4. *Ефимов В.Т., Косолапов С.М.* Формирование активной жизненной позиции — цель нравственного воспитания. М., 1977.
5. *Леонтьев А.* Поэтический язык как способ общения с искусством //Вопросы литературы, 1973. № 6. С. 102.
6. *Лихачев Д.С.* Письма о добром. М., 1996.
7. *Лихачев Д.С.* Раздумья. М.: Детская литература, 1991.

*Л.А. СЛАГАЕВА,
канд. педагог. наук,
Марийский институт образования
(Йошкар-Ола)*

ВАРИАНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ «ИСКУССТВО ВОКРУГ НАС»

Государственная программа изучения искусства в национальных школах имеет свои варианты и особенности по годам обучения. Региональная программа 2-го года обучения ИЗО является логическим продолжением первоначальной программы «Я, ты, мы и искусство» (1, 1997; 11). Попробуйте, не изучая в 1-м классе английского языка, во 2-м классе начать с программы 2-го класса, «ведь не удастся. Придется пропущенные уроки восполнять, иначе дети ничего не поймут» (2, 1981; 87). Так же и в данной программе предусмотрен принцип постепенности, или последовательности. Развивая его, следующей начальной ступенью образования искусством будет программа 2-го года обучения. Последовательная цельность построения ее помогает обеспечить прочные эмоциональные контакты учащихся с 3-мя видами искусств: ИЗО, литературой, музыкой, и приобщить детей к местной художественной культуре. Без нее у освоения — нет пути к общечеловеческой культуре. Эта дорога начинается именно с программы 2-го года обучения.

Опираясь на знания местного изобразительного искусства, на знания художественной речи, при помощи которой легче узреть и понять красоту родной природы, надо приобщить ребенка к красоте окружающей природы и нравственной категории добра. Поэтому учителю ИЗО, даже в заданиях декоративно-конструктивного характера, следует помнить, что тема III четверти 1-го года «Выражение чувств и мыслей художника» является важной и на 2-м году обуче-

ния, а потому и не должна забываться ни в одной четверти «из-за бытующей привычки считать эти искусства сугубо утилитарными»(3, 1994; 55). И как часто современные дети и взрослые до сих пор не замечают предметов искусства вокруг себя. Поэтому перед учителем ИЗО встает благородная задача постараться раскрыть детям глаза на окружающие предметы изобразительного искусства; осознать это, прочувствовать и выполнить практически. Все это и является целью региональной программы 2-го года обучения.

На каждом уроке рекомендуется обращать внимание на национальные культуры Марий Эл 3-х этнических групп, населяющих республику: славянскую (русские, украинцы...), угро-финнскую (мари, удмурты...) и тюркскую (татары, чувашы...). «Нельзя стать патриотом своей страны, полюбить свой народ, не полюбив свою малую родину, ее культуру» (4, 1990; 5). Это – ведущая нравственная задача года. Через нее у второклассников формируется патриотизм, так как культура села, поселка или города рассматривается относительно местожительства ученика. Каждый конкретный населенный пункт имеет свои характерные особенности и в то же время какое-то сходство. Например, марийэльские села Арино и Кульбаш Моркинского р-на. Отличие их заключается в принадлежности к разным этнографическим группам (угро-финнской и тюркской) и к разным религиозным конфессиям (православным христианам вперемежку с язычеством и мусульманам). Но так как расстояние между этими селами менее 10 км, то чувствуется взаимовлияние национальных художественных культур, характерных для всех народов Марий Эл и средней полосы России.

Прекрасен Марийский край. Его виды разных оттенков красок и звуков глубоко оседают в детской памяти. А она «потому так остра, что в нее вливается чистый ручеек ярких образов, картин, восприятий, представлений. Как важно не допустить, чтобы школьная дверь закрыла от сознания ребенка окружающий мир» (5, 1990; 28). Поэтому в региональной программе 2-го года обучения делается акцент на освоение окружающего мира Марий Эл, часть которого и есть художественная культура республики. А учитель должен помнить о структурной цельности программы, основных целях и задачах каждой четверти и каждой отдельной темы

урока. В российской и в региональной программе «поднята как важнейшая проблема духовного развития личности, воспитания мира чувств ребенка, его эмоциональной чуткости, активно действенной отзывчивости на добро и зло» (6, 1995; 6), что очень важно для современной действительности.

Тема I четверти «Искусство в моем доме (квартире)» выстраивается в форме игры — мысленного хождения в гости домой к разным ученикам. Сообща они пытаются выяснить, над чем же работали художники, прежде чем та или иная вещь попала в домашнюю обстановку. За много лет преподавания российские педагоги и часть марийских учителей оценили эффект воображаемых походов в гости, так как ребята вовлекают в беседу о труде художников своих родителей, бабушек, дедушек (7, 1989; 54), что способствует повышению общего культурного уровня не только детей, но и взрослых.

Раньше наши предки играли в игрушки из дерева, глины, соломы. На территории Марий Эл, как описывают археологи О.Данилов и В.Патрушев, найдены фигурки медведей из обожженной глины (8, 1994; 65) и антропоморфные фигурки из бронзы 6-7 см по высоте (9, 1994; 45). Эти фигурки — своеобразные игрушки из далекого прошлого прапрабабушек-прапрадедушек.

Положительный эффект дает применение загадок об игрушках параллельно их показу, который сопровождается народной инструментальной или вокальной музыкой. Объяснить детям, что народные мастера при создании игрушек пели народные песни.

Следующая тема о труде художников посвящена «Посуде в нашем доме (квартире)». Но посудой из фарфора пользовались в те далекие времена только очень богатые люди. Простой народ пользовался посудой из глины, дерева. В Марийском крае широко употреблялась посуда из долбленого дерева: миски, чашки, ковши, ложки и посуда из бересты, которая художественно украшалась тиснением, это — бураки (туеса) для хранения яиц, зерна, кваса, сбора лесных ягод (10, 1985; 156).

Следует обратить внимание детей на связь формы посуды и декора с ее назначением. Посуда может быть предназначена для кого-то или чего-то. На усмотрение педагога можно вспомнить русскую народную сказку «Маша и

медведи», особо выделив в сравнении чашки Михайло Потаповича, Настасьи Петровны и Мишутки.

Следующая тема «Платок моей мамы (бабушки)» посвящена знакомству детей с искусством росписи ткани и обоев, с искусством вышивки. Из личной многолетней практики ведения уроков по данной программе отмечаю, что знаменитые павлопосадские платки многие дети считают марийскими или чувашскими, на самом деле они чисто русские — из Подмоскovie. Только из-за красоты узоров этих платков многие народы считают их своими национальными. Раз в Республике Марий Эл выделяются 3 крупные этнокультурные группы, то следует обратить внимание на эту сторону вопроса: у каких групп и как носятся головные женские платки, как они называются. Например, у финно-угорской группы (мари) головной платок «вуйпидыш» складывается по диагонали так, чтобы узоры нижнего угла не закрывались верхним углом платка. Такой платок надевался поверх «сорочки» и подвязывался под подбородком (10, 1985; 177).

Как продолжение темы о платках, можно детям разных национальностей предложить такие темы, как «Чалма (у удмурток)», «Тастар (у татарок)», «Сурпан (у чувашек)» (11, 1995; 75).

В конце урока задается домашнее задание познавательно-поискового характера: подумать, что еще могут расписать или вышить художники в вашем доме (квартире).

Если создатели игрушек, посуды, платков, обоев, штор зачастую остаются безымянными, то художников-иллюстраторов мы можем узнать в любой книжке, где обязательно указано имя художника и автора книги. Вводятся для запоминания имена общеизвестных русских художников Ю. Васнецова, И. Билибина. Из марийских художников надо расширить знакомство с творчеством З. Лаврентьева, И. Михайлина. Все художники видят мир по-разному, по-своему оформляют обложки и другие элементы книги. Полезно воспользоваться работой А. Зенкина «Искусство марийской книги» (1996), в которой он сообщает, что иллюстрации к марийским народным сказкам, выполненные З. Лаврентьевым, представляют истинно марийскую национальную систему книжного оформления (12, 1996; 4), как в свое время выразил русский дух в иллюстрациях Ю. Васнецов. Но по-настоящему русскую систему книги развивал И. Билибин.

7-й урок по теме «Поздравительная открытка» расширяет диапазон искусства в доме. Эту тему можно обыграть вокруг лишь одной открытки «Саламлена!» (Поздравляем!), автор Е.Кобец.

Обобщающий урок может быть многовариативным. Самое важное — чтобы дети поняли общую тему четверти, и что нет в наших домах предметов, к которым бы не прикасалась рука художника.

2-я четверть под названием «Искусство на улицах моего села (поселка, города)» открывается темой «Старинные дома — архитектурное наследие предков», которая связана с историей, художественной культурой и с пониманием важности сохранения памятников.

Далее рассматриваются темы: «Витрины», «Парки, скверы, бульвары», «Ажурные ограды», «Фонари», «Транспорт». Их можно сгруппировать в общую работу типа постепенно из урока в урок наслаивающегося панно «Наш город (поселок)». Это и будет обобщение темы четверти, строящееся на перефразированной поговорке «Без труда «Братьев-Мастеров» не было бы ни улиц, ни села, ни города».

Школьники в течение III четверти овладевают элементарными представлениями о театре как искусстве, знакомятся с терминологией зрелищных искусств. Задача четверти — дать детям представление, что в любом зрелище необходимо изобразительное искусство, например, изготовление маски во время святок у славянских народов, а у финно-угров (мари) — «Шорыкйол» (праздника овечьей ноги).

Последующие уроки: «Образ театрального героя», «Театр кукол», «Декорация», «Афиша» можно объединить под эгидой любой сказки народов Марий Эл, но предварительно ознакомившись с ее содержанием, например, с чувашской сказочной поэмой «Леший» М.Федорова.

Во время весенних каникул попросить детей посетить с родными или старшими районный краеведческий музей, где выставлены произведения декоративно-прикладного искусства, или музей изобразительного искусства, при этом назвать адреса музеев: Картинная галерея в г. Козьмодемьянске, Республиканский музей изобразительного искусства Марий Эл в г. Йошкар-Оле, музеи при школах (Коркатовской школы Моркинского р-на, Микряковской Горнома-

рийского р-на, Елеевской Параньгинского р-на и т.д.), так как IV четверть полностью посвящена различным музеям искусства.

Варианты итогового урока за год разнообразны: деловые игры, викторины, разгадывание кроссвордов и, конечно, выставка детских работ в коридорах школы, классах, кабинете изобразительного искусства.

Таким образом, пройдена еще одна средняя ступенька «фундамента под будущее здание» изобразительного искусства, т.е. Государственная программа 2-го года обучения ИЗО на основе региональной культуры народов, проживающих в Марий Эл.

Л и т е р а т у р а

1. *Слагаева Л.А.* Методические разъяснения к программе по ИЗО первого года обучения «Я, ты, мы и искусство». Йошкар-Ола. 1997.
2. *Неменский Б.М.* Мудрость красоты: О проблемах эстетического воспитания. М., 1981.
3. Программы. Изобразительное искусство и художественный труд. 1—9 классы. М., 1994.
4. *Михайлова Н.Н.* Искусство вокруг нас / Научн. рук. Б.М.Неменский, 1990.
5. *Потапова Е.Н.* Радость познания. М., 1990.
6. Программа. Изобразительное искусство и художественный труд. 1—4 кл. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995.
7. Программа «Изобразительное искусство». 3 кл. / Отв. сост. Н.В.Гросул, Н.В.Романова. М., 1989.
8. *Данилов О.В.* Культ медведя //Марий Эл вчера, сегодня, завтра, 1994. № 4.
9. *Патрушев В.С.* Древнее искусство финно-угров Поволжья. Йошкар-Ола, 1994.
10. *Меджитова Э.Д.* Марийское народное искусство. Йошкар-Ола, 1985.
11. *Слагаева Л.А.* Художественная среда региона Марий Эл // Мировоззрение современной России: Проблема ценностей и тенденция развития. Материалы постоянно действующего регионального научного семинара. Йошкар-Ола, 1995.
12. *Зенкин А.А.* Искусство марийской книги: Теоретические и практические проблемы. Йошкар-Ола, 1996.

*В.П. СТАНЬЯЛ,
ЧПГАИ литературăна фольклор
пĕлĕвĕсен пайĕн ертÿсĕ*

ЧАВАШ ЮПТАРĂВĔ

*(2005 çулхи акан 7-мĕшĕнче М.С.Аттай юбилейне халалланă
ăслăлăх ларăвĕнче каланинчен)*

1942 çулта Тăван Çĕршыв аслă вăрçинче пуç хунă талантлă поэт-юптаруçă Марк Сергеевич Аттай (Терентьев) суралнăранпа паян 100 çул çитрĕ. Эпир унăн школ кĕнекисене кĕртнĕ «Мулкаçсем», «Тăнсăр слушăши», «Такапа Шапа», «Конешнă» юптарăвĕсене пурсăмăр та лайăх пĕлетпĕр, çавăнпах Трак енчи Çĕнĕ Упи ывăлĕ, Шупашкарта типографи корректорĕ, рабфак студентĕ, Канаш районĕнчи Яманкассипе Çĕнĕ Пĕршенер ялĕсенче учитель пулнă паттăр салтакан ыра ячĕ халăх асĕнчех упранать. М.С.Аттая чысласа ирттерекен ларура паян чăваш юптарăвĕ çинчен калаçăпăр.

Чăвашсен йĕкĕлтесе, тăрăхласа, вăлтса, шахвăртса та юптарса калаçас ăсталăхĕ ĕмĕртенпех, Эзопсен вăхăтĕнченпех, пырать пулас. Халăх сăмахлăхĕнче, ман шутпа, тыттарса, шăхăртса хăварни тĕпчесе пĕтерми нумай. Ытарлăхсăр шÛтпе такмак е юмах кăна мар, кĕлĕпе юрă та янăрамасть пулмалла.

Ытарлă пулессин сăлтавĕсем тĕрлĕ. Пусмăрти халăх пуçри чăн шухăшне тĕнчере тÛррĕн калайрас çукки ахалех паллă, унăн ирĕксĕрех тăшман ăнланми ытарлă чĕлхепе, каларăшсемпе, ваттисен сăмахĕсемпе, евĕрлегÿпе калаçма тивнĕ. Çав чĕлхерен хаяр е йăваш тата тĕрлĕ тĕсĕ чăвашра тем чухлех. Çавăнпах ĕнтĕ кивĕ сырулăхра та («Чăваш эпир пултăмăр»), çĕнĕ сырулăх тупăнсан та юптарулăх вăрахлатмасăр хут çине ўкнĕ. XIX ĕмĕр вĕçĕнче Чĕмпĕр чăваш школĕнче, XX ĕмĕр пуçламăшĕнче Хусанта, Самарта, Мускавра, Ёпхÿре, Шупашкарта çамрăк юптаруçă-шÛтçĕсем тĕнче юптарăвĕсене чăвашла тăхгаса тăмасăрах куçарнă.

И.Я.Яковлев шукулё вёренту́ре кула́шпа питлев хайла-вёсемпе анла уса курна́, малтанхи букварьсенчех (1875 султанпа) юптарусем пичетленне. Иван Юркин юптарса хайланисем, Гавриил Кореньков, Гурий Комиссаров кусаравёсем (вёсем вырассен палла юптарушине Иван Крылова юратса кусарна́) хала́хра хум пек саралса кайна́. Чаваш юптаравё, шу́чё, кула́шё, месёкё «Хыпар» ха́сатра (1906—1907) таташ пичетленсе тана́ (тёслёхрен, И.А. Крылов. Упáтепе ку́слах. Хыпар, 1906, август, 31—32), кула́шпа питлев кётесёнче вара хала́х та́рхлávё тан тапса тáрать.

Иртне́ вáхат тапшине тёрёсрех пелес тесен сáв тапхáрти кула́ш ла́счисене у́са пáхмалла. Унта саманан хапха умёнчипе хысёнчи енёсем лайáх курáнасё. Ахальтен-им 1906—1907 сулсенче «Хыпарта» политика юптаравёпе памфлет вáйланса каять? Е тата сáлтáвсáр-и Аслá вáрсá хирёнчи салтак политика áнланáвёсене йáла кула́шне ку́сарма пу́слать? Чáваш áнка-рáвёшён хурлáха ёспе, юрáпа, шу́тпе пусарасси ют мар. Хурлáх витёр кулма пёлни питех те сиплё. Паллах, пичетри юптарула хала́хри шу́т хушшинче кирек хáш саманара та расна́лах пурах.

Кула́шáн вилёмсёр витёмне пулах йывáр вáхáтра «Кап-кáн» суралать те (1925) хала́хáн юратна́ журналё пулса тáрать. Вáл юптарусáр пёрре те пичетленмен! Кунта Иван Мучи тавра чáваш юптарáвён шукулё чáмáртанса каять, вáл паянчченех тухáслá ёслет. Унта кам-кам вёреннине ятарласа тёпчемесёр каласа та пётерес сук. Сáв шукулта ХХ ёмёрён 20—30-мёш сулёсенче áсталанса ўснё Марк Атай юптару́сá. Чáваш юптару́сисен ретёнче вáл Иван Мучи сáмёнче Николай Евдокимов, Сёпритун Шáпчáк, Микихвер Ва́санкка, Николай Чурбай, Митта Петёрё áстасемпе юнашар тáрать. Кайранхисем вёсенчен вёренне́.

Чáваш кула́шёпе питлевён жанрёсем йышлá, тата вёсен (жанрсен) тесёсем сахал мар. Юлташла шу́тпе тáшманла питлев хушшинче — те́сеткипе кула́ш жанрё. Юптару сáвсем хушшинче хáйён тёрлё тесё нумаййипе палáрса тáрать. Хала́х сá-махла́хёнчи прозáлла юптару хáйне расна, пуплев е вáрам сáмах (диалогпа монолог) евёрлё, ха́сат кула́шё вара «ялти ўкерчёк» майлá. Пулмасла пёчёк калавсем те юптарусен йышёнчех. Верлибрла юптару хала́х сáмахла́хёнче ытларах аталанна́, сырулла́ сáмахла́хра сáвáласа, сирёп тытáмпа кала́планá тес вáйланса пына́. Халё вара чáваш юптарáвён

литерату́ра җирәпленнә савалла хапине (формине) җамаллаңах палартма пулать. Вәсем шахвартулла юмахсемпе месәксенчен, хайлавсемпе путәшсенчен тўрех уйралса тараҗсә.

Юптару — чәрчунсен, ўсен-тәрансен, япаласемпе җынсен тәрахласа ытарланә җанарәсем урла аса вәрентсе саваланә каланупа вяляну ретәнчи кәске хайлав. Юптарәва саваласа җырнашан лирика ретне лартни е питлев лирики шутне кәртни тәрес мар. Пурте пәлетпәр: юптарура җанарсем каласасә. Автор сәмахәсене ремарка ыраңне хурсан, юптарәва драма ретәнчи хайлав тесе пәхмалла. Ана вяляса кәтартма меллә.

Тәшши-хапипе җирәпленнә юптарусен ушкәнәнче жанр уйрамләхәсемпе автор стилән хайне евәрләхәсем кураңасә. Кураңмалла та. Вәсенче вәхәт сывләшә, шухәшә, моралә тәрать. Александр Кәлканпа Стихван Шавли, Леонид Агаковпа Аркадий Эхел е Александр Галкин, Трофим Таҗукпа Василий Орлов юптарәвәсем, паллах, шап пәр каләпа ырнаҗмасә. Апла пулин те, җаваш юптарәвән питә пиҗә, тирпейлә, виҗселлә те вичкән тәсә аталанса җитнә. Ана литературан вирлә пәшалә тавас тесе Марк Аттай хытә тәрашнә, классика ретне тивәслә тәсләхсем хәварнә.

Пурнәҗри тўнтерле пуламсем (вәсем кирек хәш тапхәрта та, кирек хәш ушкәнра та тупәнсах тараҗсә) нумай-нумай җынна киләшмәсә, анчах вәсем җине пўрнепе тәллесе кәтартасси, тәра шывра җүхесе илесси җавар уснә е калем тытнә кашни җынранах пулмасть. Куҗ хўрипе пәхакан җын питлев сәмахне пәта җапса е шәрта хирәҗ шәлса калаймасть, каласан калә йәпәлташ е хыҗәлташ сәмах. Юптару вара җылай җухне адреслә җуралать, кайран кәна фельетонләхне җухатса илемлә хайлав пек пурәнма пуҗлать.

Җаваш юптарәвән пур тәсә те самаях аталаннә. Тема, хавха, хапа тата ытти палләсем тәрах ушкәнлама пулать. Вәсем хушшинче мала тухса пыраканәсем — йәла, общество, политика юптарәвәсем. Куләш кушеләнче юптарулла фельетон тәсә пур (А.Кәлкан. Вәрмантис суйлав. 1979). Хәйән кәске юптарәвәсен ушкәнне А.Кәлкан «йәплә шўт» тесе кәтартнә. Йәкәр тытамлә тәсләхсем час-часах тәл пуласә. Тәсләхрен, «Уолт-стрит эшкерә» хайлавне «юптару-памфлет» тесе палартнә (Кәҗсә питсем. 1986). Ку енәпе Стихван Шавлин политика юптарәвәсем питлев сәвви́пе фельетон хушшинчи жанр пек

тӑраҫҫӗ. Аркадий Эхель, Александр Аслут, Александр Галкин, Николай Никитин, Трофим Иванов-Таҫук йӑла юптарӑвӗсем совет саманинчи тунтерлӗх тавра ҫаврӑннӑ. Вӑхӑт улшӑнчӗ. Паллах, пурнӑҫри пахалӑхсемпе хаксем те социализман капитализма ҫаврӑнса ӱкрӗҫ. Общество моралӗ, хисепӗ-нӗсепӗ улшӑнчӗ пулсан, юптарусенче вӗрентсе каланӑ шухӑшсем те хальхаҫҫӑн кирлеми пулса тухрӗҫ. Анчах этемлӗхӗн кивелми пахалӑхӗсем пур. Ҫавсем политика, идеологи е обществопа ҫӗршыв тытӑмӗ хыҫҫӑнах улшӑнса пымаҫҫӗ. Этемлӗхӗн, этемӗн ӗмӗрхи хакне хутӗлекен юптарусен ӗмӗрӗ вӑрам. Ун пеккисем ҫӑваш литературинче чылай. Вӗсене пухса уйрӑммӑн кӗнекелесен тин ҫӑваш юптарӑвӗн хӑйне евӗрлӗхӗпе пахалӑхӗ курӑнса тӑрӗ.

Ҫӗнӗйркенелӗнӗ ячӗпе пусланнӑ пӑтрану вӑхӑтӗнче пайтах ҫыравҫӑ тарӑху сӑмахне каларӗ. Анчах вичкӗн юптарусем сахал пичетленчӗҫ. Пуррисем те халӑхра сарӑлаймарӗҫ. Чӑваш инҫесасӗпе инҫекурамӗ вӗсене ҫул пamarӗ. Кулаш театрӗнче е «Кулаш кустарми» ятлӑ ярамра шӑлсӑр юптарусем е 20–30-мӗш ҫулсенчи юптарусемех илтӗнчӗҫ.

Раҫсей «тискер капитализма» куҫнӑ чухне чӑваш юптарулахӗ (пӗтӗм кулаш хумӗпе пӗрле) сисӗнмелле сасартӑк сунсе ларчӗ. Унччен питленӗ япаласене мухтама, ырлама тытӑнчӗҫ. Ҫӑткӑн пуянсем, куштансем, кулаксем, вӑрӑсем, аламҫӑсем пурнӑҫ паттӑрӗсем пулса тӑчӗҫ! Вӗсем — паттӑрсем, юптарӑва кӗмеҫҫӗ. Аҫта кайса хӗсӗнмелле, хӑш морале пуҫ ҫапмалла ӗҫри хура халӑх жанрӗн — юптарун?

Моральсӗр юптару ҫук. «Басня без морали» тенин хӑйӗн моралӗ пур. Пӑтранчӑк вӑхӑта хакласа Тутарстанра пурӑннӑ Василий Орлов юптаруҫӑ «Сишлӗ Мунча» тата «Пушӑпа Сӗлӗ» кӗнекесем кӑларчӗ. Хаҫат-журналта уйрӑм юптарусем тухрӗҫ. Вӗсем ҫӗнӗ тапхӑрӑн ҫӗнӗ моралӗпе ҫуралнӑ хайлавсем мар. Ахӑртнех, пуян классен витӗмӗнче юптару ҫуралмасть. Ҫуралсан ҫуралӗ месек (анекдот).

XXI ӗмӗрти чӑваш юптарӑвӗн ҫӗнӗ хаксемпе ҫӗнӗ виҫесем, ҫӗнӗ сӑнарсем тума, малтанхисен ырӑ ретне малалла тӑсса чӗррӗнрех калама хальӗхе вӑй ҫитмерӗ-ха. Кун пек лару-тӑрура хамӑрӑн юптару ҫупҫинчи лайӑх тӗслӗхӗсене тепӗр хут тинкерсе пӑхни вырӑнлӑ пулӗ.

МАРК АТГАЙ – ЮПТАРУ АСТИ

Марк Сергеевич Терентьев (Атгай) пурнăçĕпе пултарула хне М.И. Юрьевăн «Чăваш писателĕсем» (1968), «Писатели советской Чувашии» (1988), П.А. Ялкир кăларнă литература энциклопедийĕнче тата ытти биобиблиографи кăтартмăшĕсенче, «Краткая чувашская энциклопедия» кăларăмра палăртса хăварнă. Ун сĕнчен Александр Сымокин «Çапла сунатлантăмăр» кĕнекере (1970), Петĕр Чичканов «Ман учителĕм – Атгай» асаилуре сырчĕс. Михаил Юрьевпа Александр Яковлев «Ял пурнăçĕ», «Пионер сасси», «Хыпар» хаçатсенче «Канăçсăр талант», «Ырă ĕмĕт сĕнтертĕр тесе...», «Самана поэчĕ», «Вăхăтсăр таталнă кун-сул» статьясем кăларчĕс. Янкасри Культура керменĕнче Марк Атгайпа Нестер Янкас поэтсен бюсчĕсене лартнă, халăх музейĕнче стендсем пур. Сĕнъял Упири урама Марк Атгай ятне панă, асану хăми уснă. Çыравçăн чи хаклă палăкĕ – унăн кĕнекисем. Владимир Сарилов журналист хай студент чухнех (1979–1980) Марк Атгай çырни сене туллин кĕнекелес тĕллевпе пухса хунăчĕ. Тухаймарĕ-ха Марк Атгай кĕнеки. Тухмаллах. Ахалĕн унăн халиччен пичетленĕ «Хĕрлĕ сăнă» (Н.Евдокимовпа пĕрле, 1929) тата «Самрақ хунав» (1932) кĕнекисене текех нихăш вулавăшра та тупса илейрес çук. Çырни сеп пуххинче хаçат-журналти сăввисем, такмакĕсем, юптарула кулаш хайлавĕсем, поэмисемпе тĕрленчĕкĕсем, калавĕсемпе пьесисем пурте ыран тупма тивĕс.

Педагог-журналистăн публицистики, прозипе поэзийĕ ачаш та, хаяр та. Унăн кивелмен сепĕс лирика сăввисем пур, унăннах вичкĕн статьясем упранаççĕ. Çапах та, Марк Атгай – юптарула питлев асти. 1924 султа «Канаш» хаçатра пичетленĕ малтанхи «Сăмакунккă» сăввинчех вăл маттур сăмахаçа пулни кураңса кайнă. Николай Шупуçсыннин пурте пĕлекен «Чĕлĕм» сăввин виçине илсе, вăл асра юлмалла тăрăхлав майласа кăларнă:

Мухмăр мучĕш Сăмакунккă,
Маттур эсĕ, Шăршлă шыв!
Тавах сана, Сăмакунккă!
Шăршу санăн Хăватлă
Сана ёçсен – Хуть те чухăн –
Тăрсти-тăрсти Ташлатпăр...
Сана ёçсен, аша илсен
Вилсе кайма Манер пур.

Кивелнӗ-и Аттай сӑмахӗ? Ҫук, паян ҫырна пекех. Халь тесен халь шилӗкре кала.

Чӑваш эстрада поэзине Марк Аттай вӑйлӑ аталантарнӑ. Хӑйӗн такмакӗсемпе, юптарӑвӗсемпе вӑл Иван Мучилле (каярахри вӑхӑтпа илсен – Кӗлпук Мучилле) каласа култарма пултарнӑ.

Вӑл Иван Крылов, Демьян Бедный юптарӑвӗсене тишкерсе вӗреннӗ. Иван Мучипе куллен канашланӑ. Пултарулахӗ хӑвӑрт ӳссе пынӑ. 14–15 юптару пичетленӗ М.Аттай. Нумай мар. Ҫав пӗчӗк еткерпех литература историне юптару ӑсти ячӗпе кӗрсе юлнӑ. «Тӑнсӑр слушӑщи» (1930) юптару халӗ те час-часах янӑрат хӑлхара: «Страстӑй. Ты мой трук Раман, рассказу вам новӑҫ. Горӗ питӗ пысӑк ман – Ёҫлес килмест вовҫӑ... Так напраснӑ, чорт воҫми, Ёнер яла карӑм...». Тӑван тымартан татӑлнӑ хула вӗҫкӗнӗсем халӗ тата ытларах. Вӗсене ҫак юптару ҫаклатсах тӑрат. Ӑна пӗрре тӑнланӑ чӑвашӑн ӗмӗрне те «тӑнсӑр слушӑщи» пулас килмӗ. Мухтанма, виҫесӗр вӗҫкӗнме юратакансене Аттай «Арланпа Шӑши», «Такапа Шапа» юптарусенче хытах тивертсе илет. Ертӳҫӗ Сысна, унӑн ҫумӗ Качака, Ашак ҫыруҫӑ, ӗҫ тӑвакан Ёне, культҫутлӑх пайӗн пуҫлахӗ Кушак хора пуҫтарӑнаҫҫӗ те, пуҫлахне юраса лачакара юрласа лараҫҫӗ... («Ялти пуҫлахсем»). Путеке (ҫурма сурӑха) Сысна качча илсе улталаса хӑварать. Сыснапа Путекӗн юрату пулас ҫуккине такам та пӗлет темелле, анчах пурнӑҫра «ҫурма сурӑхсем» паян та тем чухлех. Тен, ниҫанхинчен те ытларах тӑр. Сысна сӑнарӗ «Телейсӗр Сысна» (1927), «Сысна» (1928), «Авланайман Сысна» (1928) юптарусенче вирлӗ пулса тухнӑ. Хурчкапа Курак сӑнарӗсем те ҫыпӑсуллӑ, халӑх сӑмахлӑхӗнчи хушма пӗлтерӗшсене Аттай вӑйлатнӑ кӑна (Хурчка, 1930; Хурчкапа Курак, 1936).

Мулкачсем вӑрманта Кашкӑр Ҫурине тӗл пулнӑ та «Эй, йыттурташшӗ, ытла та усал-ҫке унӑн Ашшӗ!» – тесе ҫуйхаҫҫӗ, Кашкӑр Ҫурин шӑлне катса яма шутлаҫҫӗ. Мӗнпе пӗтет хӗвӗшӳ? Кашкӑр Ҫурине ҫӑтлӑха кайса янипе.

Вирлӗ питлев тӗслӗхӗ – «Конешнӑ» сӑвӑ. «Пускай, сутап кӗрӗке, Пурпӗр ӗҫеп эреке. Ӑстан мана эс чаран? – Вилеп ҫакӑ мунчарах. Конешнӑ!»

М.Аттай юптарӑвӗсенче «пӑсӑк» вырӑс сӑмахӗсем йышлӑ. Ку тапхӑрта чӑваш шухӑшлавӗпе чӗлхе хӑвӑрт вырӑсланнӑ, ҫавна хирӗҫ юптаруҫӑ кулашпа питлев мелӗсемпе кӗрешнӗ.

Халё чѣлхемѣр акѣлчан сѣмахѣсемпе тулса ларчѣ. Эппин, тема кивелмен-ха...

Талант – ансатлѣхра, сѣнарлѣхра, тѣшшипѣ хапин пѣрлѣхѣнчѣ. Кирлине тивѣслѣ сѣмах тупнинчѣ. Аттай юптарѣвѣсем шѣпах сѣк пахалѣхсемпе палѣрса тѣрассѣ. Сѣвѣсѣн кѣвѣ, стиль шыравѣсем ѣнѣслѣ пулнѣ. Акѣ пѣр тѣслѣх – «Иѣкѣнат хуйхи» питлев. «Эй, Карачѣм, Тыт-ха чѣм. Ѧс сѣра. Хуйхѣ куртѣм. Пѣх-ха, кур Шутсѣрах». Сѣк кѣвѣ чылай каярахпа Петѣр Хусанкайѣн «Аптраман тавраш» романѣнчѣ курѣнса каятъ: «Кам валли кѣпе тѣрлет Натали...».

Марк Аттай сѣрнисем нумай мар. В.Сарилов хатѣрленѣ библиографирѣ 155 ѣт. Вѣсенчен сѣррине ѣхѣн – питлевпе кулѣш сѣввисем, фельетонсем, памфлетсем, юптарусем. «Кашкѣрпа Лаша», «Такапа Лаша», «Сысна», «Арланпа Шѣши», «Ула ѣне», «Иѣйтѣпа Кушак», «Ѧлти пуслѣхсем», «Мулкачсем», «Шѣнапа Лѣпѣш» юптарусем – чѣваш литературин кивелми хайлавѣсем. Вѣсен пахалѣхѣ иксѣлмен. Пѣлтерѣшѣ пѣтмен.

Кайрантарах вѣй илнѣ юптарусѣсем Марк Аттай юптарѣвѣсен ырни-усаллине асѣрхаса ѣсленѣ. Сѣравсѣсем, литература тѣпчевсѣсемпе критиксем (вѣл шутра Исаев Мѣтри, Танкки Петѣрѣ, Кѣркури Кели, Кѣркури Краснов-Кѣсѣнни, Влас Паймен) Аттай пултарулѣхне хѣй пурѣннѣ чухнех пысѣка хунѣ, малашлѣхѣ сарлака пуласса ѣмѣтленнѣ. Халылѣхе эфир М.С.Аттайѣн вѣренчѣклѣх вѣхѣтѣнчи пултарулѣхне кѣна пѣлетпѣр. Вѣл педагогика институтѣнчѣ вѣреннѣ чухнехи тата школта вѣрентнѣ чухне сѣрнисем тѣпчевсѣсенчѣ те, архивсенчѣ те сѣк. Чѣваш тѣп архивѣнчѣ поэт сѣравѣсем, хѣш-пѣр хучѣсем пур, анчах вѣсем 1929 сѣлхисем (ЧР Тѣп архивѣ, 434, 1,89). Марк Сергеевич Сѣпѣрте пурѣннѣ чухнехи сѣл-ѣѣрѣ усѣмлѣ марри пултарулѣх еткерне хупласа хунѣ пулмалла.

Марк Аттай юптарѣвѣсем «Капкѣнра», «Сунталра», хасатра тахсѣн пѣрре пичетленнипѣх литература историне кѣрсе юлнѣ. Вѣсен тепре тирпейлѣ пичетленсе тухса халѣхра сѣнѣ вѣйпа сарѣлмалли шалти вѣйѣ чакман-ха.

*Е.А. БОНДАРЕВ,
Татарстан Республикинчи
Пәва районёнчи Хирти Кушкә
вәтам школән вёрентекенё*

А.Д. КӘЛКАН ЮПТАРӘВӘСЕН ХӘЙНЕ ЕВӘРЛӘХӘ

Литературәра 50 сул ёсленё Кәлкан нумай хайлав сырнә. Вёсем унән 37 кёнекинче пичетленсе тухнә. Унән сатирәлла хайлавёсем пёр-пёр событи синчен туйәм-сисёмсёр каласа панә аллегории мар, вёсем пёчёк драма та, повесть те.

А.Кәлкан юптарәвёсенче (савән пекех сатирәллә сәввисемпе такмакёсенче те) пёр-пёр тёп тема, тёп шухәш сапса ўкерме, питлеме, тәрәхлама малтанах паләртнә тёл, мишень пур. Кәлкан пурнәсра час-часах паләракан ситменлөхсемпе шайрәксене, киревсёр йәласемпе уйрәм сынсен тивёсёсёр ёсёсене курма пёлнё, вара хәйён сатирәлла сәннипе вёсене пит те тёл тивертнё.

Куләшпа питлев хайлавёсен объекчё — конкретлә историлле ёсsem. Вёсенче чиновниксемпе бюрократсем, туняедецсемпе стяжательсем тата пурнәсри тёрлё начар енсем ўкерёсё.

Юптарусенчи тёрлё чөрчунсен сәнарёсемпе сәвәс сынсене, вёсен пурнәсёпе кёрешёвне, хуйхи-савәнәсне, ёмет-тёллевне, йәли-йёркине кәтартать. Пурнәсри пекех, вёсенче ыррипе усалли, тёрёслөхпе тёрёс марләх, сённипе кивви хушшинче хёрү кёрешү пырать. Малтанхи вёсенче чылай чухне сёнтерет, сиеле тухать. Тепёр чухне вара эфир курайман сивлек сәнарсене нимён пулмасть («Ашакпа Кашкәр», «Тилё» тата ыттисем те), юптураура вёсем тәрә шыв сине тухаймасәр юлаёсё. Кун пек чухне автор пире сыхә пулма чённи, хамәр хушәра тёл пулакан ситменлөхсемпе сиенлё ёссене асархама вёрентни мала тухать.

Вәрҗә чәртме хәртәнекенсене питлеме сатирик витемлә сәнарсемпе вичкән сәмахсем тупать. Ку темәпа сырна юптарәвәсенче вәл прогрессивлә этемләхән ыра шухаш-камәлне сирәп шанса тәни сисәнет, Тәван сәршыв ирәкләхне, никама пәханманләхне хәтәлеме тәрашши вәй илет. Кашкәр, Эрешмен, Шакал, Хура Сәлен, Акула — ака камсем вәсем пирән сәршыва хыпса сәтма әмәтленекенсем. Анчах пурин те шалчи тулатех вәсен.

А.Кәлкан юптарәвәсенче аллегорилле сәнарсем куратпәр. Вәл сәнарсем әнерәулә. Сәкнашкал «геройсем» — пурте чәрчунсем: Тәве, Шакал, Хурчка, Шәнкәрч, Качака, Пәру, Автан, Тәмана, Арлан, Мулкач, Чәрәп, Тилә, Кашкәр, Хәнтәр... Вәсем кашниех пәр-пәр йышши сынна, унән ыра е усал әсәсене, лайәх әнәсемпе ситменләхәсене пәләртса тәрассә.

А.Кәлкан юптарәвәсем лайәх вуланассә. Вичкән кулаш вәсенче. Кашнинчех тәп шухаш, «мораль» пур, кашниех сынсен пәр-пәр ситменләхне тәра шыв сине кәларассә, питләссә. Сәвәнна усәллә та вәсем, сәвәнна вулакансем юратассә вәсене.

Сәвәсән политика, халәхсем хушшинчи лару-тәру сынчен хывнә юптарусем пур. Тәсләхрен, «Тилпәрен» юптару сәв вәхәтри идеологи, агитаци, пропаганда проблемисене сәклет. Тилпәрен вәррине мәкәнә вәррипе хутәштарсан сынна ухмаха кәларма пулат. Сәршыв тәшманәсем, сәк үсен-тәран пек, халәхсем хушшинче пәр-пәрне шанманләхпа курайманләх сарма тәрашассә. Пирән тәлләв — тәрәсләхпе суяна уйәрса илесси. Сәпла вара тәнчери лару-тәрава тәрәс әнланасси.

«Үкәте кәмен Упәте» юптарура Упәте усланкәра кәвайт тәлкәшнине курасть те: «Хәватлә вут ман аләра! Әп хам тәнче патши!» — тесе сүхрашма, вәйәран вәкәр тухасса манса, алхасма тытәнәть. Вәрманти кәйәксем ләпланма үкәтленине «хәрлә пропаганда» вярәнне хурса сәнакан вут пуссине вәрманалла ывәтәть. Лешә шәпах хәй йәви сине үкет. Инкеке лекнә Упәте сурисене тәнас пурнаса юратакан кәйәксем аран хәтарса хәварассә. Сәкнашкал үкәте кәмен «упәтесене» сәр чәмәрә сынче ыра шухаш-камәллә халәхсем хытә сивләссә. Вәсене вәрҗә вучәпе айкашма чарасшән, ылханлә вут ыттисемшән кәна мар, харпәр хәйәншән те инкеклә пулса тухма пултарасса астутарассә.

Политика темипе сырна юптарәвәсенче А.Кәлкан вярәссен пәллә юптарусисенчен, тәсләхрен С.Михалковран, вә-

ренсе пыни паларать. Ыйтусене сирёпшён лартнинче тата юптарусен хёрүлөхөнче уйрамах сисенет сакъ.

Сатирик кулленхи пурнаҗсра тел пулакан ситменлөх-семпе калтаксене, киревсёр йәласемпе тивёссёр ёссене түрех асархать, вёсем синчен нумай сырать. Ытахальтен кулгарма тарашни мар, автор шухашё чылай чухне палартна вырана тел тивни сисенет вёсенче. Харпәр хай интересёсене общество интересёсенчен мала хуракансене («Суя туссем», «Ырә хуҗа» юптарусем), халәх пурләхне төрлө майпа саратакансене, «сыләха» эрехпе суса каҗартгарма тарашакансене тата тимсёр пусләхсене («Ашакпа Вакәр», «Кушакпа Тамана»), ытисене ним выранне хумасёр харпәр хайне тивёссёр мухтакан тарлавсар каппайчаксене («Тәрна», «Пуш хәмла»), ытисем хёрсе ёҗленё чух кёрёк арки йәвалакан услапсене («Төкёл-турапа Пыл хурчөсем», «Харам пыр Кампур»), суя илем хыҗ-сән кайса таса юратава варалакан сәмәлттайсене («Чөрөппе Юс», «Куракпа Сәхан ами») тата ытти төрлө йәх-яха калама сук вирлөн тивет сатира сави.

Юптаравёсенче савәҗ халәх творчествин йәлисене сирёп тытса пыни сисенет, юмах-халапри евөрех, Кашкарпа сёлен йышши чөрчунсем унан яланах хаяр та сёмсёр, усал; Тилё — чее те йәпәлти, Мулках — айван та хәрәвсә тата ытисем те. Вёсен сәнарёсенче эфир пур чухне те хамәр хушәри төрлө шухаш-кәмәллә сынсене куратпәр.

А.Калкан юптаравёсен, савән пекех йёплө сәввисемпе эпиграммисен те чөлхи пуян та витёмлө. Халәх пултаруләхөн ыра төслөхөсемпе усә курса сырнаскерсем, вёсем яланхи халәх шухаш-кәмәлне палартаҗсё, унан ёмёт-төллевне сывхартма тарашаҗсё. Вулама та сәмәл, әнланма та ансат вёсене.

Юптарусә, ытти хәш-пёр юптарусәсем пек, хайён пултаруләхөнче традицилле (йәлалла) символсемпе тата сәнарлә япаласемпе усә курать, эфир паллама пултарақан типлә сынсене катартать. Унан хайне евөр стиль, хайне евөр юптару позицийё. Юптаравёсенче йәлана кёнё тискер чөр чунсем, килти вильәх-чөрлөх кәна мар, төрлө йышши кил япалисем те тел пулаҗсё. Вёсем геройсен характер палисене палартаҗсё. Ытаруллә сәнарсем, символсем е юптарса калакан сәмахсем хыҗсөнче ялан сынсен пурнаҗсё, вёсен әс-хакәлө, социалла, хуҗаләхла-экономикалла хутшәну тарәҗсё. Ытаруллә сәнарсем сивлек геройсен маскисене үкерсе илесҗсё, йышанаҗсё, сәткән

кашкърсем, шанса пӑрахақан упасем, чее тилӗсем, тӑранман хурчкасем тата ытгисем те. Тискер чӑрчунсем, килти выльӑх-чӑрлӑх ҫынсен психологийӗпе характерне, вӗсен ҫитменлӗхӗсемпе ыра енӗсене ўкереҫҫӗ. Аса вӗрентсе калас ҫӑрте автор час-часах ватгисен сӑмахӗсемпе тата каларӑшӗсемпе усӑ курать: «Ачаш пӑру ик амӑшне ӗмни ҫинчен ҫўрет сӑмах»; «Юс пек ан пул, таса упра юратӑва». Юптаруҫӑ вӑрӑ-хурахсене, взяткӑ илекенсене тата ытгисене те хирӗҫ тӑрать. А.Кӑлкан юптарӑвӗсенчи автор каланисем, сӑнарсен калаҫӑвӗсем халӑх чӗлхине ҫывӑх чӗлхе. Чӑнў сӑмахӗсем, чӗвӗсем, ыйтуллӑ предложенисем текста пӗтӗмӗшле пуянлатаҫҫӗ. Сӑвӑҫ юптарӑвӗсем халӑхӑн кӑмӑл-сипетне йӑркелеме тата ҫирӗплетме пулӑшаҫҫӗ, сатиралла шухӑша аталантараҫҫӗ, ырапа усала, ӗҫченлӗхпе калӑха уйӑрма пулӑшаҫҫӗ.

Кӑлканӑн тӑван литературӑри ӗҫӗ-хӗлӗ нумай енлӗ, вӑл ҫырниӑ юптарусен вӑй-хӑвачӗпе пӗлтерӗшӗ те пысӑк. Сӑвӑҫ пултарулаӗхенче юптарусем уйрамах пысӑк ыраӑн йышӑнаҫҫӗ. Вӗсенче вӑл тӑрӗ, таса чунла ҫынсене, юратушӑн ҫирӗп тӑракансене мухтаӑ. Юрату, туслӑх, кӑмӑл-сипет ыйтавӗсене сӑвӑҫ сатиралла сӑвӑсемпе юптарусенче те час-часах тапратӑ. Унӑн питлевлӗ сӑввисем пӗтӗмӗшпех пурнӑҫпа ҫыхӑнӑ. Вӗсенче автор ӗҫкӗпе иртӗхекенсене, пуш параппан ҫапақан мухтанчӑксене, харам пырсене, йӑпӑлти, суя туссене, ӗҫе ҫиелтен ҫеҫ тӑвакансене тата пирӗн хушӑра тел пулақан ытти ҫитменлӗхсене питӗ витӗмлӗ критикленӗ, вӗсемпе куллен кун кӗрешме чӑннӗ.

Усӑ курнӑ литература

1. *Абашев В.* Хакла парне // Коммунизм ялавӗ, 1963, ноябрӗн 13-мӗшӗ.
2. *Агаков Л.* Кӑлкан юптаруҫӑ // Юратнӑ сӑнарсем. Шупашкар, 1982. С. 81–91.
3. *Галкин А.* Сиплӗ сӑмах. Шупашкар, 1988. С. 135–217.
4. *Григорьев Н.* Палла драматург, юптаруҫӑ // Ялав, 1972. № 1.
5. *Вирьял Ю.* Хӑмӑр ҫӑр ҫинче // Ялав, 1973. 10 №. С. 32.
6. *Алакер В.* «Пӑрнепе телесе» кӗнеке пирки // Критикалла статьясен пуххи. Тӑван литература пирки. Шупашкар, 1965. С. 82–90.
7. *Казаков А.* Кӑлкан юптарӑвӗсем // Тӑван Атал, 1954. № 3.

*В. В. НИКИФОРОВА,
ЧПГАЙ литературана фольклор
пелёвёсен пайён асла ёшлеви,
филологи аслайхёсен кандидатчэ*

XX ЁМЁР ВЁСЁНЧИ ЧАВАШ ПРОЗИНЧИ СЁНЁ ПУЛАМСЕМ (1995–2000)

XX ёмёр хыса юлчэ. Историн тепёр тапхәрэ вёсленипе пёрлех, литература хронологийёнчи тепёр тапхәр та вёсленчэ. Халё ана, пирёнтен аякках юлман пулсан та, вёсленнэ вәхят тесе хаклама пулать. Ку статьян тәп теллеве — иртнэ ёмөрән юлашки пилёк сүләнче паләрнә прозари сөнөлөхсене тәпчесси.

Кёнекесене илес пулсассан, сак тапхәрта та, хальхи вәхәтра та Чаваш кёнеке издательствинче пичетленнисен шучё нумаях мар. 1997—1999 сүлсенче «Таван Атәлпа» «Ялав» журналсен пурнәсчэ те сәмәлах пулмарё. Төрлэ сәлтавсене пула сине-синех пёрлештернэ номерсем тухса пычс. Район издательствисем вара сахал мар кёнеке парнелерс (Күкеç, Сәрпүчи малтан). Пёр енчен илсен, ку е вәл автор хайён кёнекине кун сүти кәртатас тени, паллах, япәх пулам мар. Сын илем патне туртәннине ырламалла кәна. Анчах илемё, шел пулин те, кашни кёнекерех куранса каймасть. Унтан та ытла, пёр кёнеке кәларнә автор түрех Писательсен союзне сүл тытать. Кун пирки В. Самойлован аван шүт пур¹. Сәвәссем ёмёр пусламәшёнче те, кайран та сахал пулман-ха. Исаев Мётрин «Поэтсемпе поэзи синчен» (1927) статийне е Д. Данилован «Теветкел юлташ патне янә сывравне» (1936) аса илер. Литература тапхәрәсемпе, саврәмәсемпе аталанать. Ситёнёвөсем төрлэ тапхәрта төрлөрен, паллах. Анчах хәшә-пёрисем кирек хәш вәхәтра та хәвәртах уйрам кёнеке кәларма пултарасчэ. Шалти цензор ёслемесен, ыттисен төрөс хак парса писатель ятне йүнәтмелле мар пек те... Хәвәншән анчах мар, пётём

тăван литература сăн-сăпачĕшĕн яваплăх туйса. Шел, яланах сăпла пулса пĕтеймест. Тата пĕр евĕрлĕ япала нумайланса кайсан, ун хакĕ те йўнетет. Тен, вулакана сак пĕр евĕрлĕх тивĕс-терменни – вăл кĕнеке вулама пăрахнин пĕр сăлтавĕ. Тин сьрма пусланă сăмрăксене писательсен шутне питĕ хăйăрт кĕртни те сак ретрех. Кунта А. Мышкина, Е. Нарпи, Н. Ильина ячĕсене час-часах асăнассĕ. Тўрех каламалла, пултарулахĕ пур вĕсен. Кун пирки эпир каярахпа уйрăм калашăпăр. «Сăмрăк» тени тĕрлĕрен пулат, паллах. Сĕспĕлле Иванов пекки те. Сапах та, писатель е поэт ягне илтме вăхăт тĕрĕслевĕ витĕр тухмалла пек. Тата (ку, паллах, ĕмĕтре кăна пулĕ) – пĕлтерĕшĕ савашлă пулмалла.

«Сĕнĕ пулăм» текен аңлав сине чаранса тăрар. Сак статьяра вăл, пĕрремĕшĕнчен, калашма хистекен сĕнĕ ят. Тишкерекен тапхăрта Г. Федоровăн, Е. Нарпин, А. Мышкинан, Н. Ильинан хайлавĕсене палăртмалла. Г. Федоров – хайне уйрăм. Унăн пĕтĕмĕшле пултарулахне (поэзине те, прозине те) чăваш литературишĕн пысăк ситĕнĕ тесе хакламалла. Сьравшă хайлавĕсенче чăваш литературин ситĕнĕвĕсем анчах мар, тĕнче литературин ситĕнĕвĕсем вай илсе аталаннă. Сăмрăк прозана илес пулсан вара, унта асăннă ятсен сасси усăмлăрах илтĕнет, сăмахĕ хитререх йĕркеленет. Критика Федоров сине те нумай сăмах вакламарĕ-ха. Тĕрĕссипе, пĕтĕмĕшле илес пулсан та, объективлă критика юлашки сўлсенче сайра тĕл пулчĕ.

«Сĕнĕ пулăм» тата – маларах палăрнă ку е вăл сьравшăн сĕнĕ, асăрхамасăр иртсе кайма сўк хайлавĕ те. Урăхла каласан, сăмах кунта та сак тапхăрти илемлĕ прозăн илемлĕ тĕслĕхĕсем пирки пырать. Сăв шутра Н. Петровская, Ю. Терентьев, М. Сунтал, В. Степанов, Л. Сачкова сьрнисене палăртмалла. Мĕнпе уйрăлса тăрассĕ вĕсем пурте? Мĕнле йĕркеленет писателĕн хай евĕрлĕхĕ, тĕнчи? Ыйтăвĕсем сĕнĕ те, сăмал та мар. Чи малтанах куша курăнаканни ĕнтĕ вăл – чĕлхе, форма. Вĕсенче авторăн тĕнчекурăмĕ, опычĕ, шайĕ сăнланать. Асăннă сьравшăсен сак тата ытти уйрăмлăхĕсене аңланса илме тăрăшăпăр та эпир.

Прозăри темисе авторăн хай евĕрлĕхĕ (Б. Чиндыков, Г. Федоров, В. Степанов), ыттисенчен питĕ курăмлă уйрăлса тăраканни, тăван литературăри уйрăм пулăм пирки калашма май парать. Тĕнче литературинче аңа «постмодернизм» теçсĕ. Юлашки сўлсенче термин пĕлтерĕшĕ аңланчĕ. «<...> Пост-

модернизм — эпоха не столько в развитии социальной реальности, сколько сознания» (З.Бауман)². Асанны прозаиксен пултарулахэ литература аталанавенчи тепёр тапхяр тесен те ййанш мар.

Кайштах теори синче чаранса тарар. Паянхи культура, пётёмёшле илес пулсан, хайне постмодернизм тесе ййшанать³.

Сак культуран тёпрех уйрамлахёсем: «интертекстуальность» текен концепт, вэхят феноменне сёнёлле анланни, мифологиллэ санарсем пысак выран ййшанни, метафора патне туртанны. «Интертекстуаллах» текен анлава илес пулсан, сáмах кунта цитаталла шухайшлав пирки пырать. Кёскен каласан, сёнё текст вал — цитатасен конструкцийё. Унан терлэ сийёсенче ыгти текстсем, маларах сыраннисем, е сак текстпа пёр харас пуранаканнисем паларса тарассё. Ку ёнтё сиели схема. Цитатана вара сапларах анланмалла: «В постмодернистской прагматике под цитатой понимается не только вкрапление текстов друг в друга, но и потоки кодов, жанровые связи, тонкие парафразы, ассоциативные отсылки, едва уловимые иллюзии и мн. др.»⁴. Сак принцип ёсленине ан айёнчи опытпа сыхантармалла пулэ.

Г. Федоров пултарулахэ — чаваш литературинче сёнё сáмах терёмёр. Кунта эфир «Ай, мантаран, хир мулкачи»* ытарла эскиз пирки каласар. Самаллан вуланмасть вал, анчах ана вулан чух ас валли те, чун валли те килемелли нумай тупанать. Литературара терлёрен Самех пулать. Сиелтен пахсан яка, илемлэ, йалтаркка, шалтан вара — пуша. Г. Федорован самехэ каткас, тикёссён пымасть те пек, патравларах та пек малтанах. Турех паранмасть вал вулакана. Урэхла каласан, материал хирёс тарасшан, вулаканпа пёр тан пуласшан. Хайне хай сителёклё Текст вал. Сак Текстри Самех чёрё, сёткенлэ... Вырасла тата сапла калама пулатчё: «концентрированное, почти осязаемое Слово». Текст ашне кёрсе кайсан, автор кашни самеха Флобер пек шыраня пулэ тесе калас килет. Сав вэхатрах ку вал — ашран, чёре сумёнчен тухакан самех. Кашни саманта туйса илсе ана сёс тивёслэ пёлтерёш тупма тарашни, васкамасар, чун витёр сархантарса каларна самех.

* «Вёр-вёр кайак, вёр кайак» (1992–1995) // Таван Агъл, 1996. 10 №. С. 14–54 (пёрремёш повесё). Малашне пур сёрте те цитатасен страницисене сёс катартапяр. — В.Н.

«<...> *Ма килнӗ вӑл ҫак ҫутӑ тӗнчене? Утӑ ҫулма-и? Е шухӑш шухӑшлама? Шухӑшлатъ-ха шухӑшне — пӗлмери тырри хутшӑнмасть уншӑн, тырри-пулли ӱсӗнерех пымасть, кӗсьери укҫа шучӗ мӑнӑланмасть. Пурнӑҫӗ те мыскара ҫеҫ иккен*. Мыскара пулмасӑр — чипер ӑслӑ-пуҫлӑ ҫӗртех штакетник ҫунтарать кӑмакана пӑрахса, чипер выртан юман юпасене тӗксӗртен татса ваклатъ...» (23 с.);*

«<...> *Хӗрӱ вӑйӑ ӗнтӗ, мӗн каламалли пур! Кулӑш та мыскара! Мӗлки мар, кӗлетки те... Те пур Ясак, те ҫук вӑл. Хӗрӱсӗр пуҫне нимӗн те кӗмест ӑша, нимӗн те тухмасть ун-тан» (23 с.);*

«*Пурнӑҫ вӑл таҫти шӑтӑкра та мыскаралӑ» (24 с.);*

«*Каллех ашиӗ вилсен кӗвӗленнӗ сӑвӑ килсе кӗрет пуҫне. Епле манӑсман-ха вӑл, эй? Мыскара ӗнтӗ пӗр пӑхма: ниҳсан сӗмленмен-туман япала килсе кӗчӗ Ҫирки чунне ашиӗ вилнишӗн хурланнипе пӗрле...» (29 с.);*

«*Михаил, тур пул, чарӑн. Мӗн мыскари кӑтартатӑн ара? — Ан тив, ташилӑр, савӑнтӑр пурӑннӑ чух, — сӑмах хушашь Матви. — Хӑш чух кӑмӑла пушатсан та юрать ӑна» (32 с.);*

«*Ан калаҫ кирлӗ мара, Ҫирки, — ҫемҫен калать хӗр. Ҫирки ун мыскарисем пирки пачах тӗшмӗртменнине чухланӑ хӗр ирӗкленет, хӑйне хӑюллӑрах та тыткалать вӑл» (39 с.);*

«*Рехетленсе выртма вӑхӑт ҫук, ҫанталӑк мыскари тӗрлӗрен пулма пултарать» (39 с.);*

«*Ай, мыскара. Ну камит те, эй! Мӗнле ҫӑрӑлса тухмалла халь ку япаларан. Хӑйне шурлӑха анса кайнӑ пек туять ватӑ: сивӗ, тӗттӗм, нӗрӗ...» (48 с.);*

«*Мӗн тӑвӑн? Пурнӑҫ мыскари кашнин хӑйне ҫав!» (48 с.).*

Мӗншӗн тӑтӑшах пурнӑҫа мыскарапа танлаштарасӗҫ геройсем? Пурнӑҫӗ ыглашши йывӑр пулнӑран мар-ши? Ҫак йывӑрлӑха кӑштах та пулин ҫамӑллата тесе мар-ши? Тен, шухӑшлавра та пулин мыскарапа шайлаштарни усӑннӑ ҫунатсене кӑштах та пулин ҫӗклеме май парать? «Карнавализация сознания» текен термин пур М.Бахтинӑн. Анлӑн пӑхас пулсан, карнавал кивви пӗтнине, ҫав вӑхӑтрах ҫӗнни ҫуралнине уявлать. Урӑхла каласан, ҫӗнни патне ҫул уҫалать. Малтанах — шухӑшлавра, кайран, тен, пурнӑҫра та. Кашни халӑхӑн,

* Курсив кунта та, малалла та пирӗн. — В.Н.

вӕхӕтӕн тӕрлӕрен пулса иртет ку улшӕну (Рабле, Декамерон...).
Чӕвашӕн мыскарӕи те хурлӕхлӕрах пек, савӕнӕсӕ те хӕрхӕрех...

Юрий Скворцов пултарулӕхне тӕпченӕскер, унӕн поэтикин хӕй евӕрлӕхне, илемлӕх тӕнчи туйӕмне те ӕша илнӕ прозаик. Интертекстуаллӕх формипе йӕркеленет сӕк ен. Сутсанта-лӕкӕн пӕр евӕрлӕ пулӕмӕсене (вӕрман, кайӕк-кӕшӕк, сӕил сӕна-рӕсене) юратнинче те сисӕнет вӕл, реминисценци шайӕнче те. Лисукпа Сирки уйрӕлни Коляпа Укахви уйрӕлнине аса илтерет. Сирки вӕрманта кушакпа тӕл пулни – Укахвине кушак тапӕнни, вӕрманта чунра шиклӕх кӕрсе вырнасӕни пӕр ретре. Е Уярӕн «сӕынсем хушшинче – вӕрманти пек сӕуретпӕр» текен шухӕшӕн ахрӕмӕ те илтӕнсе каять пек. Хайлав ятӕнче хӕйӕнче вара – «Чухӕн сӕын пурнӕсӕ – хирти мулкач пурнӕсӕ» (Гр. Филиппов) тенин, «Мулкач юррин»...

Малалла вулар-ха:

*Ю. Скворцов: «<...> Ёнтӕ вара сан, сӕк кӕмен пулӕшӕн ларса кун ирттернӕ пекех, вӕхӕту иртсе каять... «Киле» кай-малла сан...»**

Г. Федоров: «<...> Анчах та ёнтӕ ёнсе хысӕне синкерлӕ вӕхӕт сӕитсе тӕнӕ; каймалла сан, теприне вьрӕн намалла. Унӕн та пурӕнас килет пул, сан анчах мар...» (15 с.).

Ю. Скворцов: «<...> Пурнӕс та сӕк пулӕ тытни пекех. Кӕтетӕн, кӕтетӕн... Акӕ ыран лайӕхрах пурӕнӕп-ха, акӕ вицмине лайӕхрах пурӕнӕп... Пӕр сӕул пурӕнатӕн, ним те сук, тепре пурӕнатӕн – пӕр йӕмпӕлтӕк пек телей сӕакланать. Тепӕр темице сӕул пурӕнсан тепӕр сӕлӕ пӕрчи пек телей лекет...» (Шыв симӕсленнӕ чух, 462 с.).

Г. Федоров: «<...> Этем пурнӕсӕ те чисти савнашкал пулӕ сав! Паянхи сьрлахтармасть сӕынна, пӕрмаях ыранхине кӕтет вӕл. Сӕитет те ырана умра тата тепӕр ыран сӕнӕ-ничӕ утленме ӕлкӕрнӕ, ёнтӕ татах малалла йыхӕрать вӕл этеме, утсах утма хушать». (28 с.).

Скворцов геройӕсем сӕр сӕинчи пурнӕса ӕмӕрлӕхӕн пӕр саманчӕ тесе йышӕнассӕ. Сӕк саманта чарса лартсах тенӕ пек туйса илесшӕн сьравсӕ. Унӕн кашни хусканӕвне асра хӕварасшӕн вӕл. Федоров сӕк ӕмӕрлӕх сӕврамсенчен тӕнӕ пек курать. Геройӕн пурнӕсӕ – сӕк Пысӕк Вӕхӕтри пӕр сӕврам

* Шыв симӕсленнӕ чух // Уках хурӕнӕ. – Шупашкар, 1993. С. 462.

(сёр синчи пурнаҗе те саврамсенчен йёркеленет пек). Ахальтен мар Сирки те хайён шапи ашшён шапи пек пуласран хәрәт: «Аса илет те хёрхуленсе кулать сәмрәк арсын: чәнласах ашшә мёлки пулса юлчә-ши?» (34 с.). Саванпах-тәр повесри вәхәт хәвәртрах чупать. Пәрпассон лаша пек ыткәнса пырать вәл. Вәхәт тапине час-часах «авәк», «сәтәркка» виҗисемпе виҗни те сәкнах сирәплетет. Кәркка Михалёпе ун ывәлён Сиркин «пәрпассон мар, йәмшак лаша кәлетки те пулаймарё» (34 с.). Пёччен Пурисра, е Пёччен пәрпассонра вара пәрпассонләхә юлмарё. Самана урапи сінче ларса пыма сәмәл мар пуль сав...

«Пёр Павәл кәна, пёр сав кәна тапранаймасть вырәнтан. Тәнә та тәрәт таврәләхә куҗ сиктерми сәнаса. Сук, ёлкәреймест ыткәнса пыракан тёнче хыҗсән, куҗна курса, чунна туйса юлаймасть улийәнса тәракан сәнтәләкә. Вәлт-вәлт иртсе пырать кашни самант, кашни чөрём авәк» (14 с.). Чәваш, кирек епле тәрәшсан та, паянхи кунпа пурәнма пәлсех ситереймест сав. Е иртни чунне кәшланипе, е пуласси сінчен куляннипе, паянхи кун илемлөхәпе (е илемсөрлөхәпе), әна хай чәрипе пултарсан та, әспа әнланса усә курмах пултараймасть. Повесре сәнланнә самани те сав тери синкерлө ёнтө, уйрам сынна «никам та мар әс халь» текенни (18 с.), «сәва тытса әтем ёмөт-шанәсне сәулаканни» (20 с.). Сәк саманан хай евөрлөхне анчах мар, әтем пурнаҗсән тупсәмне те шырать автор.

Хайлаври сюжет сав тери хайне евөрлө йёркеленет Федоровән. Ёҗ пуләмсен йёркисем пёр-пёринпе төрлө енлө сыхәнаҗсә: сывхарәсә те аякка уйрәлса каясә, пёр-пёрин хыҗсән черетленәсә, чән пурнаҗспа төлөк хушшинчи чикәсем сүхаләсә...

Сирки вәрманта сүрет, шалалла кәнәсемән «шухәш вәрманне» те кәрсе каять, шухәшәпе пурнаҗсән пысәк пайне тепёр хут пурәнса ирттерет, төлөксем тыткәнне кәрсе үкет (иккөмөш сыпәк, 24–35 с.). Ун шухәшлав юхәмө хыҗсән кайса вулакан вәл вәрманта сүренине те маннә пек пулать («Сүре-сүре қаҗ та турө ак каччә, мунчи сивәнсе кайрө пуль тахсанах, Павәл пиччөшә те вәрсин вәрсәть пуль әна» — текен предложени патне ситетән те, вәл халө те вәрманта иккенне аса илетән. 30 с.). Сиркипе пөрле ун пурнаҗсән саманчәсене куҗ умне кәларса тәрәтса чәрипе пурәнса ирттеретән.

«...Кәвак мучәш каланә сәмах Сирки әсәнче пуп кәланипе пөрлөшсе каять, темле әнланмалла мар мәкәлтанчәк

*пулса ырнаҫать чёрене. Ун тупса́мне а́нкарса пётереймест
самра́к арсы́н: кур-ха хёвел савра́нши шёкёлчөсө́ тет; тей
сакай айё тата мёне пёлтерет-ши ку?.. Пёрре-пёрре юма́с патне
ситсе килмелле-ха Сиркин ятнех. Мён а́сласа калё-ши Тинёс
Варвари?.. Юма́с тем те пёр лөйөртетни те ләплантармарё
качя́н чунне, каня́сне ытларах сұхатрё кяна. Ытла та
юмахланса кайна́ пек туйа́нчө Варвари са́махё:*

— Сич сул юппинче сич юпа, сич юпа синче сич кайак.
Сичё сáмарта тунá та — упрайман, такам пырса пурне те
ватна́, айне юхтарса кáларна́.

...Вуниар сул иртсен тупа́нчө у́сци — учитель сул
суре́мелле, тейче курмалла тетчө те ав...» (27 с.). Текст пайёсем
Федоровáн (пайра́мсенчен, вáл шутра пёчөккисем те, пыса́к-
кисем те, са́мах савра́ншиёсенчен пусланса ё́с-пула́м йёре та-
ранах) пёр-пёринпе тачá сыхáнна́. Малтан пайра́м аталанать
те, кайран төрөсленет. Кайран ку́с умне тухни малтанхи патне
тавра́нать. Са́махран, Лисук пу́сө синче темёнле асап пулнине
эпир малтанах пёлетпёр. Вáл чирлине, «Клуххуйне» — каярах,
тата теми́се хут та — төрлө лару-та́рура. Е вáл карта хушшипе
самра́ксен вáййине вáртта́н па́кса та́ни — сав саманта ашшө
те курнине чылай кайран пёлетпёр. Кунта сáкна палáртса
хáвармалла: авторáн пултарула́хне пөтө́мөшле илес пулсан,
а́на пёр пыса́к Текст тесе йыша́нни төрөсөх пек туйа́нать. Фе-
доровáн хайлавёсем (сáвá-и вáл е проза хайлавё) пёр-пёринпе
төрлө енлө сыхáнассө, ассоциаци шайё́нче те пулин, вёсем
пёр текста малалла та́сассө тейён. Сёр сине килнө этемён пур-
на́с пёлтерёшне, вáртта́нла́хне, шалти тарáнла́хне шыра́ссө.
Савáнпа та сáк авторáн калас са́махё час-часах яра́мсене хы-
ва́нашáн («Хёсмет», «Эпиграф», «Вáйáм», «Рондо»... яра́м-
поэмáсем). Савáнпах пуль ун умне сáкнашкал ы́тусем тухса
та́рассө: «Пёлместөп: те ку эпилог, те чун сунтарма́ш сён
пролог?...» («Ентөрёк» поэма)⁵. Сакáн йышши уйра́мла́хсем Фе-
доров произведенийёсене ХХ-мөш ё́мөр пу́сламáшёнче нимёс
писателё Т.Манн «интеллектуалла́ роман» текен а́нлава тёнче
культурине кёртет. Ун шухáшөпе, «философиллө роман» а́нлав
ХХ ё́мөр валли сителёксёр, вáл Вольтер валли ситё, ХХ ё́мөрти
производенисем вара ку чикёсенчен туха́ссө. «Интеллекту-
альный роман — следствие развития философского романа», —
тет вáл. Терминсене тата́клá никам та палáртайман, савáнпа
та вёсене час-часах синонимсем пек те хакла́ссө. Уйра́мла́х-

сем пурах ёнтё. Тёпреххисене җапларах палартма пулать: интеллектуаллă прозари содержани татах та таранланать, шухаш нумайланать. Җавна май җыру техники те каткӗсланать. Җавнашкал проза вулакантан та нумайрах кетет. Паллах, вӑл философиллӗ проза җитеневӗсем урлӑ каҗса каймасть, вӗсене те произведени «никӗсне» хывса малалла каять. Хӑшӗ-пӗрисене асанса хаварар: хайлав тӗрлӗ йышши ассоциаци җуратма пултарни (сюжет, стиль... шайӗнче); символсем, аллегорисем йышлӑ пулни; миф (анлӑ пӗлтерӗшпе), притча пысӑк вырӑн йышӑнни; философиллӗ диалог тӗпре пулни (ӑна герой хӑйпе хӑй йӗркелет, сюжет шайӗнче те диалог тӗпре). Геройсен шухӑшлавӗ, җӗлхи (хайлав йӗркелӗвне шута илмесӗр) ахаль вулакана җывӑх пулни те философиллӗ проза чиккинче. Вырӑнти калаҗавӑн уйрӑмлӑхӗсемпе усӑ курнинче анчах мар, җаваш җынни тӗнче җине, пурнӑҗпа шӑпа тата хӑй җине мӗнле пӑхнине туйса, ӑнкарса илсе ӑна тивӗҗлӗ палартма пултарнинче те туйӑнать җак җывӑхлӑх.

Вырӑнӗ-вырӑнӗпе геройсен шухӑшлавӗн йӗркеленӗвӗ ӑн юхамне (психологизм) аса илтерет. Шалти монолог пӗр тема тавра йӗркеленет пулсан, ӑн юхамӗ — нумай темӑллӑ, кунпа пӗрлех унта геройсен сисӗмӗ-туйӑмӗ те, кӑмӑл-туйӑмӗ те җанарланать.

Ытарлӑ эскизӑн тытамӗнче М.Пруст җырӑвӗн хӑй евӗрлӗхӗн сӗмӗ те сисӗнет: произведени схеминче, сюжет йӗркеленӗвӗнче, шалти җӗвӗсенче, ӑн юхамӗн уйрӑмлӑхӗсенче. Геройсен шалти пурнӑҗсӗн ӱкерчӗкӗсем татти-сыпписӗр «юхам» евӗрлӗ җеҗ иртмеҗҗӗ пирӗн умран, вӗсене тӗплӗ шухӑшласа тунӑ, курӑмлӑрах самантсем җинче ытларах җаранса тӑнӑ. Прустан «субъективлӑ эпопейи» җичӗ пайран тӑрать. «Субъективлӑ эпопея» — пӗр җын пурнӑҗсӗ, шалти тӗнчи урлӑ, ун куҗӗпе саманана, вӑхӑта ӑнланнине, обществоари пулӑмсене җанласа кӑтартма пултарни. Федоров хайлавӗ те, җавнашкал тӗллеве тӗпе хунӑскер, эфир пӗлнӗ тӑрӑх, темиҗе вӗҗленнӗ пайран тамалла, җав вӑхӑтрах пӗрлӗхлӗ произведени пулмалла.

Җапах та наци идейине, «шӑнӑрне»⁶ тупма ӑнтӑлакан җыравҗан пултарулахӗнче* ку е вӑл витӗмӗн, традицин паллисене курни тӗпре мар, тӗнче культурипе җывӑхлатакан

* «Җаваш наци пурнӑҗсӗн моделӗ» (Н. Ишентей) еплерех «калӑпланни» пирки җаранса тамӑпӑр, вӑл уйрӑммӑн интереслӗ калаҗу пулмалла.

самантсем вара интереслĕ. «Интеллектуаллăх» текен термин кунта нумай ăнлантарать. Сĕнни, хай евĕрли, паллах, ун умĕн пухăннă пуянлăха шута илмесĕр пулма пултараймасть. Ўнерсĕн тавракурăмĕ мĕн чухлĕ анлăрах, саван чухлĕ ытларах традици пĕрлешсе, хай евĕрлине суралса ўсме пулăшать. Ана йĕрке-ленме пĕлүү кăна сителĕксĕр. Шалтан сав шайра хирĕс тăма пултаракан никĕс, тĕрев, шăнăр кирлĕ, тĕнчене хăв куçупа курма пултарни, чунупа тарăн туйса илме пĕлни.

«Ытарлă эскиз»* тесе палăртать повессен ярамне Георгий Федоров. Пĕр енчен илсен, сăпла палăртни – сăпайлăх, тепĕр енчен – хайĕнчен нумай ыйтни те. Мехелĕпе хайлав роман патне туртăнмалла пек. Литературăмărта паянхи кун жанра кун пек палăртни анчах мар, кунашкал Сăру хай те тĕл пулмасть.

Владимир Степанов прози традициллĕ жанрсен пултарăвне (чиккисене е тарăнăшне) анлăлатнипе уйрăлса тăрать. Уйрăмах фантастикăлла жанрсенче вăл халиччен никам та туйса илсе усă курман тĕссем шыраса тупнă. Статьяра сак тапхăрта пичетленĕ повеспе роман пирки сăмах пырĕ.

«Ăнтăлу е Сĕр тыткăнĕ» фантастикăллă повесре (1990)** В. Абрамов лирикапа философи сыхăннине палăртать⁷. Степанов Тексчĕ илемлĕ, таса, тўрĕ (откровенный, искренний). Ана хайĕнче тăтăш тĕл пулакан чечек пек алăпа тытас та килмест. Ёмĕрлĕхри таса Чунăн таса хусканăвĕсене Сăмах сине тивĕслĕ куçарма тăрашнă вăл.

«<...> Этемĕн чунĕ пурин те пĕр тĕрлĕ. Вăл хайне евĕр те сĕршыв, те услăх, анчах пур этемшĕн те вăл пурин те пĕр тĕрлĕ – кашнин этем чунĕ ытти этемсен чунĕпе ним енчен те уйрăлса тăмасть. Пурнан пурнăсра мăшкăлласа пĕтернĕ чун пирки мар сăмах, пурнан пурнăсри чун пирĕн чĕлхепе ўте парăннă; урăх чун: хăшĕ-пĕрисем Турă панă, теприсем анне панă, виçсĕмĕшĕсем сұтсанталăк панă текен чăн-чăн Чун пирки <...>».

... Чун патне сăмахпа та сывхарма пулать, шухăшна та. Ситме вара ун патне туйăм-чун урлă сĕç май пур. Туйăма шу-

* Иккĕмĕш повесĕ «Туй ачи, пуса ачи» 2002 ç. «Тăван Атăлăн» 2–6 №-сенче пичетленĕ.

** Ялав, 1998. 7 №. С. 4–34.

хайсем, с̄махсем п̄хайсан — сул к̄скелет. Анчах ас̄рхан̄яр,
этемсем: шухайсен т̄нчине пурн̄ас̄ т̄нчи т̄рл̄ерен.

Саванна эфир к̄л̄есем каласа, такмаксене итлесе хам̄ра
с̄с̄ паракан чун сукмакне с̄ухататп̄яр та, темле асл̄а сул
шыратп̄яр. Тен, сана к̄л̄есем кирл̄е те мар, тен, в̄семс̄р
Чун патне с̄итесси с̄ыв̄ахрах? Эх, этем: эс̄е пурн̄ас̄ра п̄ччен,
саванна Чуну патне с̄итме анл̄а сул с̄ук, унталла кашнин
хай̄ён п̄ртен-п̄р сукмак». (23 с.)

Произведени вулакана х̄ай̄ён т̄нчи пирки
шухайша ярать, чун х̄ел̄х̄есене хускатса Ём̄рл̄ех
к̄ввине туйма, итлеме йых̄арать. Кун пекки час-часах т̄л
пулмасть.

Текст автора х̄айне те, вулакана та в̄с̄не с̄итиех х̄ай
т̄нчине к̄рсе кайма ч̄енет. Шухайшлав й̄р̄е афоризмла к̄ске
предложенисемпе й̄ркеленет. Кунта интертекстуалл̄ах прин-
цип̄е ёсленине те палартса х̄авармалла. Кӯса т̄урех кур̄анаканни
в̄л — П.Яккусен с̄аввисене к̄ртни. Х̄аш-п̄р самантсене автор
х̄ай к̄скен анлантарса парать (постмодернизм текст̄енче
анлантарусем те пыс̄ак п̄лтер̄ешл̄е): «с̄мах шыв молекулине
кислородпа водород с̄ине пайласа (космосран илсе анн̄а
энергие пула), океана с̄р ч̄ам̄р̄еппе п̄рле сирп̄етсе яни с̄ин-
чен, е «повес̄ре тин̄с с̄мах пур с̄ерте те т̄нче океан̄е п̄лте-
р̄шли» с̄инчен. «Пихампар й̄ттинче» те с̄авах. Тест тыт̄ам̄нче
эпиграфсем, Ницше в̄рент̄ев̄е, авалхи германецсен миф̄е,
динозаврсен в̄ах̄атне контекста к̄ртни, ч̄рчунсен пурн̄ас̄е
й̄ркисем, ч̄аваш т̄ррин тупс̄ам̄е, с̄ап̄ас̄ус̄асен тим̄р тум̄н
историй̄е пирки шухайшлани — пурте п̄лтер̄ешл̄е.

Повесть ник̄с̄енче — илемл̄е миф. С̄р с̄инчи пурн̄ас̄
х̄анал̄ах, Ём̄рл̄ехри — вил̄мс̄р, самантл̄ах юратупа в̄с̄е-
х̄ррис̄р юрату пур тесе ёнентерекекенни. Т̄п геройсем
Аоэнэла тата В̄л (Эп̄е). Ч е ч е к, У с л а х, С̄р й̄шши
темӣсе п̄лтер̄ешл̄е метафорасем текст структуринче кӯсамл̄а.
В̄сем текста ч̄ер̄л̄ех, темӣсе т̄рл̄е с̄м к̄рте̄с̄е.

«Пихампар й̄тти» роман (1999)* — ч̄аваш хал̄ах̄ён
авалл̄ахне, нес̄елсен чун-ч̄ем вьрт̄анне паянхи кун шай̄ёнче
анланса илме т̄рашни, ч̄аваш т̄нчиш̄ён тунс̄ахлани. Ана автор
х̄ай «этнос ф̄энтезий̄е» тен̄е.

* Ялав, 1999. 10 №. С. 7–64.

«Шухайсене пётмлетмесёрех тўрех палла: этем текен чёр чун тёнчерен сухалсан, хыссын килекен асла чунсем кашкартан пулса каясё. Ку сес те мар-ха, тен, чавашем ёнтё кашкартан, эволюция кая хаварса, пулса кайма те ёлкёрнё» (61 с.). Чаваш пурнаёсёнчи Пихампар пёлгерёшё сапларах: вёл сынсене шайпа уйёрса паракан, телей сыракан Туря. Тата айна выльбахчёрлөх Турри те, тискер кайаксен (кашкарсен) Турри те тесё. Роман центрёнке – миф автор фантазийёпе чёрёл-се тани.

Пусламашёпе вёсё паянхи пурнаёса, паянхи чанлаха катартаёсё. *«...Пёлётсем – Сёр чамарё аставамён пуххи. Сын асё кёске, Сёр чамарён аставамё асла. Сёр чамарё ним те манса кайман. Тўпери пёлётсен юхамё-улианавё этемсене ёлк-ава мён пулса иртнине катартать»*.

Пэхар пёлётсене те санар эсир: хушаран Кашкар турри те, Шуря харт пир хуна утланнй асла архар Услан Кайак – Савар Кашкар – Тайкар – Пирхум та куранать унта...» (61 с.)

Вэхат та савнашкал текста традицияллё ашлава вырнаёсмасть (иртни – хальхи – пуласси = линейное время). «Идея непрерывности бытия и становления, их фундаментального единства может быть обнаружена и в постмодернистской нарратологии (см. Нарратив). Так, Лиотар специально останавливался на этом вопросе: согласно его модели темпоральность нарратива не развернута в линейную структуру от прошлого к будущему, но спрессована в актуальную презентативность: «именно рассказывание в настоящем разворачивает каждый раз призрачную временность, простирающуюся между «я слышал» и «вы услышите»⁸.

Фантастика жанрнех илес пулсасан, унта уйрам таракан тепёр ят пур. Вёл – **Нелли Петровская**. Ун хайлавёсене сёнё юхам (мистикапа фантазмагориллё юхам) пек хакланипе, «повести мистического характера, близкие к фантастическим»⁹ тесе палартнипе килёшмелле.

«Тухатмаш» роман (1995)^{*} – чунне вуниккёрех усала сутса тухатмаш пулса таня Минке шайпи пирки. Сюжечё тёнке литературинче сёнё мар, паллах. Анчах та Петровская ку сюжета хёрарам трагедийё витёр хайне евёр усса пама пултарня.

^{*} Ялав, 1997. 1–5 №. Хайлавсене хасан сырнине Н. Петровская-Теветкел палартня.

Тата вуникё җулки ачана усала хирёс тәма пултарайманшән айәшлама юрать-ши? Сәнара пур енчен те тарән кәтартса панә, уйрәмах унән пуш хирти пурнәснә. Унта Минке җуҗсанталәкпа тата хушәран усал вәйсемпе хутшәннисёр пуҗне – пёччен. Героя хәйпе хәй анчах хәварса пысәк хайлав е унән пысәк пайне йёркелеме җәмәл мар. Ку енчен илсен, Петровскаян тәсләхә әнәҗлә. Минке тухатмәш асамҗә анчах мар, ахаль хәрарәм та. Вәл та җёр җинчи кашни хәрарәм пекех телейлә пуласшән. Җавәнпа та судра Хура Җунатлисемпе ытти усалсем умәнче вәл тўрре тухма пәхнинче нумай тёрёсси пур. Җав тери ёнентеруллә хўтәлет хәйне Минке. Тамәкра вәл пәлхав җәкленинчен те тәләнместән. Роман вәҗёнче коммунистсене, вёсен җул пуҗне пародиленә* . Вёсем тума пуҗланә обществәна усалсем тамәкпа танлаштарәҗә.

Петровскаян җак тапхәрта пичетленнә произведенийёсем пурте мистикаллә туртәмлә. (Чун панә чух. Калав // Ялав, 1995. 4 №. С. 14–30; Хёрпе вилём. Калав (1994) // Хыпар, 1997; Ялав, 2000. Җурла 15. 5 №. С. 20–25; Хура ангел. Роман (1986–1987) // Тәван Атәл, 1999. 1 №. С. 1–28. 2 №. С. 21–48. Җак җултах Чәваш кёнеке издательствинче пётём кёнеки тухать; Масар чартакё. Повесть (1996) // Ялав, 2000, 9 №. С. 10–46). Юлашки иккёшне, куратпәр ёнтё, темиҗе җултан анчах пичетленё. «Хура ангел» мёншён пичетленменни – хәйне уйрәм истори. Вәхәтра пичетленнә пулсан шавё ытларах пулатчё ёнтё, пёлтерешё урәхларах. Анчах та литература пурнәснә вёсем 90-мёш җулсен иккёмёш җурринче тин кёрёҗә. Җавәнпа та җак тапхәрти пуләм пек хаклани йәнәш мар тесе шутлама май парать. Вёсенче пёр мотив тёпре – этем Усал вәйсемпе хутшәнәва кёни, вёсене хирёс тәма хәтланни. Хәш-пёр вырәнсенче вәл аталанса сюжет пёрпеклөхне те куҗса кайма тәрарь (усалсене сәнлани, вёсен эшкерё хәрарәм кәлеткипе хуҗа пулас тени, масар җинче пулса иртекен ёҗсем). Җак хутшәнусенче Петровская Җынна тёрёслет. Унтан та ытла, җыравҗәна җак хутшәнусем хәйсем, вёсенче темёнле хәйне евёрлө асамләх, киленёҗ илёртет пек, пёлменни, хәратаканни пулсан та. Җавәнпа пуль хәш-пёр чух автор Җутә Тёттёме җёнтернине җителёклөх ёнентереймест. Сәмахран, «Масар чартакё» Уртемей сывлани пирки икё пёчөк абзацра җәҗ җыра

* Ялав. 1997. 4–5 №.

кӱартнӱ. Сюжет логикипе вӛсӛнчи ӛс-пуламсене аталантар-малла пулнӱ пек. Епле пулсан та, Петровскаян хайлавӛсене литературӱра ӛитӛнӱ тесе йышӱнмалла. Ӛыравӛӱ этем пурнӱсӛнчи никамах та усман тӛттӛм кӛтессене усса пӱхса ыттисене те кӱартма тӱрӱшнӱ. Тума юраман утӱмсенчен те асӱрхаттарасшӱн пулнӱ пулӛ.

90-мӛш Ӛулсенче мистикӱллӱ туртӱм **Е.Нарпин** темиӚе калавӛнче те сисӛнет (Сетреслу ӛмӛрӛ // Тӱван Атал, 1990. 1 №. С. 44–50; АсамӚӱ пике, е Ӛывӱрмасӱр тӛлленнӛ тӛлӛк // Пике, 1995. 3–4№. С. 4–9; Ӛур Ӛӛр хыӚӚӱнхи ӚулӚӱрев // Пике, 1996. 11–12№. С. 21–26). Петровскаян витӛмӛ мар, Нарпин илемлӛ тӛнчин Ӛав вӱхӱтри шалти туртӱмӛ пулнӱ тесен тӛрӛсрех пек кунта. Чи малтанах хайлавӛсем хӱсан пичетленнине шута илсе.

XX ӛмӛр вӛсӛнче прозӱра, тӛрӛсрех, пӛтӛм литературӱра, хӛрарӱмсен пултарулӱхӛ вӱйлӱ аталанать. Пӛтӛмӛшле илсен, ытти облаӚсенче те ку енӛпе хӛрарӱмсем мала тухнине сӱнама пулать, Ӛаваш обществинче анчах мар. Хальхи хӛрарӱм вӱл – ӛслӛ хӛрарӱм та, политик та. Сӱлтавӛсем ӛнтӛ тӛрлӛ. Анчах та арканма тӱракан тӛнчене ӚураӚтарса йӛркелеме хӛрарӱмӱн хӱюлӱхӛ те, мехелӛ те ытларах курӱнать. Хӛрарӱмсен прозинче Е.Нарпи Ӛамрӱк прозаикӱн пултарулӱхне асӱрхамалли сӱлтавсем пур. 90-мӛш Ӛулсен пуӚламӱшӛнче вӱл вулакана Ӛӱнлӱхпа мистикӱлла пуламсене ӱнӱслӱ пӛрлештерме пултарнипе илӛрттет. Вӛсенче те, каярах Ӛырнӱ икӛ повесре* те Ӛамрӱксем Ӛинчен сӱмах пырать.

«Эпӛ пӛтӛм кӛлеткепе Ӛӛтренсе ун Ӛумне тӛршӛнтӛм. Мӛншӛн Ӛакнашкалах йӱнӛстеретӛп-ха эпӛ ӱна? Эпӛ марчӚӛи-ха ун Ӛинчен шутланипе кунӛ-кунӛпе тӛлӛкри пек Ӛӱрекенни? Халь мӛншӛн туйӱма хирӛӚ каятӱп? Иртсе кайнӱ юратӱвӱм Ӛӛрене амантса хӱварнӱран, халь тепре Ӛавнашкал килсе тухассинчен сыхланнӱран мар-и ку?» (Пӱрлӱ шыври хӛвӛл пайӱрки, 29 с.).

«. Юрату теме те Ӛӛнтерет тесе ӛнентернӛ эп хама. Ку вӱл романтикӱлла хайлавсенче е йӱпатмӱш киносенче ӚӛӚ пулнине ӱша хывма пачах та тӛлленмен. Пурӱнан пурнӱсра пӛтӛмпех урӱхла Ӛаврӱнса тухать-Ӛке...» (49 с.).

* Пӱрлӱ шыври хӛвӛл пайӱрки ӛӛ Ялав, 1995. 5 №. С. 7–58; Чечексем Ӛӛске таксан // Ялав, 1998. 6 №. С. 6–52.

Событисене анча мар, чун-чѐре хусканăвѐсене те лайăх анализ тума пѐлет автор. Люба хайне хакланинче автор витѐмѐ сисѐнет, хайш-пѐр чух вѐсем пѐрлешсех каясѐ пек. Анча та ытларах чухне ку витѐм виѐрен тухса каймасть, аспа туйăма сурастарса «объективлăх» тени патне сывхарать.

Арсынпа Хѐрарăм (Марсельпе Люба) пѐр-пѐрин патне сывхарса пынă утăмсене илемлѐ санланă Нарпи. Тасалăх хушаланать ку ўкерчѐксенче. Пурте упраса хăвараймасѐ сав тасалăха, хайсен сăмахѐ таса пулăмсем пирки пулсан та. Чи малтанах, Илем мѐнне шалти туйăмпа туйса илме пултарни кирлѐ кунта. Нарпин сак пултарулăх пур пек туйанать. Хайлаври сутта эпиграф кăштах тѐттѐмлетет (уйрăмах юлашки икѐ йѐрки). Вăл вулакана чикѐрен тухмалла маррине, ытлашши ѐмѐтленме юраманине асăрхаттарать. Тата произведенийѐ хай сак йѐркесенчен илемлѐрех, пѐлтерѐшѐ анлăрах.

Тепѐр повесѐнче те Нарпи юрату темине аталантарать. Сѐмьеллѐ пурнăсра юратса пѐрлешнѐ сынсен туйăмѐсем мѐнле улшăнса пыни пирки те чи таса, ачаш туйăмсене тасамарлăхран драма, кулленхи пурнăс пѐрпеклѐхѐнче чи кирлине упраса хăварма мѐн тери йывăр пулни пирки те сьрать прозаик.

Пурнăсра хурапа шурă хушаланакан вырăн пек курмасть Нарпи. Хайѐн геройсѐн тѐрлѐ кăмăл-туйăм хусканăвѐсене те сăмах сине типтерлѐ, асăрханса кусарма пултарать:

«Мѐн пѐлетѐн?» – ыйтас килчѐ манăн унран. Сук сăма-хѐсем кѐленче евѐр ўксе ванасран шикленнѐн, шарламарăм <...>. Кѐсех школта вѐреннѐ чухнехиллех хама ирѐклѐн тытма пушларăм, чунăмри туйăмсене шаларах хуса кѐтрѐм те, пѐчѐксѐ арчана питѐрсе илтѐм, шалтăрт! кăна сăра сакрам (Чечексем сѐске тăксан, 15 с.).

«Вăл тухса кайсан шалта – эпѐ сав япалана яланах чун пуль тетѐп – юншăхса ыратма пушларѐ» (25 с.).

«Сапла каларăм-ха, анча чунра, те вăл малтан чѐнмесѐр ларнăран, темѐн шалтăрт! татăлса кайнă пек пулчѐ, тăванса килчѐ шалта» (31 с.).

Пурнăс хай евѐрлѐхѐ, юрату вăрттăнлăхѐ пирки нумай шушаш повесре. Хайш-пѐр чух ытлашши шала та кѐрсе каять автор, отступленисем тăсăларах каясѐ, публицистика ене сулăнасѐ, сюжет йѐрѐнчен айккине пăрăнни те пулать (2-мѐш пайѐ, IV, 34 с.; 3-мѐш пайѐ, III, 45 с.). Анализ тума пѐлменнин тăсăмѐ ку, ахăртнех.

«Сайтавсарх ахалтатса кулма хистекен туйам сухалнй, пурнйҕ сине калтйксене асархамасар пйхтаракан асамлй тйкйр йксе чйл-пар саланнй» (13 с.).

«Вйл татах тем те пйр каларй, анчах ун сймахйсем сйтйльнй тумтир пек йунй те ирйльнй юр пек тйссйр туййнчйҕ ма-на» (23 с.).

«Пйр ыткйнма пусласан вйхйт чйльйрне татса тарнй урхамахла йрйхтерет» (24 с.). Сакан ййшши тйслйхсене анйҕ-лисем шутне кйртмелле. Повесйен композицийй (обрамлени) тйп санаран аса илйвне куҕ умне вйсленнй хитре йкерчйк пек кйларса тйратать.

А.Мышкина пйрремйш пысак проза хайлавй кун суйи куриччен савйсем, кйске калавсем сырнй. Унан «Виҕй хйрпе сарй каччй» повесне* вуласан, автор сймах мехелне туйса йҕ-лени тйрех курйанать. Чйлхи типтерлй, кйске предложенисемпех шухайшне уҕса пама пултарать: *«Туслйх сур утравй... Тйрйссине ун йчй апла мар. Нимйнле ят та сук унан, анй эпй сйпла ят панй. Сак сйр лантйкй пирйен туслйха суратрй. Сирйплетрй. Кайран вара вйлах уййрчй... Туслйх сур утравйенчен тунсйх сур утравй пулса тйчй» (3 с.).*

«...Кашни вйхйтан хйййен илемй, хййен пуянлйхй, хйййен сйрри. Кашни сулах вйл урйх. Кйит та пулин урйхларах.

Нумай чухне эпир, хамйр кулленхи йҕсем йшне путнйскерсем, сакна асархамастйр. Пирйишйен паян та йнерхи пекех, кйсал та пйлтйрхиллех.

Инҕе султан таврайсан кйна сак улийану ытла та витймлйен курйанать. Эс пйлекен, чуна сывйх паллйсем таста сухалнй, санййан ют сарйсем суралнй» (17 с.). Ансат сймахсемпе Мышкина таран пйтймлётуҕсем тума сймлениет.

Самрайсен хушшинчи кйткас сыханусене уҕса пама пултарни те, геройсен чун ыратйвне, хусканйвйссене, шухайш-лавне хййсене тивйслй санлама тйрайшни те, ача (Сергей) чун-не, ун хурлйхне ачан хйййен куҕйе кйартма пултарни те проза-ик хайлавйсенче куҕкйретех.

Нумай сймахсар чйрй йкерчйк тума пултарать Мышкина: *«Валя... Валентина. Тухса кайрй те вйл – пуртре те тйксймленичй. Пйр минут каялла кйна, хйрарйм тйпелте кйитйртатнй чух,*

* Ялав. 1995. 7№. С. 3–23.

пётём пурт хаваслаь та пуянччэ. Халё вара каллех чухайнланчэ, салху сян сарпрэ айна» (14 с.).

«...Куэра чун ўкерёнет теэсэ. Саванна пуль Коля тетёшён куэ темле хаяр, тискер те тэссёр. Чёрэ пурнаёсан пёр таппине те палартман вилё куэсем <...>. Коля тетёшёне пёр пилёк минут калаёсанах унран инсёрах пулас камал суралать» (Пурнаё техёмё, 17 с.)^{}.*

«Тасалайна илемлёх янравне илтми, туйми пуэлар (Артур. – В.Н.). Пурнаёё темле тёпсёр шурлаёх нек пулса тачё. Сятать те сятать, чухайнтарать, путарать. Сак пурнаёсан кашни сехечё, кашни минутё айна темёнке чанка сыран патнелле илсе пычё. Тёксе яма меллё самант кётрё» (17 с.).

«Сурсёр хыёсёанхи шанкарав»^{**} повесён те чёлхи аван. Самраё сыннан чун-чёре хусканавёсене (кунта – Диана, Таня, Иван) тишкерме пултарать терёмёр Мышкина. Сапах та, повесё пётёмёшле пахас пулсасан, вёл пёчёк калавсен пуххине аса илтерет. Произведени пайёсем ирёклёх патне туртанакан эпизодсем евёр. Уйраём калав шанарёсем те теме пулать. Диана йёрёпе Иванпа Таня, Настя йёрё пёр-пёринчен уйралса каясшан. Ирина – Валентина Михайловна йёрё те хай ашне туртса кёрсе каясшан. Петёр санарё ансартран куранса каять те саван пекех ансартран суралать. Дианана айна кирлё пулна пуль-ха вёл. Анчах та ку калаёу хыёсёан Диана татах та «хупанса» ларать. Вёсёенче те вёл «уёалсах ситеймest». Асарханай уйрамлаёхсем авторан стилёпе сыханнай тесе шутилама май парасёё. Стилё кёскелёхё (лаконичность) хаш-пёр чух прозаика ытла та сирёп чикёсенче тытса тарать, сюжет йёрёсем хушшинчи сыханайа «сёмсён йёркеймest», вёсене пёр-пёринчен уйарать. Геройсен хисепё нумай пулни, вёсем пёр тан пуласшан айнални, хайсен йёрёсене хайсем йёркеleme хайланни, паллах, повесть чиккинчен тухакан япала.

Мышкинан тепёр повесё хайён илемлё ячёпе турех илёртет. «Суннё ёмётсен угравё» ятла вёл. «Шел, ачалаёх нумая мар. Ситёнсе ситнёсемён ёмётсем те сайраланаёсёё. Пурнаёсан асла сурё сине тухнай самраёан вара ёмётленме вайхачё юлмасть.

^{*} Ялав, 1996. 1 №. С. 14 – 21.

^{**} Ялав, 1997. 3 №. С. 75 – 112.

Ёнтё апа ёмёт асамлӑхё илёртмест. Вӑл унӑн сунаттисене те касма васкать. Сунатсӑр ёмёт вара сунет... Суннё ёмётсен хӑйсен утравё. Вёсем каялла таврӑнмассё...» (35 с.). Тӑлӑх уснё сӑмрӑк сын шӑпи синчен ку хайлав. Анлӑрах пӑхсан вара, пурнӑсӑн аслӑ сулё сине тӑнӑ кашни сӑмрӑк шӑпи синчен те. Йывӑрлӑхсем умёнче сирёпленсе ситмен сунатсем час хуҫалассё мар-и? Пурнӑсланман теллевсем вара пуҫтарӑнса пырса чёрене шалтан хавшатассё.*

Интернатра уснё Никантӑр характерне Мышкина аван уҫса панӑ. Интернат ачисем кашни кун ашшё-амӑшне кётнине те, сёмье ашшишён тунсӑхланине те, «ыратӑвё, тунсӑхё тата курайманлӑхё» пысӑк пулнине те, интернатран тухса кайсан вёсене час-часах синкерлё шӑпа кётнине те... Сапах та героя пётёмпех тӑрре кӑларма юрамасть: *«Хурах-и, кёлмёс-и? Нихӑшё те сумлӑ мар. Шанӑса сухатнӑ каччӑ хӑй пурнӑсёнче урӑх сул курмарё...» (23 с.). «Куҫёнчи куҫсулёпе урайёнчи сынӑн чунё те тирё. Унра тем хуҫӑлчё, вилчё. Ёнену, шанӑс пулчё-ши ку? Е темкер урӑххи. Хальлӑхе сакна Никантӑр хӑй те ӑнланаймарё-ха. Сакна вӑл туйрё, сапах ӑнланаймарё. Темле тӑрех ситёнсе кайрё каччӑ...» (23 с.).* Ёссёрлӑх тени кашни сирёпленсе ситмен сӑмрӑка ураран ўкерме пултарать, паллах. Никантӑр пек шӑпаллисене вара, никамран та пулӑшу кётме суккисене, тата та йывӑртарых. Патшалӑх учрежденийёнче уснё ачасем тата унтан лайӑххипе пёрле начар опыт та илсе тухассё: вёсенчен чылайёшён потребитель психологийё аталанать. Ку вӑл вёсен айӑпё мар, инкекё. Ыттисен ыркӑмӑллӑхёпе, шеллевлӑхёпе сак ачасем пёлсе тӑрсах (сознательно) усӑ курма та вёренессё. Каялла тавӑрса памасӑр ыттисенчен ытларах та ытларах ыйтса илме, пурне те хӑйсем умёнче парӑмра тесе шутлама, лайӑхраххинчен тата лайӑххине суйласа илме тӑрӑшса пёр вырӑнтан тепёр вырӑна куҫса сӑреме... Шеллевлӑхпе чӑн пурнӑсӑн чӑн сӑнне курма вёрептмесёр мар-и...

«...Сирёп чунлисене хуйхӑ касаймасть. Вӑйлӑ кӑмӑллисене пурнӑс сил-тӑвӑлё те ураран ўкереймест» (35 с.) – сак шухӑш Никантӑр чёринче те сирёпленнё пек туйӑнать. Апла пулсан вӑл пурнӑсра хӑй вырӑнне тупассине шанчӑк пур.

Сак сӑлсенче литературӑна тепёр сёне ят кёрет, **Надежда Ильина**. ЧПУ кӑларакан «Ытлари» альманахра пичетленнё вӑл, «Ялав» журналта. Пёрремёш произведенийех авторӑн шалтан

* Ялав, 1999. 8 №. С. 9 – 35.

тухакан илемлѣх туйѣмѣпе илѣртет («Юлашки кѣр», 1993)*. Ильяна васкамасѣр, шухѣшласа сырать. Альма ятлѣ йыттѣн шалти тѣнчине, ун асапне асѣрхаса, ыраттарасран хѣранѣ евѣр усса парать вѣл. Кунта тѣрех сѣкна каласа хѣварни ыырѣнлѣ: т е п р и н (ситѣннѣ сыннѣн, ачан, чѣрчунѣн) тѣнчине унѣн хѣйѣн кусѣпе усса пама тѣрѣшатъ сѣмрѣк прозаик (Витали «Пѣхнѣ иккѣн кантѣкран» (1996) калаван** , Динго йытѣпа пѣчѣк арсын ача – «Турѣсѣр тупнѣ телей» калав*** (1999)). Сутсѣнталѣк пулѣмѣсене ѣкерсе панинче Ю.Скворцов витѣмѣ те сисѣнет: «Мѣн усѣ турѣн эсѣ сѣк сѣр сынче? Асѣтлала утрѣн? Мѣн хѣвартѣн сѣр сынче?» («Хѣр кѣлетки») ыитусенче Скворцовѣн – «мѣншѣн пурѣнатѣн эсѣ?» ыитѣвѣ.

Якатса ситермен ыырѣнсем те пур, паллах. Сѣмахран, Альма аса илекен ѣкерчѣксем чѣнлѣх картинчен тухмасѣсѣ-ши? «Тарѣн пѣве хѣри вѣсѣнчи сѣлкѣш лупашкара хутланса кѣвакарнѣ (те ѣснипе, те шутсѣр шѣннипе), нимѣн те пѣлми сынна тупсан (хуѣсине. – В.Н.), каялла таврѣнса, чѣречерен ик уран кармашѣнса, нѣйкѣша-нѣйкѣша ѣшѣ пѣртре ларакансене инкек пулни сынчен систернѣччѣ» (Юлашки кѣр, 118 с.); «Тепѣр су кунѣнче Тимуххан кѣсѣн хѣрне путма пусласан сѣлнѣ хысѣн та, кайран та, час-часах сѣмье пусѣ кѣшт хѣрсенех Альмѣна ыталаса: «Ах, чунѣм, тусѣм, йытѣ мар, пирѣшти эсѣ пирѣншѣн <...>» – тесе пусѣне чиксе ларнѣ сѣртех сѣнк пулатчѣ» (118 с.); «Тахсѣнхи тѣттѣм кѣсѣмлѣхѣнче ырѣ мар шухѣшлѣ сын вите хысѣнчи ыраш улѣм купи патне шѣрпѣкпа крассын йѣтса йѣпшѣннѣ чух та, хуѣсине юман вѣрманѣнче сѣвар хир сынни тапѣнсан та, Тимуххан аслѣ бѣвѣлне усал ачасем укѣса ыитса хѣнеме пикенсен те хѣраса тѣман» (118 с.). Килти йытѣ пурнѣсѣнче (вѣл вѣрѣм пулсан та) сѣван чухлѣ паттѣрлѣх пулни иккѣлентерет. Пулнѣ пулсан та, ѣненерѣуллех тѣвайман ку самантсене автор, сѣав шутра хуѣи те унпа пѣр вѣхѣтрах пурнѣсѣран уйрѣлнине те. Сѣванпа та «Йыт ылханѣ ахаль пулмасть» текен каларѣша сѣлтавлани сахалтарах калавра, кѣштах шухѣшласа тупнѣ пекрех те. Альма ытларах ырѣ кѣмѣллѣ, яланах кѣсарма пултаракан сынна аса илтерет. «Турри курать» пулѣ те, пѣтѣмлетсе калакан сѣмаха ытларах сѣлтавамалла пулнѣ. Пѣтѣмѣшле илес пулсан, сѣпах та, калавѣ хитре.

* Ялав, 1997. 9 №. С. 118–120.

** Ялав, 2002. 5 №. С. 60–66.

*** Ялав, 2001. 12 №. С. 7–20.

«Хёр келетки» (1996) калавра* сармак автор терле сарсемпе пелсе, пите выранла уса курать. Херарам сарнарне те, сутсанталак укерчексене те куш умне тухса тамаллах асталат. Тулса ситне саватра шыв пер тумлам уксенех таканса каять. Сын пурнаксене те тахаш самантра вак-төвек пек куранакан япалах улайштарма пултарать. Сак саманта, херараман камалтуйам хусканавне питех те сисемле палартса, укерсе катартма пултарна Ильина. «Чёркушси таран патранчак шыве» анча лайах улшанава юхтарса ан кайтарчче тесе калас килет малалла кайса.

Телёкре те теллене Хер Келетки художник пулма ёметлене херарама, хале тасамарлахпа нерсерлехре хайне сухатнаскере, вал сута ёметле «урах тенчене, асаилу тенчине» таварать. Теп сарнар – Херарам, яче сук унан. Петемлетулле сарнар теме пулат ана. Сака калаван пелтерешне анлалатать.

«Шаранса та петми кавар» (1997)** Н.Ильинан Иллеслу псевдонимпа тухна. Шалкам сапса уйах выранпа выртакан Арсентие пахма тахар ачаран чи кесенни, сапкара выртна чух ашше ана камакара пещертсе яни, чи юратманни, килне. Хале тин хай инанашне, парамне туйса инне Арсын асапне Ильина лайах сарналаса панна.

Людмила Сачкова яче чаваш литературинче 90-меш сулсенче сирепленет. Республикара тухса таракан хащат-журналта вал пичетленсех тарать. Перремеш кенеки (Чёкесем, чёкес. Калавсемпе повессем) 1996 султа Чаваш кенеке издательствинче тухна. Унта автор сак сулччен пичетленне производенисене кертне. Прозара, драматургире еслет вал, прозалла савасен хайне еверлехепа илёртет.

Мен асархатан-ха турех «Чёкесем, чёкес» кенекене алла тытсан? Чылай чухне Сачкова прози сава патне туртанни сисенет. Теслехе хайлаксенчи хаш-пер сыпаксене илер:

«Тулли уйах ушанса сурла пулче, тупери салтарсене сулса вырче. Салтар хеме укре сер сине, сене пурнакс тевви – аш-чике. Анчах... Ах, анчах! Чун савни сивенет-ске турех!.. Ма сапла вал пулат тепер чух. Калан, аш шыв сивенсе парланать. Халь киначче юрату – шёл-кавар. Вийи вара менешкел хаяр...» («Чун», 11 с.);

* Ялав, 1998. 7 №. С. 53 – 58.

** Ялав, 2000. 7 №. С. 52 – 58.

«Кунсем килеççе тёрлёрен: паян — хитрен, ыран — васкавлан е кичеммён. Ачалăх яланах чечен» («Читлѣхри юрă», 20 с.);

«Сулѣ вѣрѣм, сулѣ инçе: сѣвек те, айла̄м та, тѣвалла та, лакѣм та, тевѣр çĕрте хĕсĕк те» («Ėмĕтпе Ėмĕтсĕрлĕх», 44 с.). Проза «тикĕс» пырать Сачкован, çав вѣхѣтрах вѣл «илĕртмĕш» умĕнче тытанса тѣраймасть пек, пĕр çаврѣм «сѣваласа» та илет. Ятарласа «тѣрѣшни» мар пуль тетĕп çакѣ. Синтаксис шайĕнче анчах та мар çак туртѣм, шалтан тухакан ѣнтѣлу, пĕчĕк пулѣмран пысѣк пĕтĕмлетĕсем тума хистекенни, тĕрĕсрех каласан, пурнѣçри самантлѣхсене ѣмĕрлĕх куçĕпе виçме туртѣнни тесе калас килет. Çаванпах пулѣ Сачкован илемлĕ прозѣлла сѣвѣсем çураласçĕ. Новелла е баллада жанрĕсене килĕштернин пĕр сѣлтавĕ те çаканта пулѣ.

«Лѣскѣнчѣк хура пĕлĕт татѣкĕ курпунне кѣларса çĕр çине ѣпĕннĕ те хурланса-и, тарѣхса-и, ѣĕрет те ѣĕрет...» («Çутçанталѣк — çут тĕнче», 27 с.); «Тин çеç виçѣ пулнѣ куçĕсем (Арçукѣн. — В.Н.) ирĕлсе саланнѣ...» («Чĕре сури», 17 с.); «Ашшĕ... ашшĕн сѣнне те ѣĕркеллĕ асѣваймасть Ира. Урѣ чух килте çукчĕ вѣл, ѣсĕрле урса таврѣнатчĕ те, ашшĕ сѣнĕ çине пѣхма мар, куç хупса тухса таратчĕ ача килтен...» («Маму», 50 с.). «Ėмсану» калав та (вѣл таçтан аякран Ю.Скворцовѣн «Хĕлĕх-хĕре кѣвакалне» аса илтерет пулсан та) ѣнѣçлѣ пулнѣ унѣн. Çутçанталѣк пулѣмĕсене те, геройсене те хѣй евĕрлĕ сѣнлать Сачкова, сахал сѣмахпах вѣл нумай япала пирки калама пултарать. Унѣн шухѣшлав стилĕнче кĕскелĕх тĕпре пек туйѣнать.

Хайлавсенчен нумайѣшĕ Сачкован синкерлĕ вĕçленет. Пурнѣç парнелеме, ѣна илемлетме тивĕслĕ юрату вилĕм патне илсе пырать («Чун», «Читлѣхри юрă», «Чĕкеçĕм, чĕкеç...»). Пĕчĕк Арçукѣн пĕчĕк ѣмĕчĕ (тутѣ пуласси — «Чĕре сури»), хитре мѣшѣрѣн хитре юратѣвĕ те («Ėмĕтпе Ėмĕтсĕрлĕх») шѣпа аллинче вѣхѣтсѣр татѣлать. Оля-Улькка пурнѣçĕ те (Ю.Скворцовѣн Укахвипе Униç ѣĕрĕсене аса илтерекенскер) трагедиллĕ хывѣнать («Оля-Улькка»). Пурнѣç юхѣмĕпе вѣй хумасѣр ишсе пыракан Альѣпа («Çаврѣм») Миккана та («Микка») малашлѣхра савѣнѣс кĕтмест... Трагеди калѣпѣшне уçса пама пĕлет автор. Тарѣнѣшĕ вара яланах уçалса пĕтеймест. Кунта шухѣшлав стилĕн кĕскелĕхĕ пахалѣхран ситменлĕхе куçса кайма тѣрарть, пĕр япалан икĕ енĕ темелле. Мĕншĕн? Мĕнле майпа? текен

ыйтусем сине туллинрех хурав илес килет. Произведенисенче авторан хайен те сак ыйтусене хурав пама мехел пур. Са-махран, хаш-пёр самантсем хайсем финчен ытларах калас-тарасшан (Ольбаран Улькка мёнле майпа пулса танине ытларах сйлтавламалла пулна). Пёр сыннан икё санарё хушшинчи пурнасене катартна пулсан, хайлав пёлтерёшлёрех, туллирех пулна пулеччё. Е тата «Ёметпе Ёметсёрлех» – Ёметсёрлехё Ёметёнчен те пысакрах тёрёссипе. Калас текен шухашсене таранрах усса пама Сачкована анларах текст кирлё пек туйанат, тен, пысакрах формасем те.

«Ытарайми куссем». Прозалла савасем, калавсем, очерк-сем (Шупашкар: Калем, 2000. 100 с.) – Сачкован иккёмёш кёнеки. Кунта 1996–2000 сулсенче пичетленнё хайлавсем кёнё. Прозалла савя – сямал жанр мар. Самахран, И.С.Тургенев ун патне пурнасё вёсёнче анчах пырса тухать. Чун ыйтни те сав вяхаталла пулма пултарна, паллах. Анчах та ку пысак астасем хайсенчен нумай ыйтнине те пёлтерет. ХХ ёмёр вёсёнчи чаваш литературинче сак жанр аталаннине палартмалла. Уйрамах сырас сул сине тин кана тана самраксем прозалла савя «камалланине» асархатан. Мёнпе сыханна-ши ку пулам? Чи малтанах, саманапа тесе калас килет. Икё ёмёр чикки ытла арпашулла пулчё. Поэзипе прозана пёрлештерес тени – сура-сулах тупас тени те. Сак туртам ытларах хёрарамсен пур тенеччё сулерех. Ку жанрпа ёскленсем хушшинче хёрарамсем ытларах пулнин тупсамё те саканта мар-ши?

Сак шыравсем хушшинче Людмила Сачкова опычёмё анасла темелле. Хайне канасарлантаракан шухаш-камала тёрлё енчен (тёрлё сыпаксенче) таран усса пама тарашать вал («Ытарайми куссем», «Хёреслё сул», «Сёвем-сёвем шур шухаш»). Сав вяхатрах ы т т и с е м канттам аласемпе ты-тасран хай тенчине хутелесе те хаварма пултарать. Санарля шухашлав вайля аталанна унан. Савасен структури классикалла формасен чиккинче. Анчах та лирика геройё туйамсене хайне евёрлё курамля укерчексем урля усса парать (1-мёш пайё). Тепёр пайёнче (вал калапашёпе чылай чух пёчекрех абзац-предложени, час-часах ыйгулла) – пётёмлетулле шухашё аспа туйма, хаяр чанлаха сурастарас тени пулё Сачкова прозалла савасем патне туртаннын, прозине те поэзи сывлашё пач пар-рахса кайманнин сйлтавё. «Никам та айяпла мар. Анчах темшён

саплах пулса тухать пурнаҫра. Хёвел пәхнә вәхәтрах ҫумәр ҫавать. Асамат кёперё шәпах ҫаван чухне каранать те вара...» («Сывә-и, аякри тәван?» (ҫул очеркёсем, 78 с.)).

Калавсенчен тёслёхе «Чике старик ёмёчё» хайлавне илер. Маларах вәл «Ялавра» пичетленнёччё*. Кунта Сачкова ахаль ҫынна вәл пёлмен, туйса курман асаппа хурләха хире-хирёҫ тәратать. Шеллемест те пек вәл вулакана хәрушә чәнләхпа пёччен хәварса. Тепёр тесен, мёншён шеллемелле-ха унән теприсене чёререн шеллеме пултарайман ҫынсене? «Шалккә мёскёне, — шеллесе шухәшларё хай *әссён*. — Мён таранччен кўренўллё пуль вәл хай шәпине» (48 с.). Теприн трагедине әспа анчах әнланма ҫук пулё ҫав. Паллах, Савватий Ивановича шеллесе әна хирёҫ утам тумалла пулнине пёлтермест ёнтё ку. Анчах та ҫынна: «Кирлё мар мана сан юратәву, *телейсёрскер*», — тесе ҫапса хуҫма юранине те пёлтермест. «Пёчёк ҫыннән чёри пысәк» пулё те, анчах та ҫын тени ҫиелти илемлёхе куҫ хывать чи малтан. ҫиелти курәмләх пулмасан чун сисёмлёхё кирлех мар пуль ҫав әна.

«Савватий вара ванна пўлёмёнче кранран шәпәртатакан сивё шыв чашлавёнче пёр-пёччен макәрчё те макәрчё...» (56 с.). ҫиелти тивлетлөх — висё пўлёмлё хваттер, унти хәтләх... пёр самантрах арканать. Сисёмлё вулакана ку калав пурнаҫ мёнле черчен, шәпа епле хаяр та вылянчәк пулма пултарни пирки шухәша ярать. Кам пёлет, тен ун вылявё хәҫан та пулин сана е санән ҫывәх ҫыннусене пырса ҫапсан... Эппин, асәрханулләрах пулмалла этемён. Хайёншён анчах мар, теприншён те явапләх туймалла.

Пётёмлетўллё шухәш патне туртәнакан жанрсен аван тёслёхёсем шутёнче **О. Туркай** хайлавёсене те асанмалла. 1998 ҫулта «Санән йыхравна эпё илтрём» кёнеки тухрё унән. Ку кёнекене 1987—1996 ҫулсенче ҫырнә прозәлла сәвәсем, пёчёк калавсем, философиллё тёрленчөксем кёнё. О.Туркайән телёнмелле пултаруләх пур — ҫак самантпа пурәнма, киленме пултарни («Аста васкатән, тәванәм?», 3 с.; «Кәпәшка шап-шурә юр ҫийён...», 8 с.; «Ача хитре тетте курнә...», 13 с.). Пурнаҫан кашни самантне вәл Ёмёрлөхён хуҫканәвё, чётревё, пёр пайё... пек йышәнать («Эпё + эсё = вёҫсёр-хёрсёр усләх», «Аслатиллё, ҫиҫёмлё ҫумәр...», 28 с.). Ёмёр-

* Ялав, 2000. 2 №. С. 13—17.

лѣхри пѣчченлѣхе вѣл тивѣслѣ йышѣнать («Атѣл леш енчен шуса хѣпарнѣ шурампуѣ ѣутиѣ...», 27 с.; «Йѣпату», 31 с.; «Каллех пѣччен», 49 с. ...). Ёѣр ѣинчи тѣрѣсмарлѣха ѣивѣч туѣть («Єѣллѣ ту ѣинче ѣѣллѣ йывѣѣ ѣсет», 18 с.; «Пахчари ѣѣмѣрт», 54 с.). Хѣйлав структуринче чѣлай чухне рефренсем тѣл пуласѣѣ («Тѣнче пѣтмен-ха, пурнѣѣ вѣѣсленмен...», «Манѣн сан пата хѣл пулса таврѣнаясчѣ», 38 с.; «Килѣмре шѣп», 39 с.; «фс кѣ-ѣѣр мана манса кайнѣ», 50 с.).

Михаил Сунталѣн (вулакан ѣна **Сарри Мишши** тесе те пѣ-лет) пултарулѣхѣ тѣрлѣ енлѣ. Вѣл публицист та, журналист та, поѣт та, прозаик те, философи наукисен кандидачѣ, докторѣ.

Сунтал чѣваш културинче ыттисемпе пѣтраштармалла мар тѣнче йѣркеленѣ. Єак тѣнчен никѣсѣнче – чѣвашлѣх ѣйтѣвѣсем. Тишкерекен тапхѣрта унѣн «Аѣа ѣапнѣ чун» кѣнеки пичетленнѣ (Аѣа ѣапнѣ чун. – Шупашкар: Чѣваш кѣнеке издательстви, 1997. 187 с.). «...Унта кашни йѣркере аѣа ѣапнѣ чѣвашѣн чунѣ ѣырмари вутчуль пек пытанса упранать», – тет автор ум сѣмахра. Кѣнекене «Єула тухнѣ кун», «Турилкке ѣинчи чѣре» повѣѣсем, калавсем, юмахсем кѣнѣ. Пуринче те вѣсенче чѣваш шѣпи, унѣн пѣянхи кун-ѣулѣпе пуласлѣхѣшѣн чун ыратни сисѣнет. Аѣѣ вара ѣав чѣваш тѣнчи тенин тупсѣмне шырать, халѣхѣн хѣйне евѣрлѣхѣ пирки шухѣшлать. «Чѣн малтан мана чѣваш шѣпи интереслентерет. Унѣн чунне, тем, вупѣр пек усал пусса тѣрять пек. Ниепле те сирсе ывѣтса яраймасть вѣл ѣна, халѣ те ѣѣкленеймест. Хѣйѣнчен хѣй хѣрять пек вѣл. Пурнѣѣ чѣнлѣхне чухласа илсенех вара хѣй те темле урѣх ѣын пулса каяссѣн туйѣнать» («Ай-ара, аяра!», 177 с.).

«Чѣваш ачине чѣваш пек ѣитѣнтересчѣ» – текен шухѣш час-часах тѣл пулать Сунталѣн. «Тѣван чѣлхесѣр, кѣнекесѣр» ѣстернѣ («Єула тухнѣ кун», 7 с.) ачана ѣитѣнсе ѣитсен тин «темле ѣемье, тѣванлѣх, чѣвашлѣх, ят яма юраманни» ѣинчен ѣнлантарма тѣрѣшни усси сахалрах пулѣ (19 с.). Єапах та хѣв хѣш халѣх ачи пулни ѣн ай шѣйѣнче е чун тѣпѣнче хывѣнса юлса ѣынна мѣнпе те пулин аса илтерсех тѣрять. «...Юрласѣѣ кѣна... Шел, чѣвашла пѣлмесѣѣ. «Кукаѣипе куками пѣлѣм пѣѣсерѣсѣсѣр» пуѣне хам та урѣх ним те кѣлараймастап та... Ялта салтак юрри юрласа, тутѣр сулласа ѣѣренине те курнѣччѣ. Илемлѣ йѣла. Хѣрсем тутѣр парнелесѣѣ. Тѣванѣсем килтен киле чѣнеѣсѣѣ...» – шухѣшлать салтака каякан Петѣр. Чун тѣрекѣ тупма пулѣшмалла пулнѣ та...

«Турилкке синчи чёре» повесре те автор ачасене мёнле ўстерме юраманни пирки сырса катартнй. Тёлёк чан пурнйаа хыванать те, повесть анлй метафора пулса тйрать. Хйш-пёр юмахсем те сак ретрех: «Кйвак юман», «Асамлй пуртйа», «Кйвак хуппи», «Ай-ара, аяра».

Повессен тытамё хййне майлй. Иккёшё те вёсем темиёе уйрйм сыпйакран тйрасёё. Кашни сыпйакан ячё пур. Уйрймлйхё: пёрремёшёнче унти пёр пулймсенех темиёе сын куёёпе курат-пйр, иккёмёшёнче — ёёсем пёр йёрпе пырасёё. Иккёмёшёнче те сыпйаксем пурнйасри чи курймлй самантсене сйнласёё. Вёсем вёёленнё хайлав пек те, сав вйхйтрах — пёр пысйак хайлаван пайёсем.

Сунталйан илемлё тёнчинче хёрарйм пёлтерёшё пысйак. Арёсынпа Хёрарйм хушшинчи сыхйанусем те унйан ытларах тасалйхпа уйрйлса тйрасёё («Аса сапнй чун», иккёмёш повеёри «Пылак сырла» сыпйак, «Сйтмах», «Мёлке ташши»). «Тёнче пуласлйхё, ман шутпа, хёрарймран нумай килет, тата вёл епле ача суратса ўстернинчен те паллах...» (Ум сймах, 2 с.). Хйш-пёр чух Хёрарйм сйнарё тахйш самантра хййён асамлйхне сухатма пултарать, ахаль Хёрарйм пулса тйрать: «Пур-ши вёл пирён Чйваш енчен Мона Лиза майлй хёрарйм?...» (Джоконда, 102 с.). Малалла вёл героййан кймйл-туйймён пите час пулса иртекен улшйанёвёсене палйртать. Вёёёнче вара сакан пек пётёмлету тйвать: «Ара, ку кунта тин кйна кулкаласа ларакан Шупашкар матки-ске, нимёнле матрона та, нимёнле Мона та мар. Ку, ку ... чйваш Джоконди ку, акй мён!» (107 с.). Пёр статьяра вара тата вирлёрех пётёмлетуёсем патне килсе тухать: **«...Хёрарйм ирёке тухнй вёт халь! Ирёлё хёрарйм ача суратса ларать-и вара. Юратупа ййпанать те, тйранса ситсен арёсынне сёмёнчен тёксех ярать. Кай, кирлё пулсан татах тупатй»,** — тет¹⁰. Пурнйасёнче хурипе шурри, ыррипе усалли, асамлипе ахалли пёрлех пулё. Анчах та кунта чйваш шухйшлавёнче палйракан иккёллё тёнче ййшйанёвён витёмё те пур пек. Сынранах чйвашйан хире-хирёс пахалйхсем сыхйанса тйрасёё. Наци характерён вйрттйнлйхё, тупсймё те, тен, сав пахалйхсем пёр-пёрне куёма пултарнинче. Ку вёл яланах «ылтйан варрипе» пыни мар, мёншён тесен пёр пахалйх самантрах теприне куёма пултарать. Сймахран, чйвашйан *сйпайлйхё, сынна хисеплеме пёлни нумай чух хййне хйй хисеплеменнине куёсать*.

Юмахёсене «Ыратаканни синчен шухйшлани» ярйм («Думы о наболевшем») тесе палйртас килет. Жанрёпе вёсем

«философиллэ юмахсем». Умёнхи традициончен чи малтанах Иван Мучи пултарулахэ аса килет. Ҙапах та пётёмешле литература контекстёнче ку юмахсен хайне еврлэхэ кускёрет. Вёсем ятарлэ тишкерёве тивёс. Хальлэхэ җакна каласа хаварар: вёсенче халэх историйё, халэхра сурекен ку е вёл калараш, халап синчен, төрлэ пуламсем, анлавсем пирки шухайшлани төпре.

Юрий Терентьев литературана 90-мёш сулсен пусламашёнче кёнё. Унён малтанхи повесенчен пёриех — «Кремль сакки сарлака»* — хай синчен нумай каластарчё. Апла пулин те ятарлэ төпчевсем, пётём пултарулахне илес пулсан та, хальлэхэ сук. Шел, пурнаҗсё Терентьеван сав тери кёске пулчё. Анчах та унён хайне евр пултарулахэ чаваш литературишён пысак пёлтерёшлэ.

Терентьев литературана сатирик пек кёрсе юлчё. Унён хайлавёсене пёр иккёленмесёр сатира аталанавёнчи җёнё тапхёр тесе хаклама пулат. Анчах та унён пултарулахёнче төпёрен те пур. «Амаш чёри» калавах илер. Афганистанра ывалне сухатна амашён трагедине кунта чуна витермелле сьрса катартна**. Автор хай питё сисёмлэ чунла пулнине те анланма пулат ку калаван. Пултарулахёнче хай пуранакан Вэхат пирки шухайшланэ Терентьев. Арпашуллэ саманан инкекёсене чёре патне илнэ. Тен, пурнаҗсё кёске пулин пёр салтавё җаканта?

1997 сурта, вилнё хьсҗан, Элёк типографийёнче Юрий Терентьеван «Кремль сакки сарлака» ятпа повесен пухи тухна. Унта «Чечек сьххи» (1998), «Кремль сакки сарлака» (1991) повесть-анекдот, «Анасран тухна хёвел» («Коррида, самурайсем тата анасран тухна хёвел», 1992), «Салхуллэ пұлэх» («Сурхи төлөк», 1994) хайлавсем кёнё. Тёпчекен тапхёрта унён «Манкун иртсен — тунтикун» (1993)*** повеҗе пичетленнэ. Ҙак повеҗе кёнекери юлашки виҗсёшёнче антиутопи жанрён паллисем пысак выран йышанаҗсё. XX ёмёрте җак жанр вырас литературинче те, пётём Европа литературинче те аталанать. Ҙак аталану чи малтан истори салтавёсемпе сьханны: обществара синкерлэ пуламсем, идеалсем пёр-пёрне хаварт улаштарнипе, җак идеалсене шыранипе.

Антиутопи чи малтан — хальхи пурнаҗса, пулассине те пародилени, хак пама тарашни, җак вэхатри лару-тарва

* Ялав, 1991. 10 №. С. 2–10.

** Таван Атал, 1991. 1 №. С. 11–48.

*** Ялав, 1995. 7 №. С. 44–62.

йышанманни. Антиутопи патшаләх системине те, сәршыври лару-тәрәва та туллин кәтартса парать, малтанхи идеала аркатать. Пуласси, сәк сұлпах кайсан, хәрушә пулма пултарассине асархаттарать. Унта чән пурнәсәпа шухәшласа тупни уйрәлми пәрлешсе каясәсә. Структуринчи геройсен системи схемәлләрах. Тәләк пысәк ырыән йышанать — вәл психологи мелә анчах мар, автор тәнчекурәмне, стильне кәтартса парать. Карнавал тәнче туйәмә те пысәк пәлтерәшлә пулса тәрәтә (мыскара, чаплә сәмахсене, лозунгсене пародилени, юрәташә, вайә, әсни-сини...). Сәкнашқал тата ытти уйрәмләхсене те куратпәр Терентьев хайлавәсенче.

Авторән стиләнче эпитет, танлаштару питә пысәк ырыән йышанать. «Пәррехинче, Христос чәрәлнә ырысарни хысәсәнхи кун, уй аләкә сысна сүри евәр усәлчә те, Шәшләаври ялне яштакә кәлеткеллә сәмрәк сын ситсе тәчә» (Мәнкун иртсен — тунтикун, 44 с.); «Әсә вәраххән кус хупатән, вәраххән-вәраххән, ту сине хәпарақан *ырман та хәсәр кәсрә нек вәраххән...*» (45 с.); «Пурнәсә вәл *«Шупашкар — Мускав» пуйәс мар*, кашни юпа патәнчех чарәнса тәмасть, малалла хыпаланать» (55 с.). Текст структуринче сине-синех тәл пулаканскерсем, вәсем пароди йәркеленәвәнче курәмлә элементсем пулса тәрәсәсә. Повесән пәлтерәшә аллегориллә. Халәхән тимләхне экстрасенсәсем анчах сывәратса яман (90-мәш сұлсенче пурте экстрасенсорикәпа аташнә вәхәт пулнә темелле). Сынсем хәйсене власра ларакансем реформа туса пурнәсә лайәхлататпәр тенин пәлтерәшне әнланайман.

Терентьевән илемлә тәнчинче куләшпа трагеди, гиперболәпа пурнәсән чән саманчәсем, гротескпа чун ыратәвә, фантастика меләсемпе физиологи очеркән палисем пәрлешнә.

Тишкернә тапхәрта, пәтәмәшле илес пулсәсән, Д.Гордеев, Ю.Силәм, А.Тарасов хайлавәсене те, Хв.Агиверпе В.Григорьев-Енәш «чәмсәрләхне» те асархамасәр иртме сүк. Ку тема вара урәх каласу валли пултәр.

2003 с.

Л и т е р а т у р а

¹ *Самойлов В.* Пурте сәвә сырасәсә // Ялав, 2000. 11 №. С. 84–88.

² *Можейко М.А.* Постмодернизм // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. С. 602.

Кунта ҫакна палартса хавармалла: хăш-пĕр наци культуринче, вăл шутра ҫаваш литература пĕлĕвĕнче те, «постмодернизм» ăнлав «этно-футуризм» ăнлавпа тава кĕрет. Паянхи кун вĕсен уйрăм пĕлтерĕшĕ, ҫыхăнăвĕ (соотношение) пирки тухса тăракан ыйту татăлнă теме иртерех. Эпир хальлĕхе этнофутуризмăн наци варианчĕ тесе йышăнас шухăшлă. «Постмодернизм» термин пĕтĕмĕшле (в целом) литературăри хай еврлĕ пулăма уҫа пама палартать. Ҫакна шута илсе статьяра юлашкинчен асаннă ăнлавпа ҫеҫ уҫă куратпăр.

³ Тĕплĕнрех ҫак кĕнекесене пăхăр: Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. С. 601–618; *Курицын В.* Русский литературный постмодернизм. М.: ОГИ, 2000. С. 288.

⁴ *Можейко М.А.* Интертекстуальность // Постмодернизм... С. 335.

⁵ Цитата ҫак статьяран: *Яковлев Ю.* Чунри уникалăха кĕретĕп... // Ар. 2001. Нарăс 6. 6№.

⁶ *Яковлев Ю.* Ҫавăнтах.

⁷ *Абрамов В.А.* Становление и развитие чувашской повести. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Чебоксары, 2002. С. 16.

⁸ *Можейко М.А.* Переоткрытие времени // Постмодернизм... С. 569.

⁹ *Абрамов В.А.* Становление и развитие чувашской повести. Автореферат... С. 14, 16.

¹⁰ *Сарри М.* Пурнăс тупсăмĕсем // Хыпар, 2002. Ҫўк 2. С. 2.

Часть II

Иккёмёш пай

**СООБЩЕНИЯ
ВОСПОМИНАНИЯ
БИБЛИОГРАФИЯ**

**ПЁЛТЕРНИСЕМ
АСИЛУСЕМ
ШУТСЫРАВ**

*М.П. ЖЕЛТОВ, доктор философ. наук,
доцент Чувашского государственного
университета им. И.Н. Ульянова*

АРХЕ-ДЕЯНИЕ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАРОДА

Культура народа является аккумулятором исторической памяти, суммированным разумом прошлого, что побуждает каждого человека к действию по правилам, выработанным издревле. Например, последовательность правил земледелия передается из поколения в поколение со времен Архе-деяния. Архе-деяние — это Перво-деяние, в результате которого человек научился делать необходимое и полезное для себя. Пример первовозделывания земли хорошо показан в чувашском мифе. По мифу, возделывать землю и печь хлеб чуваш научился от ежа. Бог, вознамерившись научить земледелию людей, позвал всех животных к себе с целью найти самый лучший способ обработки земли. Пришли все звери, кроме ежа. Послали звать мышку. Однако получилось так, что ёж, когда входил в дом, где собрались звери, споткнулся и упал. Все звери засмеялись. Ёж обиделся и ушел. При уходе приговаривал: «Надо мной смеются, а сами ничего не знают. Для земледелия нужна соха, борона и телега; после пахоты и боронования надо сеять; как поспеет, зерно сжать серпом; после молотбы снопов свезти зерно на мельницу и смолоть; потом только хлеб печь; и так делать из века век». Этот миф, как видим, самая, что ни есть жизненная реальность, творимая из года в год без всяких изменений правил, начертанных еще в мифические времена в виде Архе-деяния. Народ хранит в своей памяти это Перво-деяние, действует точно так же, как рассказал ёж.

Если посмотреть на культуру народа как на аккумулятор исторического опыта, она вся предстает в виде повто-

ряющегося процесса, воспроизведения Архе-деяния. В жизни оно, конечно, обогащается, так как народ является открытой системой и творит новые схемы деятельности. Современное земледелие есть единство порожденной некогда и порождающей сейчас деятельности, то есть Перво-деяние обновляется, становится более совершенной по форме и содержанию. В то же время опорой исторической памяти народа, повторяемой непрерывно, является Архе-деяние. Память народа застыла бы без творчества, без выработки новых правил земледелия. В этом смысле историческая память у каждого народа своя, так как он прошел свой путь. И потому накладывает свою печать индивидуальности на общую культуру.

То же самое можно сказать про все те Архе -деяния, которые сохранились в мифах, в которых рассказано про то, как древние люди научились сеять лён, ткать полотно и шить себе одежду из него, варить пиво из солода, писать книгу, петь песни, танцевать и т.д. То есть в мифах отражены все жизненно важные Архе-деяния. Они выступают в повседневной жизни как её основа. Мифы — не выдумка, а самая что ни на есть вещественная, телесная реальность. Их природа циклична. Именно цикличность обеспечивает устойчивость исторической памяти народа, способность передавать информацию об алгоритме Архе-деяния из поколения в поколение, а при необходимости и скорректировать искажения, возникающие при передаче культурного кода. Поэтому знание мифов, как моделей повседневности, необходимо. Повседневность является механизмом передачи исторической памяти народа. Архе-деяние как основа памяти сохраняется, конечно, не только в виде деятельности, но и в виде обычаев, ритуалов. Они суть символическая деятельность, повторяющая не только дела людей, но и богов. Обычаи поклонения огню, жертвы воде и дождю, раскатывание яиц по земле, выпуск птиц на волю, прокладывание первой борозды и многие другие обычаи говорят о том, что Архе-деяние живет и в символическом мире человеческого бытия. Они моделируют и возникновение Вселенной, и испытание мором, и жестокие сражения за родную землю и многое другое. Например, легенда о краже чужой земли, видимо, сохранилась как память о жизни в гористой местности, где землю приходилось возить из далеких равнинных мест, и это было очень опасным делом.

Кража каралась смертью — герой кражи, жених земли, погибал... Народ старается сохранить в своей памяти все Архе-деяния героев в своих мифах и легендах. Самый большой аккумулятор памяти народа это, конечно, эпос. Например, в легендах о родоначальнике чувашского народа, великане Ульпе, сохранилась память всего исторического пути древнего чувашского народа.

Таким образом, вся повседневная жизнь народа, сотканная из повторов Архе-деяния, представляет собой аккумулятор исторической памяти народа. Символическая реальная деятельность людей служит способом сохранения этой памяти.

*Е.В. КОМАРОВА, ученица 10 класса;
научный руководитель Г.Н. НИКОЛАЕВА,
учительница чувашского языка
средней школы №56 г. Чебоксар*

ЧУВАШСКИЕ ИМЕНА ДОХРИСТИАНСКОГО ПЕРИОДА КАК ПАМЯТЬ НАРОДА

Что же такое имя? Это — «визитная карточка» человека. Оно может рассказать нам о многом: кто этот человек, откуда родом и т. п. Имя — малая часть исторического наследия народа, в том числе и чувашского. Человек с именем чувашского происхождения на сегодня стал редкостью. В основном предпочитают использовать русские имена, а об именах своих прародителей позабыли. А ведь в дохристианские времена чувашаи и не ведали о таких именах, как Владимир, Екатерина, Петр, Мария и т.д. Они начали появляться с середины XVIII века, когда среди чувашей стало насильно насаждаться православие. Православная церковь не принимала «языческие» имена. Имя человеку стал давать священник при крещении. И постепенно русские православные имена стали для жителей нашей Республики единственными, а дохристианские стали выходить из употребления. Народ долго не принимал русские имена, но противостоять было сложно. Сколько гонений, сколько горя испытали те, кто пытался сохранить эту небольшую часть культуры!

Чувашский народ не должен забывать имена своих предков, и мы должны стараться сделать все, чтобы они не исчезали. Почти все народы используют в качестве имен слова из родного языка, даже если они вышли из общего употребления. Имя — это историческая память народа, часть культурного наследия, у чувашей своя культура, свой язык, своя история.

Цель моей работы — вывести на обсуждение проблему использования дохристианских имен чувашского народа.

Чувашские имена — одни из самых красивых имен в мире, и они прекрасно звучат как на чувашском, так и на других языках: в частности, русском и английском.

Как образуются чувашские имена?

В большинстве случаев мужские и женские имена довольно четко различаются по форме. Существует множество способов их образования.

Среди дохристианских чувашских имен можно встретить имена с одинаковой основой. Наиболее распространенные из них:

Мин-: *Минук, Миней, Минеккей, Минтике, Минее, Минисса* и т. д.

Эр-: *Эрнепи, Эрчук, Эрнеслу, Эрпинес* и т. д.

Иш-: в основном в мужских именах: *Ишей, Ишкерей, Иштек* и т. д.

Кен-: *Кенерпи, Кенеслу, Кенечей, Кеншей* и т. д.

А наиболее распространенные аффиксы, при помощи которых образуются чувашские имена, следующие:

-ук (-юк), -ух, -уш, -юш, -иш, -ус, -юс: *Майрук, Икуш, Иттуш, Нетюс*;

-пи (-па), -ни (-на), -пик (-пек), -ти (-та), -ме (-ма): *Илемпи, Серми*;

-ча (-че), -чан (-чен), -чапи (-чепи): *Улча, Мерчен*;

-ти (-та), -тилет, -тивлет: *Сертилет, Эпти*;

-им, -ин, -ине, -име, -имсе, -инке: *Селиме, Туринке, Сарине*;

-ей (-ай), -кей (-кай), -пей (-пай), -мей (-май), -тер (-тар), -теш (-таш), -мет (-мат), -мес (-мас), -мел (-мал), -тем (-там): *Марей, Чулай, Тилпей, Тимей, Ялмас, Армет, Исмет, Акташ, Санай, Тиветер, Михетер*;

-нер (-нар): *Минар, Сетнер, Атнер*;

-чер (-чар): *Кинчер, Алчар*;

-те (-та), -ми (-ма), -ке (-ка), -пе (-па): *Митта, Шепте*;

-мен (-ман), -вен (-ван): *Тайман, Ятман, Салван, Юван*;

-тей (-тай): *Сармантей, Савантей*;

Аффиксов, служащих для образования имен, в чувашском языке несметное количество. Из этого следует, что чувашские имена очень разнообразны, имеют множество форм и вариантов. Поэтому любой житель Чувашии может подобрать имя для своего ребенка по вкусу.

От чего зависел выбор имени ребенка?

В дохристианский период предпосылки выбора того или иного имени были разными. Очень часто детей нарекали по времени и месту рождения. Например, мальчику, родившемуся в понедельник, родители могли дать имя *Тунюк*, а девочке — *Туннике*, так как на чувашский язык слово «понедельник» переводится как «тунти кун». Девочку, которая родилась в пятницу, могли назвать *Эрнепи* или *Эрнике* (от чувашского слова «эрне кун», которое по-русски будет «пятница»). И, конечно же, всем известная героиня поэмы Константина Васильевича Иванова, *Нарспи*, была наречена этим прекрасным именем в связи с тем, что родилась она в феврале («февраль» по-чувашски — «нарӑс»).

Многие дохристианские имена носят пожелательный характер. Например, если родители хотели, чтобы их ребенок был богатым и в будущем ни в чем не нуждался, они нарекали его такими именами, как *Иллек*, что означает «изобилие», *Пуянтай* (от чувашского слова «пуян» — «богатство»). Если хотели, чтобы их дочь выросла красавицей, то девочку нарекали *Илемни*, *Чиперни*, *Сарнике*, *Пике*, *Чиперук*. Если хотели, чтобы дочь была доброй, давали имя наподобие *Ырни*, *Саламни*, чтобы сын был счастливым, ему могли дать имя *Арси*, *Арсай*, а чтобы сын был сильным и храбрым — *Паттӑр* или *Маттур*.

Также имена чувашским детям родители выбирали по их каким-либо внешним отличительным признакам. Например, *Катрани* (женское), *Катрас* (мужское) получали дети с кудрявыми волосами, так как слово «кудрявый» с русского на чувашский язык переводится как «кӑтра». Имена *Яки*, *Якуш*, *Яка* получали дети, родившиеся без волос, то есть лысыми (от чувашского слова «яка» — «гладкий»), а имена *Сарри*, *Хури* получали дети со светлыми и, соответственно, темными волосами.

Иногда родители, желая, чтобы их чадо никогда не болело и всегда было здоровым, давали имена, отпугивающие или со специальным значением, дабы отвести от ребенка нечистую силу, например, имена *Пукан* («стул»), *Патак* («палка»), *Улмес* (от слова, пришедшего из татарского языка, которое означает «не умрет»).

Кроме того, у чувашей дохристианского периода часто можно было встретить имена, которые произошли от слов,

обозначавших названия животных, птиц или растений. Чаще всего мальчиков нарекали именами, которые произошли от слов, обозначавших сильных, быстрых и ловких животных, чтобы они в будущем обладали такими же качествами, что и эти животные. А девочки получали имена, обозначавшие птиц, так как, выйдя замуж, девушка уходила из родительского дома — «улетала», как перелетная птица. Среди мужских имен можно часто встретить такие, как *Унас*, *Унук* (от слова «упа» — «медведь»), *Арслан* («лев»), *Юман* («дуб») и т.д., а среди женских — *Тяри* («жаворонок»), *Шайчак* («соловей») и т.д.

В основном среди дохристианских имен не было таких, которые имели «плохие» значения. Наши предки считали, что имя в какой-то степени определяет судьбу и характер человека, и старались использовать имена только с «восхваляющим» значением.

В таблице приведены примеры имен и их написание на кириллице и латинице.

Всего я рассмотрела 106 имен, из которых 71 — мужское, а 35 — женские (но в чувашском языке огромное количество имен — в алфавите В.К. Магницкого их 10587, и это только мужские имена). В 39 мужских именах при написании на русском языке глухие согласные звуки меняются на звонкие, а остальные остаются неизменными (32 имени), а в женских соответственно — 26 изменяются, а 9 — нет.

Замена глухого звука на звонкий согласный в чувашских именах при их переводе на русское звучание происходит в следующих случаях (это также видно из таблицы):

если глухой согласный находится между гласными звуками: *Эрнепи*— *Эрнеби*, *Исней*— *Изней*;

если глухой согласный стоит перед гласным и ему предшествует твердый согласный звук: *Салампи*— *Саламби*, *Арсама*— *Арзама*.

В некоторых именах при переводе на русский язык появляется **ь**: *Айкен*— *Айгень*, *Чемен*— *Чемень*. Это связано с тем, что в чувашском языке согласный звучит мягко, если ему предшествуют такие гласные, как **у**, **е**, **ё**, и **ь** после него ставить не нужно. Но в русском языке дело обстоит по-другому: если перед согласным стоит буква **е**, то после него ставится **ь**: **день**, **пень**, **ремень**.

**Чувашские имена дохристианского периода
и их варианты на русском и английском языках**

Мужские имена

На чувашском языке	В кириллице	В латинице
Аван	Аван	Avan
Авантей	Авандей	Avandei
Авлей	Авелей	Avelei
Айкен	Айгень	Aigen
Айтар	Айдар	Aidar
Акман	Агман	Agman
Аксар	Аксар	Aksar
Алван	Алван	Alvan
Алкан	Алган	Algan
Алкай	Алгай	Algai
Алмат	Алмат	Almat
Алтар	Алдар	Aldar
Антей	Андей	Andei
Арлас	Арлас	Arlas
Армет	Армет	Armet
Асамат	Азамат	Azamat
Атлан	Адлан	Adlan
Атнер	Атнер	Atner
Ахман	Ахман	Ahman
Ахтай	Ахдай	Ahdai
Илпей	Ильбей	Ilbei

На чувашском языке	В кириллице	В латинице
Иметер	Имедер	Imeder
Ирай	Ирай	Irai
Ирамай	Ирамай	Iramai
Исней	Изней	Izenei
Исмет	Исмет	Ismet
Ишкерей	Ишкерей	Ishkereï
Ишетей	Ижедей	Ishedei
Мантей	Мандей	Mandei
Марас	Марас	Maras
Марей	Марей	Marei
Маскей	Маскей	Maskei
Маттей	Маттей	Mattei
Мерет	Мерет	Meret
Минар	Минар	Minar
Минас	Минас	Minas
Михеней	Михеней	Mihenei
Михетер	Михедер	Miheder
Нехмет	Нехмет	Nehmet
Палей	Палей	Palei
Пуянтай	Пуяндай	Puiandai
Савай	Савай	Savai
Савал	Савал	Saval
Савантей	Савандей	Savandei
Савлей	Савлей	Savlei
Саламат	Саламат	Salamat

На чувашском языке	В кириллице	В латинице
Салкай	Салгай	Salgai
Самантай	Самандай	Samandai
Тавлекей	Тавлегей	Tavlekei
Телей	Телей	Telei
Тиветер	Тиведер	Tiveder
Тункей	Тунгей	Tungei
Тусаней	Тузаней	Tuzanei
Туха	Туха	Tuha
Урентей	Уриндей	Urindei
Ухатер	Ухадер	Uhader
Хваней	Хваней	Hvanei
Чалтай	Чалдай	Chaldai
Чатай	Чадай	Chadai
Чемен	Чемень	Chemen
Черемей	Черемей	Cheremei
Чурпаш	Чурбаш	Churbash
Чутей	Чудей	Chudei
Элмет	Элмет	Almet
Юван	Юван	Uvan
Юман	Юман	Uman
Юрас	Юрас	Uras
Явкан	Явган	Iavgan
Янас	Янас	Ianas
Янтуш	Яндуш	Iantush
Ятман	Ятман	Iatman

Женские имена

На чувашском языке	В кириллице	В латинице
Алиме	Алиме	Alime
Анисса	Аниса	Anisa
Енерпи	Энерби	Anerbi
Ентепи	Энтеби	Andebi
Илемпи	Илемби	Ilembi
Илерпи	Илерби	Ilerbi
Илпике	Илбиге	Ilbike
Итепи	Идеби	Idebi
Кенеслу	Кенеслу	Keneslu
Келпике	Кэльбиге	Kelbike
Майрапи	Майраби	Mairabi
Минеслу	Минеслу	Mineslu
Нарпике	Нарбиге	Narbike
Нарспи	Нарспи	Narspi
Пикепи	Пигеби	Pikebi
Пинепи	Пинеби	Pinebi
Саварпи	Саварби	Savarbi
Савнеслу	Савнеслу	Savneslu
Савтепи	Савдеби	Savdebi
Салампи	Саламби	Salambi
Саркепи	Саргеби	Sarkepi
Сарпи	Сарби	Sarbi
Сарпинес	Сарбинес	Sarbines
Сахиме	Сахиме	Sahime

На чувашском языке	В кириллице	В латинице
Селемпи	Селемби	Selembi
Селиме	Селиме	Selime
Тӑхтапи	Тахтаби	Tahtabi
Хӗвелпи	Хевельби	Hevelbi
Мелеме	Мелеме	Meleme
Шернеслу	Шернеслу	Sherneslu
Эверпи	Эверби	Averbi
Эверук	Эверук	Averuk
Элпике	Элбиге	Albike
Энеспи	Эрнеспи	Arnespi
Эрнепи	Эрнеби	Arnebi

При переводе чувашских имен на латиницу я ориентировалась на написание их на русском языке. Но, несмотря на то, что использовала латинские буквы, которые соответствуют русским, звучание их, скажем, у англичан будет совершенно другим. Это связано с особыми правилами чтения слов в английском языке, которые не соответствуют правилам чтения в русском языке.

Невзирая на все особенности чтения и написания чувашских имен на других языках, они, в целом, прекрасно звучат на чувашском, русском и других языках. Кроме того, эти имена нетрудно запоминать.

Значения некоторых имен

Вряд ли кто-то станет использовать какое-либо имя, не зная его значения. Образование чувашских имен произошло давно, поэтому значения имен затуманены. Но все же приведем значения некоторых имен.

Мужские имена:

Аван — хороший, добрый, приятный.

Авантей — аван + тей: аван — хороший, добрый, приятный; тей — старший брат, дядя, отец.

Айтар — возможно, от арабского мужского имени Хайдар, значение которого «лев, прозвище халифа Али».

Акман — возможно: ак + ман: ак — светлый, белый, ман — мозг, буквально — светлый ум.

Аксар — ак + сар: ак — белый, чистый, благородный по происхождению.

Ахтай — сходно с персидским «Ахтар» — звезда, счастье.

Ирай — ир = ар: мужчина.

Исеней — исен: здоровый.

Ишкерей — «иш» — друг, приятель, сподвижник.

Минар — мин + ар: мин — красное пятно на лице, родинка.

Минас — мин + ас: см. Минар.

Пуянтай — от слова «пуюн» — богач, богатый.

Савантей, возможно, произошло от тюркских слов сабан + тай, что значит «молодой конь», но это маловероятно.

Салкай, Салей — возможно, от «сал» — крепкий, крупный.

Самантай — саман + тай: от персидского саман — богатство, могущество.

Сетнер — счастливый, буквально: гранат.

Телей — счастье, удача.

Женские имена:

Алиме — значение неизвестно, сходно с персидским Алима, возможно — от «Элиме».

Анисса — госпожа, женщина.

Илемпи — илем + пи: илем — красота, изящество, краса; пи — девушка.

Кёлпике — кёл + пике: сходно с татарским Гелбика и марийским Гулбика.

Кенеслу — кене + слу: от татарского «кинже» — последний ребенок у родителей; сылу — красивый, милостивый.

Майрапи — майра + пи: майра — модница, пи — девушка.

Минеслу — мине + слу: мин — родинка, слу — красивый, красавица.

Нарспи — нарӑс + пи: девушка, родившаяся в месяце феврале.

Пикепи — пике + пи: сходно с марийским Пикави, означает «девушка, барышня, барыня, красавица».

Пинепи — пине + пи: госпожа, женщина из высшего круга.

Саварпи — савар + пи: от персидского «завар» — наряд, убор.

Салампи — салам + пи: приветливая девушка.

Сахиме — от арабского мужского имени Сахим — товарищ, компаньон, соучастник.

Селиме — от арабского Селим — невредимый, здоровый.

Селемпи — селем + пи: селем — хороший, красивый, здоровый; пи — девушка.

Тяхтапи — от слова «тяхта» — останавливаться, прекращать, переставить, довольно.

Эрнепи — эрне + пи: эрне — девушка, рожденная в пятницу.

Элиме — эл + им: эл — богатство страны, родины.

Использованная литература

1. *Андреев И. А.* Сын ячĕсем. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1983.
2. Журнал «Халăх ас-хакăлĕ» («Мудрость народная»), 2003.
3. Справочник личных имен народов РСФСР /под редакцией А.В. Суперанской, Ю.М. Гусева. М.: Русс. яз. 1979.
4. *Грушко Е.А., Медведев Ю.М.* Словарь имен. Нижний Новгород: «Три богатыря» и «Братья славяне», 1997.
5. *Магницкий В.К.* Чувашские языческие имена. Казань, 1905.
6. *Федотов М.Р.* Словарь чувашских нехристианских личных имен. Чебоксары: ЧГИГН, 1998.
7. *Дмитриева Н.И., Никитин В.П., Кудрявцева С.М.* Мир чувашской культуры. Древняя история и духовное наследие этноса. Учебное пособие, Чебоксары, 2002. С. 117—121. Тема 5 «Родословное дерево. Чувашские личные имена».

*Е.Л. ЕФИМОВ, директор
Чувашско-Сорминского народного музея
Аликовского района
Чувашской Республики*

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ Н.И.ЗОЛОТНИЦКОГО

В Чувашско-Сорминском народном музее Аликовского района как ценные реликвии хранятся книги видного чувашского просветителя Н.И.Золотницкого, одного из основателей педагогической системы нерусских народов, вошедшей в историю педагогики первоначально под названием «Система Ильминского—Золотницкого». Директором музея, заслуженным работником культуры РФ и ЧР К.В.Вороновым в свое время были собраны уникальные экземпляры книг, которых нет даже в Книжной палате республики. К 185-летию со дня рождения просветителя в музее организована выставка его книг и развернута экспозиция, посвященная деятельности Н.И. Золотницкого.

Как известно, с 1865 г. в жизни Н.И. Золотницкого начинается новый период, в котором он посвятил себя исключительно педагогико-миссионерской деятельности среди чувашей. С этой целью он выступил с определенной программой и определенной системой. В выработанной им системе образования «инородцев» главное место занимают две задачи: 1) издание и распространение чувашских книг; 2) устройство начальных школ с обучением на чувашском языке.

Для выполнения первой задачи Н.И.Золотницкий считал необходимым отрешиться от прежнего способа перевода книг с соблюдением русского расположения слов и предложений, вследствие чего получался нескладный перевод, вызывавший даже смех. Н.И.Золотницкий считал, что книги для чувашей должны переводиться и составляться на живом разговорном языке с соблюдением фонетических, этимологичес-

ких и синтаксических особенностей и законов чувашской ре-чи, затем, в отличие от русских, чувашские звуки в письме и печати должны обозначаться русскими же буквами, но с особыми условными дополнительными значками. Согласно этим новым взглядам он стал составлять новые чувашские книги.

В 1866 г. Н.И. Золотницкий составил «Сӧлдалык кнеги» — календарь на чувашском языке с объяснением праздников. В последующие годы им же составлены:

1. «Чуваш кнеге» — букварь по звуковой методике с молитвами, рассказами из священной истории и начальными сведениями из арифметики;

2. «Чувашла волама, шотлама да виренни» (обучение чтению и счислению по-чувашски);

3. «Изложение катехизиса и обязанностей христианских»;

4. «Тора халыхинь борнызь» (священная история Ветхого завета);

5. «Перевод Евангелия»;

6. «Краткое объяснение литургии на чувашском языке».

В хранящемся в нашем музее экземпляре «Чуваш кнеги» (издана в типографии Казанского университета в 1874 г.: второе исправленное и дополненное издание Братства св. Гурия) помещено объявление, в котором предлагалось в продаже до 7 наименований книг, которые были настольными книгами для детей, учителей и чувашского населения в рассматриваемый период. Приведем текст объявления: «В Казани, в книжном магазине А.А.Дубровина и у пожизненного Братчика Н.И.Золотницкого продаются следующие издания:

1) Заметки для ознакомления с чувашским наречием Н.Золотницкого. Выпуск 1. Отдел звуковой. 1871. 64 стр. Цена 15 коп.

2) Названия родственных отношений у чуваш. Н.З. 1871. 16 стр. Цена 5 коп.

Издания на народном чувашском наречии Казанской губернии:

3) Сӧлдалык кнеги, 1867 (Календарь на 1867 год). 5 коп.

4) Чуваш кнеги. 1870 год (Букварь). Второе издание. 1 коп.

5) Турра килэкилэмэлли сумахсэм. 1870 (Молитвослов). Второе издание. Цена 5 коп.

Титульный лист
книги Н.Золотницкого
«Солдалык кнеги». 1874 г.

6) Два поучения учителя чувашина Митрофана Дмитриева, сказанные им в церквах в 1869 г. во дни Вознесения Господни и Сошествия Св. Духа. 1870. 2 коп.

7) Тора корнны праздник синчен сумах. Поучения учителя чувашина Василия Васильева в день Богоявления Господня. 1871. 2 коп..

Издания Н.Золотницкого пользовались широкой популярностью среди населения Чувашского края. Ими пользовались наставники, учителя и священники церковно-приходских школ.

Не останавливаясь на достигнутом, Н.И.Золотницкий старался привлечь к делу

рационального перевода книг и лиц, имевших непосредственное отношение к «инородцам»: духовенство и вообще наставников «инородческих» школ. Так как среди последних лишь немногие были знакомы с чувашским языком, а большинство из них совсем не знало или же убеждено было, что «чуваша говорят как попало, без соблюдения правил, употребляя одно и то же слово для выражения разнородных понятий, что живая речь их ни в склонениях, ни в спряжениях, ни в синтаксисе не имеет определенных форм», то Н.И.Золотницкому пришлось положить много труда для разъяснения и распространения теоретических сведений о чувашском языке и его законов. Он доказывал, что формы чувашского языка, как наречия тюркского семейства, не подходят под формы русской грамматики, что в этом языке свои формы и законы, потому при изучении его необходим научный метод, а не простое сопоставление с русским языком. Эти мысли о чувашском языке изложены им в разных исследованиях, которые он составлял для занимающихся «инородческим» образованием. Сюда относятся:

1. Изложение основных правил чувашского языка, как тюркского наречия. Казань, 1871.

2. Заметки для ознакомления с чувашским наречием. Казань, 1871.

3. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875.

4. Особенности чувашского языка, зависящие от изменения и выпуска согласных гортанных звуков. Из лекций в Казанском миссионерском институте. Казань, 1877.

5. Ознакомление с фонетикой и формами чувашского языка.

Перечисленные труды представляют первый опыт научной разработки чувашского языка, они были в то время единственными пособиями, поставившими на совершенно новый путь дело его исследования.

Вторую задачу в системе просвещения Золотницкого составляло устройство среди «инородцев» школ особого типа. Практическому осуществлению этой задачи он посвятил все свои силы и энергию. Существовали два главных препятствия при устройстве этих учебных заведений: во-первых, пренебрежительное отношение к «инородцам» со стороны школьного начальства и духовенства, которые считали образование для них ненужным, чуть ли не роскошью. Находились даже такие, которые утверждали, что чуваша по своей природе неспособны учиться. Во-вторых, многие находили, что школы особого типа с обучением на родном языке вредны в политическом отношении, так как могут повлечь за собой сепаратизм «инородцев». С такими досужими домыслами Н.И.Золотницкому и пришлось столкнуться при вступлении на реформистское поприще.

В 1866 г. министр народного просвещения и обер-прокурор святейшего Синода граф Д.А.Толстой инспектировал Казанский учебный округ. В Казани он познакомился с Н.И.Ильминским и Н.И.Золотницким. Посетил крещенотатарскую школу, созданную Ильминским. Успехи в школе навели его на мысль о распространении школ такого же типа между всеми восточными «инородцами». Д.А.Толстой вошел с представлением в Государственный Совет об учреждении должности инспектора чувашских школ Казанского учебного

округа. В эту новую по своей сути должность Н.И.Золотницкий вступил 4 февраля 1867 г. Помимо прямых обязанностей — организации образования среди чувашей, ему пришлось работать над утверждением новой системы «инородческого» просвещения. Затем, когда в Казани было учреждено Братство св. Гурия, поставившее себе целью распространение христианского просвещения среди «инородцев» в духе новой системы, Н.И.Золотницкий в качестве постоянного его члена разъезжал по чувашским селам, открывая все новые и новые школы.

В пользу системы обучения «инородцев», где их родное наречие все время остается главным и почти единственным языком преподавания, Н.И.Золотницкий приводил следующие доводы:

1. Было бы нечеловечно усаживать инородческого ребенка за русский букварь и заставлять его учить на чужом языке молитвы, катехизис, историю и т. д.

2. Знание Закона Божьего как науки недостаточно, а усвоение этого знания душою и подобное же усвоение возможно только при посредстве живого языка, которым человек привык говорить с детства.

3. Только при обучении инородческих детей на родном их наречии их родители поймут и узнают, чему и для чего их учат, и будут охотно, а не по принуждению, посылать своих детей в училище.

4. Наконец, научившись таким образом писать и понимать Евангелие и священные книги на своем родном языке, питомцы училищ в своей инородческой среде сумеют «в качестве исповедников слова Божия и прочным образом водворять христианство в своих семьях».

2 февраля 1870 г. состоялось заседание Совета министров народного просвещения, куда был приглашен также попечитель Казанского учебного округа П.Д.Шестаков. Тщательно обсудив и взвесив мнения и доводы по школьному «инородческому» вопросу, были определены главные задачи, на которых должна быть устроена система образования «инородцев»-христиан:

1. Начальные школы для инородцев должны иметь целью религиозно-нравственное их образование и утверждение в православной вере и ознакомление с русским языком.

2. Общим для всех инородцев-христиан в системе их образования должно быть следующее: а) орудием первоначального обучения для каждого племени должно быть родное наречие его; б) учителя инородческих школ должны быть из среды соответствующего племени инородцев и, притом, хорошо знающие русский язык, или же русские, владеющие соответствующим инородческим наречием; в) должно быть обращено внимание на образование женщин, так как племенное наречие и племенные особенности инородцев преимущественно сохраняются и поддерживаются матерями.

3. Для детей инородцев, весьма мало обруселых и почти не знающих русского языка, учреждаются особые школы, в которых первоначальное преподавание совершается на инородческих наречиях, и дети обучаются на своем родном наречии и по учебным книгам на том же наречии. Учебными книгами служат буквари, необходимые молитвы, краткие рассказы из священной истории Ветхого и Нового завета и религиозно-нравственные книги.

4. С целью приготовления учителей для начальных народных училищ Казанского учебного округа и вместе с тем для тех из них, в которых будут обучаться инородцы мало и недостаточно обруселые, следует учредить в Казани учительскую семинарию с трехлетним курсом обучения.

В изложенном виде решение Совета было утверждено императором Александром II 26 марта 1870 г. Этим был положен конец всем местным спорам и недоразумениям относительно «инородческого» вопроса, и новая система получила силу закона, обязательного для всех местностей Восточной России с «инородческим» населением.

В 1883 г. был издан Синодальный указ о допущении богослужения на «инородческих» языках, доселе практиковавшегося лишь по епископским разрешениям, а в 1889 г. Синод принял правила 26 марта 1870 г. для начальных «инородческих» школ духовного ведомства. Таким образом, система «инородческого» просвещения Ильминского—Золотницкого была узаконена церковной иерархией и постепенно завоевала официальное признание во всей России.

Книги и учебные пособия Н.И. Золотницкого для чувашских школ, изданные в 60—70-х гг. XIX века, явились золотым фондом чувашского просвещения и фундаментом его становления.

*К.П. ПОРТНОВ, аспирант
Российского научно-исследовательского
института этнопедагогики*

Н.В. НИКОЛЬСКИЙ – ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ ИДЕЙ И ДЕЛ Н.И. ЗОЛОТНИЦКОГО

«Весь мир считает Менделеева создателем периодической системы элементов. Немцы не согласны с этим. Они говорят, что периодическую систему элементов впервые подметил немецкий химик Меер» (И.Я.Яковлев в воспоминаниях современников. Чебоксары. 1968. 96 с.) Часто пользовался этим изречением наш чувашский Великий Просветитель И.Я.Яковлев, когда речь заходила о представителях наций в продвижении науки вперед, о вкладе каждого народа в развитие педагогики и просвещения. «Науку двигают вперед не представители только двух или трех национальностей, а ученые всего мира, всех народов, какие существуют на земле» (с. 96), говорил он. Это изречение применимо и к отдельному народу, нации. Любая новая, передовая мысль, любое прогрессивное дело, в какой бы отрасли это ни происходило, — не продвигается, не достигается без участия нескольких личностей. Если даже он один, все равно он будет черпать знания, мысли, задумки предшественников, пользоваться тем богатством, фактами, которые были до него или есть.

Вся просветительская и педагогическая деятельность родоначальников чувашского просвещения и педагогики И.Я. Яковлева и Н.В. Никольского пронизаны идеями, думами, делами передовых мыслителей того времени, в особенности вдохновителя и идеолога педагогов-шестидесятников XIX столетия К.Д.Ушинского.

В статье «О народности в общественном воспитании» (опубликованной впервые в «Журнале для воспитания», 1857. № 7,8) коренной закономерностью в развитии образования,

просвещения К.Д.Ушинский называет народность воспитания. Ушинский выступал за создание школ, доступных для народа, управляемых самим народом и отвечающих его интересам. Он стремился к разработке такой системы школьного образования, которая смогла бы удовлетворить эти интересы, отразить самый дух народа, особенности национальной культуры. В статье «Родное слово» (впервые опубликована в «Журнале Министерства народного просвещения», 1861. № 5) он дает высокую оценку родному языку, назвав его «величайшим народным наставником», «удивительным педагогом».

Зная о диапазоне научных и познавательных интересов Н.В.Никольского, зная об удивительных стремлениях его к истоковедческим изысканиям, с большой уверенностью можно утверждать, что труды Н.И.Золотницкого для Н.В.Никольского были одними из почитаемых. Он не только глубоко изучал деятельность Золотницкого, но и являлся одним из последователей просветительских, педагогических идей и дел Н.И.Золотницкого. Плеяда сегодняшних исследователей и ученых выражает благодарность Никольскому за сохранение и доведение до последующих поколений трудов Золотницкого. Деятельность Золотницкого для Никольского была примером, и он становился продолжателем дел, начатых им.

Никольский высоко ценил труды Золотницкого. В работе «Краткий обзор работ по этнографии чуваш» он ставил Золотницкого выше своего любимого учителя — В.К.Магницкого. «Если В.К.Магницкий старается как можно больше собрать и описать для науки этнографических фактов, то Н.И.Золотницкий прodelывает весьма важную для этнографии работу по объяснению уже известных фактов. Пользуясь данными сравнительного языковедения тюркского и финно-угорского, Золотницкий ввел изолированные до сих пор чувашские этнографические факты в общую семью урало-алтайских народов и таким образом наметил пути для выяснения взаимоотношений чуваш с тюркскими и финскими племенами. С этой стороны заслуженной известностью в русской и иностранной науке пользуются труды Н.И.Золотницкого», — писал он. Между прочим, отрадно отметить, В.К. Магницкий считал себя учеником Золотницкого.

Что связывало Никольского с Золотницким? Последователем каких идей, дел Золотницкого становился Николь-

ский? Хотя Никольского с Золотницким отделял большой возрастной период, почти 50 лет, у них было много общего. Это и юношеские годы, учеба, выбор жизненного пути, идеи и помыслы, преданность чувашскому народу, борьба за его просвещение, благосостояние. Самое первое, что связывало Никольского и Золотницкого, — это стремление к знанию, учебе, притом с малых лет. Связывает их и то, что они учились в одних и тех же учебных заведениях, хотя в разные годы.

Николай Иванович родился (1829) в семье русского священника, работавшего в чувашском селе Чурашево Чебоксарского уезда Казанской губернии. Николай с детства наблюдал за чувашскими обычаями и традициями. В результате постоянного общения с чувашами Золотницкий прекрасно овладел чувашским языком. После окончания Чебоксарского духовного училища Золотницкий некоторое время учился в Казанской духовной семинарии. В 1847 году он оставляет учебу в семинарии и поступает в Казанский университет на историко-филологический факультет. Как и Никольский, в Казанском университете увлекся и сделал жизненным кредом собирание и изучение произведений устно-поэтического творчества чувашского народа. После окончания Казанского университета в 1851 году работал в Казанской палате государственных имуществ, некоторое время жил в родном селе Чурашеве. В 1855 году Золотницкий выехал в г. Вятку, где служил в государственных канцеляриях, много ездил по Вятской губернии. В родной деревне и в Вятке он понял, насколько важными для России являются вопросы народного образования.

Как и Золотницкий (в 1860—1863 гг. Золотницкий был редактором «Вятских губернских ведомостей»), Н.В.Никольский в деле просвещения народа большое значение придавал печати. Изучение редакторской деятельности Золотницкого укрепляло в Никольском мысль о важности и действенности печатного слова. Именно тогда у Никольского зародилась мысль об издании газеты для чувашей. Когда появилась возможность выпустить газету, он смело решился издавать газету «Хыпар».

В 1865 году Н.И. Золотницкий, после освобождения от должности редактора, поселяется в Казани. С этого периода он всю свою жизнь, свою энергию полностью посвятил про-

свещению чувашского народа. В 1867 году ему поручают руководство чувашскими школами земства Казанской губернии, а 7 февраля 1867 года Министерство просвещения назначает Н.И.Золотницкого инспектором чувашских школ Казанского учебного округа. На этой должности он работал до 17 мая 1871 года. Благодаря неутомимой деятельности Николая Ивановича с 1870 года в чувашских школах родной язык стал языком обучения. Это было закреплено решением Министерства просвещения России.

Н.И.Золотницкий в историю просвещения нерусских народов России вошел как один из основателей системы Н.И.Ильминского. В ее основе лежало использование родного языка в обучении нерусских народов.

Для Н.В.Никольского идея обучения инородцев родному языку стала делом жизни. В своих трудах «Народное образование у чуваш», «Основы инородческого просвещения» и др. он связывал успехи просвещения чувашей со второй половиной XIX века, прежде всего с «народной школой», в которой средством обучения выступает родной язык.

Н.И.Золотницкий занимался повышением педагогической и методической культуры учителей. Инспекторские поездки Николая Ивановича были связаны с многочисленными встречами с крестьянами. Говорил он с ними на чувашском языке, агитировал за обучение детей в школах. Золотницкий умело вносил свои идеи в развитие двухклассных училищ, школ повышенного типа. Так, в 1867 году в Шинер-посях было открыто двухклассное училище, и оно сразу получило новое дыхание: повысился охват детей обучением, улучшилась посещаемость учащихся, сократился отсев. Для поддержания интереса девочек к учебе в школе были введены уроки рукоделия.

Книги и учебные пособия Золотницкого для чувашских школ явились золотым фондом чувашского просвещения, основой и фундаментом его становления. «Чуваш кнеге» — первый чувашский букварь, изданный дважды, в 1867 и 1870 гг. Буквы для букваря основывались на русской графике, составлен он был в основном применительно к звуковому методу. Здесь он был последователем К.Д.Ушинского.

Есть у Золотницкого и другой труд, в последующем в издании такого пособия стал его последователем Никольский.

Это первый чувашский календарь — «Сӧлдалык кнеги». Его тоже, как и «Чуваш кнеге», Золотницкий издавал дважды: в 1867 и 1874 гг. Календарь содержит исторические сведения из жизни России. Значительное место занимали материалы о наших соотечественниках К.Минине и Д.Пожарском и др. В этих книгах отразились и методические взгляды автора, непосредственно проверенные в школах.

Работая в переводческой комиссии ПМО, Никольский составлял и издавал календари на чувашском языке — «Султалӑк кӑнеки» с 1906 по 1914 гг. — всего 9 книг.

Нет слов, Золотницкий является одним из основоположников чувашского просвещения. Хотя историкам просвещения известны отдельные факты личной неприязни И.Я.Яковлева к Золотницкому, тем не менее, Яковлев продолжил дело просвещения чувашского народа на прочно заложенном Золотницким фундаменте, а затем эстафету взял другой просветитель — Н.В. Никольский.

*Г.Л. НИКИФОРОВ,
Г.Лебедев ячёллĕ Чăваш наци
вĕрентуĕ центрĕн
аслаĕ категориллĕ вĕрентекенĕ*

**А.С. АРТЕМЬЕВ ПРОЗИНЧИ
СĂНАРЛĂ ЧĔЛХЕ ПУЯНЛАХĔ
(«Алтăр çăлтăр» повесть тăрăх)**

Чăваш халăх писателĕн А.С.Артемьевăн «Шурă сўслĕ хĕр», «Алтăр çăлтăр», «Симĕс ылтăн», «Сунатлă суралнисем», «Салампи», «Хунавлах хăрнисем» хайлавĕсене халăх юратса вулат.

Илемлĕ хайлав пахалăхĕ сăнарсенче, ёç-пулăмра, хайлав тытăмĕпе сăнлăхенче тата сыравçă чĕлхин уйрăмлăхенче палăрат. А.Артемьев çапла каланă: «Шухăша илемлĕ те тĕрĕс калама, апа сырса кăтартма пĕл, вăл вулакана аналманла та курăнманла пултăр — акă мĕн питĕ кирлĕ». Çакна вăл сирĕп тытса пынă. Унан хайлавĕсем ыттисенчен стиль енчен те, чĕлхе енчен те куçа курăнманла уйрăлса тăраççĕ, апа тепĕр сыравçăсен хайлавĕсемпе пăтраштарман. Йĕри-таврачĕ илемне сăнарлă курма, шухăша сыхануллă калама пĕлнине тата геройсен чунне тарăн кăтартнине пула Артемьев хайлавĕсем вулакансен чĕрине хускатаççĕ, шухăша яраççĕ. Çакна, паллах, асталăх тени тăвать.

А.Артемьев шухăша сăнарлăх мелĕсемпе вайлатма, апа тĕрĕсрех палăртма чĕлхен илемлĕх мелĕсемпе, ваттисен самахĕсемпе, каларăшсемпе, халăхри тĕрлĕ самах саврăнăшсемпе тата витĕмлĕ танлаштарусемпе пĕлсе те вырăнлă уçа курать. Çакă вара, пĕр енчен, хайлаври геройсен чĕлхи-калаçăвне чылай пуянлатать, тепĕр енчен, вĕсен расначĕне, уçамлăрах пулнине палăртма пулăшат.

Писателĕн сăнарлă чĕлхине «Алтăр çăлтăр» («Çăлтăр сунмăрĕ») повеçĕ тăрăх сăнаса пăхатпăр. Повесть çапла пуçланать:

«Вун саккърта кам саррак пулман, кам кйна илёртулле ёмётпе киленмен? Эй, сямал сунатла шухайш-ёмёт! Аста кйна илсе ситерместён эсэ хавхаланулла, хёрулле чёрене!..» Сак тёслёхпе Артемьев вулакана этем пурнасьёнчи чи хитре саманта аса илтерет, шухайша ярать. «Эй» междометипе сунатла шухайш-ёмёт синче чаранса тама хистет. Автор-калавсә шухайш-ёмёте хәпартланулла палартупа сыхантарса ун пёлтерёшне вайлатать, аһа сөнө пахаләхлә туса кәларать.

Повесе вуласа пыһа май таван чёлхен илемлөх мелёсене асархаса пыратән. Паллах, автор вёсемпе геройсен шухайш-кәмәһне, чун-чөри пуянләхне усса пама тәрәшәт. Тёслёхе повесри «Ятлә сынна ял савать» предложение илер. Сак ваттисен сәмахөпе Артемьев Георги куккәшне, Александр Ильич Ходарова, палартма усә курать.

— *Иван Яковлевич Яковлев нек төлёмелле сын ман кукка, ку таврара ун ятне илтменни те сукрах пуль...*, — тесе пёлтерет ун пирки Георги. Апла пулсан, мёнпе паләрнә-ши Ходаров Савалкас ял хугләхәнче?

Александр Ильич хөрөх сул таван яләнчи шукулта учительте ёслет. Шкул ачисене юрә-көвө тәнчипе паллаштарать, кёслепе сөрме купас калама вёрентет. Брә кәмәллә та әслә-тәнлә пулһне аһа ял халәхө хисеплет. Сарраксемпе пёр чёлхе тупһа вәл, клубра музыка кружокне ертсе пырать. Савалкас тәрәхәнче хисеплө учитель сөс мар, сад әсти те. Таврари пахчәсәсем ун садне курма, вёренме килсе сурөссө. Учитель әста пахчәсә пулһинчен те ытларах музыкант пулһне халәхра паллә. *«Ун нек кёсле-купас калама пултаракана чәвашира урәх курман әпө»*, — тет куккәшөпе мухтанса Георги. Александр Ильич музыкант сөс мар, халәх юррисене пухакан та. Пухһа юрәсене вәл Шупашкара, төпчев институтне ярса парать, Георгие те сав пархатарлә өсө явәстарать.

«Алтәр сәлтәрти» геройсене сәнарлама, вёсен портретне каләплама кирлө сәмахсемпе сәнләхсем тупма пёлет Артемьев. *«Хура сёлөк пите килшет аһа: ун сүмөнче хөрөн пысак кусөсем, авәк кус харшийөсем тата хурарахһан курәнассө, йёрөлче нек саврака тутти вара — писсе ситнө сөр сьри нек. Чәһһипөх хитре хөр Тамара»*.

Илсе панә төслөхре пирөн ума төлёмелле чипер сәнлә Тамара тухса тәрәт, аса көрсө юлать. Сав илеме палартакан юлашки йөркөсенчи сәнарләх күрекөн *«йёрөлче нек саврака*

тути» тата «*пиçсе ситнӗ сӗр сьрли пек*» танлаштарусем хӗре художник ўкерсе кӑтартнӑ пекех сӑнласа парасӗ.

Писатель танлаштарусемпе повесть тӑршшӗпех усӑ курать, савна пулах мӗн калани-сырни курӑмлӑ пулса тухать, япалана сӗнӗ енчен курма май парать. Акӑ вӗсенчен хӑшӗ-пӗрисем: «*Хӗрӗнни евӗр сӑнсе пилӗклӗ кӗлетки*», «*сар су пек кун*», «*ытла та вилнӗ пекех сывӑратӑн, уйӑх сӑмарти сӑмерӗн пӗлӗ-ске?*», «*эпир сана кӗтнӗ пек сар кайӑк та су килесе кӗтмен пул*», «*... уйрӑлтӑмӑр эпир унна, сурмаран каснӑ улма пек, йӗкӗр майӑрти икӗ тӗшӗ пек*» тата ытти те.

Произведенири геройсен пуллевне пуянлатас тӗлӗшпе Артемьев калаçура анлӑ сарӑлнӑ «*ыйхи тутлӑ*», «*вӗри чунлӑ*», «*шӑл сӗмми*», «*ухмаха ертӗм*» тата ытти сӑмах саврӑнӑшӗсемпе усӑ курать. Вӗсемпе вӑл повеçӗн шухӑш сӑнарлӑхне татах та ўстерет, хайлав чӗлхен илемлӗхӗпе вӑйлатать. Халӑх сӑмахлӑхӗн тӗслӗхӗсем е сыравсӑ хӑйне кирлӗ пек ӑсталанӑ сунатлӑ сӑмахсем те йышлӑ повеçре. Писатель сав сӑмахсен вӑйӗпе усӑ курать, тӗрлӗ предложени йӗркелесе е ваттисен сӑмахӗсене сӑплипех илсе куçӑм пӗлтерӗшлӗ ўкерчӗк тӑвать. Каланине сирӗплетме тӗслӗхсем илер. «*Самрӑклӑхӑн хӗвелӗ кӗр еннелле сулӑнчӗ*», «*Лапка-лапка шур юр сӑвать, сӗр сине мар ман пуç сине*», «*Пӗрмен сӑкӑр сӑвартан тухса ўкет*», «*Кампа сурпан сырса пуçа шуратнӑ, савӑннах ӗмӗре ирттерме тивет*», «*Пӗрнӗ сӑкӑр шӑл сӗмӗрсе кӗрет*», «*Чун саван чун тунӑ, чун суран чӑк тунӑ*», «*Ашӑтмасӑр пӑхакан хӗвел ик хӑлхалӑ*», «*Кӗлепӗ кун-сула кӗскетет*», «*Сын сӑварӗ хапха мар, хупса хураймӑн*», «*Сӑмах пине ситрӗ*», «*Уй куçлӑ, вӑрман хӑлхалӑ*», «*Хӗвре ашӑтса ўстернӗ сӗлен хӑвнах вӗлӗрмелле сӑхат*», «*Халӑх сӑмахӗ кача тӑварлӑ*», «*Сын элекӗ сынна вӗлернӗ*», «*Кӗске сӗрӗн ыйхи тутлӑ*», «*Сӗн сынсем пӗрремӗш хут пӗр пуçелӗкпе выртнӑ*».

А.Артемьев чӗлхи тӗрлӗ илемлӗх паллисемпе пуян пулнине, вӑл чӑн-чӑн сӑмах ӑсти пулнине унӑн хӑйне евӗрлӗ пуллев тытӑмӗ, сӑнарлӑ чӗлхи, сӑмах пуянлӑхӗ илемлӗ хайлавсенче пурри сирӗpletет. Сав сӑнарлӑ чӗлхе халӑх сӑмахлӑхне вырӑнти вирьял калаçӑвӗсенчен тата литература чӗлхинчен вӑй илсе хӑватланни куçкӗрет.

А.С.Артемьев сивӗч туйӑмлӑ пулнине, сӑмах илемӗпе хӑватне курма пӗлнине, яваплӑха туйса ӗçленине тата унӑн прози пурнӑç чӑнлӑхӗпе палӑрса тӑнине унӑн ытти хайлавӗсем те пин-пин тӗслӗхпе кӑтартса тӑрасӗ.

*А.Г. ИСАЕВА,
педагог, пенсионер*

ВОСПОМИНАНИЯ О Д.В. ИСАЕВЕ

Жена Исаева Дмитрия Владимировича Анна Григорьевна Исаева родилась 22 января 1906 г. в с. Тойгильдино Тораевской волости Ядринского уезда Казанской губ. (ныне Моргаушский район, Чувашская Республика) в семье крестьянина. Отец и мать были неграмотными. Семья была большая, всего 11 человек. До революции у них землю имели отец и старший брат, поэтому семье жилось плохо. Дети с малых лет ходили по людям на разные работы.

* * *

В 1921 году по всей России прошелся страшный голод. С питанием было очень плохо: ели желуди, лебеду, травы. Осенью я поехала в Чебоксары и поступила в музыкальную школу. Там давали так: 16 кг ржаной муки, 0,5 кг подсолнечного масла и 400 грамм сахара. А осенью 1922 года я поступила в Чебоксарский педагогический техникум на подготовительное отделение и в техникуме проучилась 3 года.

В техникуме был организован первый чувашский хор под руководством Павлова Федора Павловича, позднее он стал композитором. В основном мы изучали песни Павлова Ф.П. по составленному им песеннику «Сърнай». Наш хор выступал в театре на чувашских спектаклях, в техникуме, в совпартшколе, в рабфаке. Кроме того, еще выступал на разных конференциях и слетах.

В марте 1925 года в Чебоксарах был Республиканский слет рабселькоров. В здании театра была организована выставка стенных газет. На этом слете для делегатов мы дали чувашский концерт. В перерыве смотрели выставку, а там ходили Исаев и Пайраш. Они к нам подошли и говорят: «Какие стенные газеты понравились, пишите сюда в журнал». Исаев сидел за

столом. Писали или не писали в журнал, я не помню. Он был очень радостный и взволнованный и ответил, что он впервые слушал выступление чувашского хора, очень понравились песни.

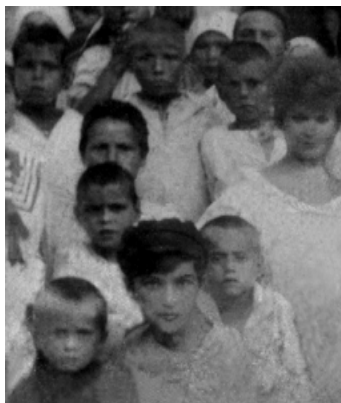
Весна. По вечерам стали встречаться на улице, приглашал в кино. Маленький кинотеатр находился на бульваре (на Волге), и мы охотно ходили. Изредка катались на лодке, на Волге, ездили на ту сторону Волги. Волга тогда была намного шире, вода на Волге была светлая, голубая. Купались.

Мне хотелось знать все же, кто они такие, Исаев и Пайраш. Спросила наборщицу типографии Марусю Терентьеву, и она мне рассказала, что оба работают у нас в редакции «Канаш».

В то время каждую субботу были вечера, то в техникуме или в Совпартшколе, в рабфаке. Наш хор часто выступал на таких вечерах. Помню, как сейчас, в Совпартшколе был вечер, посвященный какому-то празднику. Вечер открыли пением «Интернационала» на чувашском языке. На этом вечере были Исаев и Пайраш. После торжественного заседания и выступления хора, как всегда были танцы, пляски, игры. Мы с подружками Ниной и Варей гуляли по коридору. Подходят к нам Исаев и Пайраш, говорят: «Разрешите пройти с вами». Мы охотно разрешили. Они стали рассказывать, как им понравились чувашские песни, как «Тўнки-тўнки», «Олту-олту», «Сьрма хёрне ансассан», «Тухать-и те тухмасть-и» и «Линька-линька».

С этого вечера у нас завязалось настоящее знакомство. Исаев начал давать мне советы, что надо писать заметки в газету. Кое-что я начала писать, но почему-то не хотелось писать.

Когда, бывало, встречаешься с ним на улице, он всегда спрашивал, когда и где в ближайшее время будет выступать

Дмитрий Исаев среди воспитанников детского дома. Москва, Сокольники, 1921 г. (фрагмент фотографии).

чувацкий хор. Последнее время хором руководил Иванов Герасим, студент IV курса нашего техникума. Летом, как обычно, уехала домой на каникулы.

В 1923 году летом я вступила в комсомол. В нашей деревне никогда не было разговору о комсомоле. В комсомол кто меня принял? (Комсомольской организации не было.) Председатель волисполкома Андреев Василий Андреевич, Степанов Прокопий Степанович и Роман Трофимович — первые коммунисты. Первое время никто не знал, что я вступила в комсомол, даже мои родители не знали.

Когда я училась в 6 классе, учителем по пению был Цветков Георгий Николаевич. Как-то мы с ним встречаемся, и он говорит мне: попробуем организовать хор сельской молодежи. В хор входили молодежь из 3-4-х деревень. Первый раз попробовали выступать в клубе в с. Тораево. После решили выступать 12 июля (по старому стилю) на ярмарке. Хористов собралось много, и мы все сели на карусель, запели чувашские песни. Люди, которые были на ярмарке, все приблизились к карусели. Пели несколько песен: «Пирён урам анаталла», «Ўырма хёрне анассан» и др. Выступление прошло хорошо. Слезли с карусели, и к нам подходят Исаев с Пайрашом, такие довольные, и улыбаются. Я их спрашиваю: как вы попали сюда? Они говорят, что приехали в командировку. От с. Тораево до нашей деревни 4 км шли пешком. Я говорю: «А зачем вы идете в нашу деревню, вернее, к нам, мне от родителей неудобно?» Исаев говорит, что приехали специально поговорить с вашими родителями. Мой отец его видел в Чебоксарах, и о чем у них был разговор, отец мне не говорил.

Родители мои встретили их хорошо, по-праздничному, за стол пригласили. Исаев с моими родителями быстро нашел общий язык. На другой день мы трое пошли в с. Шуматово, который в 12 км от нашего села, к бывшей моей школьной подруге. Она уже была замужем. Посидели, поговорили, пошутили, и мы оказались в ЗАГСе. Вот и появилась новая семья.

В августе 1925 года Исаев поехал в Москву, в университет им. Свердлова, учиться, но по болезни в октябре вернулся в Чебоксары и стал работать в Чебоксарах, секретарем горкома комсомола. Я училась в педтехникуме, а его сестра Настя училась в школе коммуны. Жили мы на частной квар-

**Здесь жил чувашский писатель
Исаев Дмитрий Владимирович (Авраль) в 1927–1930 гг.
г. Самара, ул. Казанская, д. 18 (Обороны, д. 128). Снимок 1980 г.**

тире, но квартплату не платили, вернее, хозяйка не брала, т.к. муж ее тоже учился в университете, материально была обеспечена.

Когда в Чебоксарах организовали газету «Молодой крестьянин» (ныне «Молодой коммунист») его утвердили редактором. В 1926 году по партийной мобилизации был призван политруком в Кр. Армию. Служил в Сызрани. Будучи в лагерях, он заболел гриппом, и гарнизонные врачи дали ему месячный отпуск. После истечения месячного срока он еще чувствовал себя плохо.

Материальное положение было неважно. Исаев поехал в ЦК партии, там ему оказали денежную помощь и направили инструктором Самарского губкома комсомола. Работа была разбедная, а здоровье плохое. Везде шла классовая борьба, кулачье поднимало голову. Он часто выезжал в такие районы, как Челновершинский, Похвистневский, Сенгилеевский и Богдашкинский. Первостепенными вопросами стояли подготовка населения к коллективизации и дача отпора кулацкой агитации. Но только ему не суждено было видеть настоящих колхозов.

В сентябре 1926 года у нас родился сын. До рождения ребенка, будучи еще в Армии, он писал: если родится сын, то имя дать Алендей, а если дочь — Диэлита. Так и называли сына Алендеем. Состояние здоровья все ухудшалось, несмотря на то, что каждый год ездил в санаторий. Последний раз в 1929 году он лечился в Алушке. На обратном пути заехал в ЦК партии. Там его направили на лечение, где партработники (ответственные) лечатся. Страшный грипп дал осложнение на гортань, и у него обнаружили туберкулез гортани и легких. Из Москвы он приехал с хриплым голосом и, что нужно, писал на бумаге. Там же в Москве ему дали инвалидность II гр. с 22/XI— 1929 г. по 22/V—1930 г. Сильно кашлял, иногда в мокроте попадались капельки крови. Он вел себя осторожно, в кармане носил карманную плевательницу, чтобы не заразить окружающих.

Я в то время училась в Самарском медицинском техникуме им. Пирогова, на отделении медицинских сестер.

Будучи на инвалидности, Исаев не прекращал писать и переводить. Последний его перевод с русского на чувашский язык «Религия трудящихся женщин». Кроме того, в то время в Москве печатался сборник его рассказов под названием «Новое поколение», но он его не дождался.

В Самаре с нами жила его сестра Настя, мы ее устроили в Чувашскую школу II ступени, но не захотела учиться.

В начале 1930 года секретарь Куйбышевского крайкома партии тов. Хатаевич пригласил Исаева к себе и попросил временно редактировать вновь организованную чувашскую газету «Колхозник». Он пришел домой и говорит: «Я и больной, но я коммунист, дал согласие поработать редактором до подыскания работника — редактора». Тукташ был секретарем редакции, правда, он опытный поэт-писатель. Исаев часто, бывало, лежит в постели по несколько дней. Тукташ приходил к нам домой, и Исаев, лежа в постели, набрасывал, какую статью на какую страницу; несколько номеров газет он набрасывал дома.

Сын наш ходил в садик. Я в феврале 1930 года окончила Медтехникум и по направлению облздравотдела работала в Институте охраны матери и младенчества сестрой в палате новорожденных. Когда Исаев чувствовал себя очень плохо, всегда говорил: «Мне долго не жить, но жаль, что я не увижу,

как сын пойдет в школу первый раз». Он очень ласково относился к сыну, и вообще он был добрый, услужливый, обходительный, его товарищи по работе очень уважали.

Дмитрия Исаева лечил профессор Чайкин. Как-то раз он предложил Исаеву лечь в тубдиспансер. Исаев растерялся и ответил Чайкину: «Умру дома, в тубдиспансер не пойду, мне осталось жить немного». 25/III он окончательно слег и больше не мог вставать. Мне с ребенком тяжело было. Но друзья, товарищи не оставили без внимания. Около него дежурили учителя из чувашской школы, студенты из рабфака и из Совпартшколы. Я фамилии всех-то не помню, но спасибо им за оказанную нам помощь в трудное время.

У Исаева самый близкий друг-товарищ был Алендеев Григорий Тимофеевич, ранее он работал в Москве, газетный работник. Алендеев оказывал денежную помощь. Часто у нас бывали Иванов-Паймен Влас, он всегда был веселый, жизнерадостный. Они часто беседовали вдвоем.

Исаев заботился в отношении своих младших сестер. Сестренку Зою он устроил в школу ФЗО при Чебоксарской типографии. Она успешно закончила учебу и работала наборщицей. Родители у них умерли в 1917—18 гг. Осталось 6 детей. Старшей — Валентине — было 17 лет, а остальные все меньшие. Дмитрий вместе с 3-мя маленькими сестренками в голодном году были в Москве в детском доме. Из детского дома не вернулась сестренка Зина, искали ее, но не нашли. Потом пришли к такому выводу, что кто-нибудь взял ее на воспитание и в детском доме об этом не говорят. Хозяйство вела 17-летняя сестра Валентина, которая впоследствии вышла замуж за своего сельского. Но она их не оставляла без присмотра, помогала чем только могла.

Выпускаемая газета в Куйбышеве называлась «Средне-волжская краевая газета «Колхозник». Какие статьи я писала в газету? Известно, моя профессия была сестра по охране матери и младенчества. Я больше писала: как ухаживать за новорожденным, как кормить, соблюдать время кормления, как купать, прогулка на улице, с какого времени ребенок начинает понимать свою маму, появление первых зубов, как правильно завертывать в пеленку, когда ребенок начинает поднимать голову, ползать, сидеть. То, что мною начато писать, я до конца не сумела. Дмитрий тяжело заболел, и у ме-

ня свободных минут не было. В феврале я сдавала государственный экзамен.

14 апреля утром у нас дома были сотрудники чувашской газеты «Коммунар» из Москвы. Г.Молостовкин хотел побеседовать с Дмитрием, но было поздно, он уже не реагировал ни на что. У Дмитрия появилась новая болезнь — менингит. Кормила я его как маленького ребенка из чайной ложки, трудно было кормить, не открывал рот. Мучился 3-4 дня, стонал, показывал язык, все это он делал в несознательном состоянии.

17 апреля находился у Дмитрия студент рабфака, но фамилию не помню. А может, был тот самый Сергеев? Студент был уроженцем из с. Ковали, это родина Исаева. Утром мы с Сергеевым подумали, что состояние у Дмитрия улучшается, лежал спокойно. В 4 часа утра 18 апреля пришел сверху первый пароход «Правда». Наши окна выходили на Волгу, и слышен был гудок. Дмитрий повернул голову и смотрел на окошко. Хочет что-то сказать, но ничего не получается. Товарищ ушел в 6 часов утра. После него я накормила Дмитрия манной кашей и клюквенным киселем. Он очень беспокойно ел, ложку укусит и не выпускает изо рта, потом я его стала кормить кашей указательным пальцем. Глотать начал плохо, то за волосы меня дернет, то руку мою укусит. Все же кое-как покормила, и после кормления минут 10-15 лежал спокойно и глядел на все стороны. Может, хотел поглядеть на сына, а его дома не было. Как только с Дмитрием стало плохо, сына взяли к себе наши близкие знакомые и несколько дней он жил там.

В 7 час. 10 мин. Дмитрий скончался. Первым пришел Тукташ, он посмотрел на мертвого Исаева и ничего не сказал, ушел. Тут же пришли работники редакции. Гроб с телом после обеда унесли в клуб нацменьшинств. Около гроба стояли товарищи по работе, студенты и др. 19 апреля в 6 ч. вечера его схоронили на главном кладбище около железнодорожного вокзала. Схоронили под осиной, но квартал не помню. Кладбище очень большое, и там сейчас могилу не найти. И.Илларионов, председатель отдела нацменьшинств при крайисполкоме, поручил начальнику сектора печати Росницкому сделать ограду на кладбище. Это почему-то сделано не было. Гроб везли на катафалке, на двух белых лошадях, все сбруя черная, как это полагалось раньше.

В последнюю поездку в Москву Дмитрий купил себе хорошее белье, рубашку, галстук, ботинки коричневые, но почему-то их не носил. Один раз я ему предложила надеть эту рубашку, и он мне ответил: «Ты меня в этой рубашке схорони, то, что я привез из Москвы — это все на смерть». Конечно, ему трудно было жить с такими мыслями, ожидая смерть.

У него были недописанные работы. После его смерти запросили из Чебоксар — Чувашгосиздата, чтобы я им выслала незаконченные работы, и писали: сами закончим. Выслала 24/IV—1930 г., и получил его Краснов-Кезенни, дальше что было — не знаю.

Памятным мне осталось еще вот что. В июле 1930 года писатели Советской Чувашии выехали в Средневолжский край ознакомиться с жизнью чувашского народа. В составе группы были известные писатели и поэты: Полоруссов-Шелепи, Трубина Мархви, Хузангай, Краснов-Асли, Эльгер С. — всех не помню. Вместе с Тукташом они все были у меня и организовали вечер памяти, посвященный Дмитрию. У Хузангая было стихотворение о преждевременной смерти Исаева. Он прочитал, и после него почти все выступали и говорили, кто что знал об Исаеве. Я была благодарна этой группе, что сочли нужным зайти к нам и вспомнить о молодом писателе, которому было только 24 года 10 мес.

Дмитрию очень хотелось жить. В данное время у него жива одна сестренка — Зоя. Живут в дер. Илебарах Козловского района, по фамилии мужа — Маркелова З.В. А сын живет в Чебоксарах, участник Отечественной войны, награжден многими медалями и орденом Славы 3-й степени. После войны закончил заочно Казанский финансовый институт, член партии. Работал преподавателем Планово-экономического техникума.

Несмотря на то, что Исаев был молодой, умом он был намного взрослее. Может, потому, что воспитывался в детском доме. Кроме того, хорошим товарищем, другом его был — Г.Т. Аллендеев. Исаев очень благодарен был ему. Он не любил нытиков в литературе, особенно в чувашской. Им была написана критическая брошюра, где отмечал недостатки в произведениях Рзая Виктора, П.Хузангая (примерно 1929 г.). В те годы Исаев играл большую роль в развитии чувашской литературы.

У меня племянников от сестры трое, учились в Тораевской средней школе. Они рассказывали, что изучают рассказы и биографию Исаева. Они хорошо знали биографию, но стеснялись говорить только, что он приходится дядей по сестре матери.

У Исаева жизнь была короткая, всего прожил 24 года полных. Хотелось ему жить, написать что-то нового. Да еще посмотреть на сына, как он пойдет в школу в I класс. Он очень любил сына. Помню такой момент. Мы с сыном пошли к пристани (тогда еще были частные лавочки на Волге) покупать помидоры. Все он ходил со мной, и вдруг нет его. Я подумала, что он пошел домой. Пришла домой, его дома не оказалось. Побежала на Волгу обратно, походила вокруг лавочек, и нет сына. Стоял пароход. Смотрю, сына моего на руках держит незнакомая женщина на палубе парохода. Я, испуганная и расстроенная, закричала: «Алик!» и пр. Быстрее поднялась на II этаж палубы, взяла ребенка. Подошел капитан, а женщина оказалась его женой. И они оба стали говорить: «Продайте мальчика, у нас тоже был такой же мальчик и недавно умер», — и др. Капитан говорит: «Продайте, серьезно прощу, и 100 руб. сейчас же дам». Я ответила, что не продам, отец его ждет дома, он его очень любит. Пришли домой, и все рассказала Дмитрию. Долго сидел молча и вдруг сказал: «А почему ты его не продала за такие большие деньги?» Как я ему ответила, не помню. Потом он мне говорит: «Нюра, я тебя хотел только испытывать, и если бы ты продала ребенка, я с тобой не стал бы жить», — и пр. Алик маленький был симпатичный ребенок, одевали мы его хорошо.

Материально мы жили туговато. В то время у нас в квартире шкафа не было. Все белье хранилось в корзинках. Что было? Кровать 2-спальная, хорошая детская кровать, 2 стола, 2 плетеных стула. Потом приобрели диван-кушетку, 2 кресла, обшитые зеленым бархатом. На кухне был кухонный стол. Я училась, и на одной зарплате 4-м жилось неважно. Кроме того, его мучил туберкулез. Когда он дома занимался, мы всегда уходили гулять: или в кино, или в цирк, старались ему не мешать. Иногда, бывало, скажет: «Идите в нацменклуб». Нацменклуб находился на Советской, или на Фрунзенской (что-то не очень помню), между Ленинградской и Кр. площадью на правой стороне. Там были секции всех национальностей: чувашская, татарская, мордовская, еврейская,

марийская и т.д. Каждая секция работала самостоятельно, ставили спектакли, были концерты и разные собрания.

Исаев был среднего роста, волосы черные, и товарищи говорили, что у него «Ворошиловские волосы». По характеру он был очень простой, разговорчивый, внимательный и всегда улыбался, любил шутить. Почему-то он не очень-то любил говорить о детском доме, однако часто вспоминал сестренку Зину, которая не вернулась из детского дома.

Исаев в Москве работал среди молодых рабочих в Сокольниках. Когда в 1923—24 гг. надумал ехать в Чебоксары, то денег у него не было. Г.Алендеев ему дал сапоги, чтобы продать на толчке-барахолке. А на барахолке подошел к нему мужчина и показывает, что с правой стороны якобы у Исаева брюки в грязи. Он обернулся или, вернее, оглянулся, и в тот момент с левой руки вырвали, утащили сапоги. Что делать? Сапоги утащили, а ехать надо. В Москве еще в то время работал или учился земляк Шевле. Исаев пошел к нему и рассказал, что было на барахолке. Шевле ничего ему не сказал и дал денег на мелкие расходы и на проезд. Шевле я тоже видела в Чебоксарах, работал юристом.

В Яльчиках Дмитрий работал немного, 6-8 месяцев. Мы с сыном приезжали к нему летом один раз на каникулы. После Яльчик он вновь стал работать в Чебоксарах. В педтехникуме он преподавал обществоведение, но недолго. Я уже была за ним замужем. Но все равно, когда он меня спрашивал, я стеснялась, часто терялась и краснела.

Я точно не помню, почему Исаев оставил работу в Самарском губкоме комсомола. Мы с сыном и с Настей жили в Самаре. Я училась и не могла оставить учебу. Я и так педтехникуму оставила из-за него. Когда училась в медтехникуме, он мне всегда говорил: «Когда кончишь техникум, то сознательно будешь ухаживать за мной». Он имел в виду свою болезнь. Действительно, я относилась к нему не как к больному, а как к настоящему здоровому человеку. До последних дней жизни мы жили дружно. Когда он тяжело заболел, то одно просил: «Не выходи замуж, одного ребенка сумеешь воспитывать» и пр.

Так случилось, что я все же повторно вышла замуж, от второго мужа имею 2-х девочек. Обе кончили институт и работают. Старшая Фаина в Ленинграде окончила Фин.-экономич. институт и 2-годичный парт. вечерний университет

с отличием, в данное время работает II секретарем Ломоносовского райкома партии Лен[инградской] обл[асти]. Дочь Зоя окончила Чебоксарский пединститут — ин[остранный] фак[ультет] — и по направлению Ленинградского облоно работает в Саперном, Лен[инградской] обл[асти], преподавателем по английскому и немецкому языкам и зав. учебной частью по внеклассной работе, тоже член партии. В Ленинград Зоя приехала по свободному диплому, т.к. Фая заранее договорилась о ее работе.

В Куйбышеве мы раньше жили по Рабочей улице, 55, а потом переехали на Казанскую (Обороны), 18, кв. 19. Этот дом раньше назывался Журавлевская мельница. Я лично никуда не писала об улучшении квартирных условий, молодая еще была. Если бы сейчас, конечно, походила и требовала ради спасения мужа. На самом деле квартира, вернее, одна комната была очень сырая. Почему Исаев согласился на такую квартиру, понять не могу.

В отношении помощи учащимися школы II ст., рабфака, совпартшколы, а также учителям по уходу за больным Исаевым я очень благодарна всем, но жаль, их фамилии не помню. Помню Нину Кузнецову, Зою Трофимову. Мне помнится, что Сергеев был студентом рабфака, и накануне смерти он ночевал у нас. Утром 18/IV мы с ним подумали, что с Исаевым лучше, т.к. он ночью не буянил (менингит). Тогда медицина еще не дошла до лечения этой страшной болезни.

Влас Паймен-Иванов часто приходил к нам, но я не интересовалась их разговорами. Придешь из техникума — уроки надо учить, в магазин сходить и другие домашние дела. Настя была еще молодая. Паймен, как человек, был душевный, веселый, разговорчивый, но у него в семье было неблагополучно. Жена Дуся очень ревновала и плакала, доходила до истерики.

Хочу добавить, что о жизни и работе в Москве хорошо знает Г.Т.Алендеев. Они встречались ежедневно. Когда еще мы поженились, Алендеев оказывал большую помощь (в деньгах). Жили мы с Алендеевым в Чебоксарах на частной квартире, занимали в передней 3 комнаты, и за все квартплату платил Алендеев. Жена у него Калюкова Пелагея работала инструктором женсовета в Ядрине, ЦК партии. Что дальше у них было, не помню, но факт — разошлись.

Что я могу сказать о себе? После смерти Исаева меня перевели работать в редакцию газеты «Колхозник», потом перевели в отдел кадров крайзу* секретарем. В апреле 1931 года нацменотдел Куйбышевского крайисполкома послал меня уполномоченным по выполнению хоз.-политических кампаний: проведение весеннего сева, выполнение финплана, коллективизация населения — в Челновершинский район. Время было трудное. В основном с возложенными обязанностями я справилась. Работала до августа. Потом предрайисполкома написал отношение пред. нацменотдела Г.Илларионову, чтобы направили меня инструктором по массовой работе среди чувашского населения. В этом районе проживали представители 4-х национальностей: чувашаи, мордва, татары, русские. Работая 5 лет в этом районе, я начала понимать татарский, мордовский языки. Бывало, поеду в татарский с/совет и секретарь с/совета учил, как будет по-татарски: хлебозаготовку выполнил — *икмек, акча, беренкё тутӑрдӑн-мӑ* и пр.

В 1937 году переехала в Чебоксары. Редактор газеты «Чӑваш коммуни» тов. Иванов П.И. устроил меня на работу сотрудницей в отдел торговли. Пришлось работать недолго. В сентябре-октябре этого же года переехали в Канаш по направлению второго мужа начальником Союзпечати. Там я сразу устроилась работать сестрой в детскую консультацию. Как началась война, 26 июня в Канаш прибыл первый эшелон с ранеными, и Канашский горрайвоенкомат мобилизовал на работу в эв[ако]госпиталь 3062. Когда прибыл с ранеными другой эшелон, местных медсестер военкомат отозвал из госпиталя и устроил на работу эвакуированных медсестер. В марте 1943 года при горсоветах, райсоветах были организованы отделы по государственному обеспечению семей военно-служащих. Зав. отделом Петухов К.В. знал Исаева хорошо и порекомендовал идти на работу в новый отдел на должность инспектора с окладом 550 рублей. Я пошла с удовольствием. А зарплата в консультации была 175 рублей. После окончания войны отдел гособеспечения объединили с отделом социального обеспечения, и тоже работала инспектором. В 1957 году оставила работу по просьбе своих детей. У сына Алика

* Крайзу — краевое земельное управление.

родилась дочь, невеста не хотела оставить работу. Внучка подросла и стала ходить в детский сад.

В 1962 году в октябре переехала в Саперное Ленинградской области. У дочери тоже родилась девочка, сама работала в школе, а муж был за границей. Так с тех пор и живу здесь.

(Воспоминания А.Г.Исаевой записаны по просьбе журналиста, исследователя творчества Д.А.Исаева и истории литературы Руфа Иштуова).

*П.Н. ЧИЧКАНОВ,
писатель, Украина
культурин тава тивёслё ёсченё,
Чăваш республикин тава тивёслё
художникё, халăх асчахё*

**«ВЁРЕН, АЧАМ, ВЁРЕН...»
(Нестер Янкас сиччен асăма килнё ўкерчĕсем)**

Пирвайхи хут хăсан илтрĕм-ши ун ятне? Ялти шкулта вĕреннĕ чух ёнтĕ. Вăтăрмĕш сулсенче. Çав вăхăтра пирĕн колхоз правленийĕ сĕменче самаях пуян кĕнеке пуххи пурччĕ. Хаçат-журналсем, кĕнекесем, тĕрлĕ альманахсем туллиехчĕ унта.

Кĕнеке пуххисен хуҫи, хамăр ялсемех, йăрă та вашават сын. Хайне хушнă ёсе юратса та тирпейлĕ туса пыратчĕ.

— Ак çак кĕнекене вула-ха. Ак çакна... Пит те илемлĕ у (пирĕн енче «вăл» вырăнне «у» теççĕ), — тесе, ашшăн-ашшăн пире тĕрлĕ кĕнекесем вулама сĕнетчĕ.

Пĕрисем, чăнах та, калама сук килĕшетчĕс, вёсне тухиччен килене вулатăмăрчĕ. Теприсене, қаçару ыйтса, тўлеккĕн каялла тавăрса паратăмăрчĕ. Ун пекки те пулнă пирĕн хушăра. Халь чăннипе калама та пултараймастăп: камăн кĕнекине эфир ытараймасăр вуланă-ши?

Мана ытларах савă кĕнекисем тата журналсем, вёсенче те савă пуррисем, килĕшетчĕс. Теприсене вара вăрçă сиччен сьрнисем, тата теприсене юмахсем, нихсан илтмен сёршывсем сиччен каласа кăтартнисем кăмăллăчĕ.

1933-мĕш сұлтан пусласа, пирĕн яла, умлăн-хыçлăн тенĕ пек, чаплă та пысăк хăнасем киле-киле тăма пусларĕс. Ку сұлхине пирĕн ял сьннисем ялпа ял хушшинче тата Аслă Қаçалтан Канаша сити лайăх та сарлака сұл тунă сёрте пётĕм вай-халне парса ёслетчĕс. Спиритун Шăпчăк кўршĕ ялта, Сиккассинче, «Канаш» ятпа пĕчĕк сес хаçат кăларса тăратчĕ. Эфир, шкул ачисем, сав хаçата ваттисене вуласа паратăмăр. Вёсем тёлĕнсе кайса итлесе ларатчĕс.

«Кам сырать-ха пирён ял сѝнчен сак хаҗатра?»

«Ўкерчѝкѝсене кам яту тавать-ши тата?»

Саван пек ыйтусем пире те тѝрлѝрен шухашлаттаратчѝс.

Тепѝр сѝлхине, кѝркунне вѝснелле, пирён пата Шупашкартан ятлѝ-сумлѝ ханасем персе сѝтрѝс. Халѝх сума сѝвакан чаплѝ сыравсѝсем: Николай Шупуссѝнни, Петѝр Хусанкай, Максим Данилов-Чалтун. Пирён ял сѝнчен калав-сѝвѝ сырас кѝмѝлпа ятарласа килнѝ-мѝн. Вѝсемпе пѝрле Кѝркури Данилов ўнерсѝ хисеплѝ сѝнсене сѝллѝ сѝрѝпа ўкерсе илесшѝн тата.

Эй, тамаша, кун пеккине пирён ялта ни ватти, ни сѝм-рѝкки нихѝҗан та курман, илтмен.

Пѝр эрне ыгла пулѝ хаклѝ ханасем ялпа, унѝн сѝннисемпе паллашрѝс, саванѝслѝ кѝссем туса ирттерчѝс. Яманкасси ялѝпе унѝн ѝсченѝсем вѝсене килѝшрѝс, сѝванпа вара пирён ял сѝнчен пысѝк кѝнеке сѝрма шухашласа хунѝ пирки ятлѝ-сумлѝ пѝлтерчѝс. Кѝна клуба пухѝннѝ халѝх чуна хурса йышѝнчѝ, кассѝн-кассѝн ал сѝпрѝ. Шупуссѝннин килпетлѝ сѝнѝ-пусѝ те, сѝпѝс те кѝмѝллѝ каласѝвѝ пурне те килѝшрѝс.

Аслѝ хана сѝмахне хѝйѝнпе пѝрле Чѝмпѝрте вѝреннѝ Кѝс-тенкки Иванов «Нарспи» поэмѝна мѝнле сѝрни сѝнчен пусларѝ те, вѝхѝтсѝр сѝре кѝнѝ ытти паллѝ ятсемпе халь пурѝна-кансем сѝнчен умлѝн-хыслѝн асѝнса калама пикенчѝ: Тайѝр Тимкки, Полоруссов-Шелѝпи, Ахах Иванѝ, Тал-Мѝрса, Сѝсѝл Мишши, Хумма Сѝменѝ, Федор Павлов, Илле Тѝхти, Федор Федоров, Иван Мучи, Трубина Мархви, Степан Лашман, Виктор Рсай, Николай Патман, Петѝр Хусанкай, Петров Юман, Андрей Петтоки, Митта Васлѝйѝ, Исаев Мѝтри, Кели Кѝркурийѝ, Максимов-Кошкинский, Петр Осипов, Краснов-Аслипе Кѝсѝнни, Илле Тукташ, Мѝтри Васлѝйѝ, Марк Аттай, Владимир Бараев, Спиритун Шѝпчѝк, Кузьма Пайраш, Максим Ястран, Нестер Янкас – сирѝн ял ячѝ майлах ун хушамачѝ. Чаплѝ сѝвѝс. Кун пек кѝтартса калани пурне те пит килѝшрѝ пулмалла – кѝмѝллѝн йѝл-йѝл кулни сѝссе кайрѝ, унтан тѝваллѝн ал сѝпни клуба кѝрлеттерчѝс.

Петѝр Хусанкай сѝкна сѝйѝнчѝх асра хѝварса, пирён ял сѝнчен сѝрнѝ поэмине «Яманкас юмахѝ» ят парса чыс турѝс. (Сѝвѝс ку поэмѝна мана халаланине палѝртни ѝмѝрлѝхе юлчѝс. Тѝпри сѝмѝл пултѝр ѝнтѝ унѝн Шупашкар масарѝнче.)

Николай Шупуссѝнни хѝйѝн кѝнекине «Сѝнѝ сѝпре» ят парса уйрѝм сыпѝкѝсене хаҗатсемпе журналсенче пичетлема

пусларё. Влас Иванов-Паймен, унччен маларах «Џёпре» ятпа пысак калав каларнаскер, эфир пёр-пёринпе 1971-мёш сұлта Кейўре тёл пулна чухне сакан пек каласа катартначчё: «Шупуцсынни манран касару ыйтначчё, – терё вал. – Эп апа: «Эй, терём, таванам, мухтанатап кана, пёр пекрех ят сиксе тухнаран...». Шел, тем пекех шел, сырса пётереймерё ыра япалине. Сапах та, синкер-сехмет кураччен, кёнекен тёл ятне улаштарма ёлкёрнё иккен: «Ишек» тенё».

Паймен каланисенчен хашне-пёрне (вёсем Н. Янкас синчен) каярахпа аса илесшён-ха эпё. Саванпа халь Янкамас ханисем пиркиех пуллем.

Петёр Хусанкай саввисене вуланя хысхан сёршыври тёрлё кётессенче пулса курни синчен каласа катартрё. Хумма Сёменёпе, М.Юрьев историкпе Туркестанра суренё, хай тёллён Азербайджанпа Грузире, Украинара пулна-мён. Мускавра, пётём Союзри сыравсён пёрремёш асла канашёнче пулни синчен каласа пачё. Максим Горький сёмахне чёререн хапалласа игленине палла турё.

Тепёр сұлхине пирён яла сёнё хана килчё. Хальхинче – пирвайхи ханасем ун ятне савса асаннаскер, Сёспёл Мишши тусё – Хумма Сёменё! Илемлёскер. Тёпёл-тёпёл кёлеткеллё. Таса тумланя. Куслыхпа. Сан-пичё, темле сарыхна пек куранчё. Ана-кана тёме юратаканскер тата. Вал пирён ял синчен «Ялхула» хайлавёпе, – шел, сыпаксем кана пичетре пулчёс, – «Ветсанитар Зайцев» очеркне сырса каларчё.

Хумма Сёменё кун таршшёпе тёрлё сёрте пулатчё: фермаёсенче, лаша паханасем патёнче, пёр кун пёр утара, тепёр кун тепёр утара ситсе саванатчё. Унна пёрле юнашар вара ветсанитар Зайцев хитре кёресе суخالне сатаркаласа пыратчё. Камалла сыравсёна сұл синче тёл пулакансемпе паллаштаратчё.

Кац кёлём сыравсё пёчченех киремет хырё патне кайса ларатчё те ял сине пахса киленетчё. Илемлёччё пирён ял. Ял хёррипе сёмсёшке Вёрам сырми лёпкан сугалса юхатчё. Ун хёрринче чиперккесем кёпе-йём, тутарсем саватчёс.

– Ханана кёрсе тухар! – тетчёс вёсем ыра камалпа сыравсёна.

Аста ёнтё «ханана» – эфир апа сарса илнё те, уйралса кайма та пёлместпёр.

Пире въл төрлѣ мыскарасем ҫинчен каласа кӑтаратчѣ,
сӑвӑсем вула-вула паратчѣ. Эпир хӑлхана чанк! тӑратнӑ та пӗр
сӑмахне те илтмесӗр юласшӑн мар, пит тимлӗн итлетпӗр.

Унтан каллех малалла утатпӑр. Ҫырма ик енӗпе лап-
сӑркка йӑмрасем хушшинчен пытанмалла вылякан ёшенчӗк
хӗвел пӗрре курӑнса каятчѣ, тепре ҫухалатчѣ. Мал енчи ут
кӗтӗвӗнче лашасем тулхӑрни илтӗнсе каятчѣ...

Мӗн тес ёнтӗ, ачалӑхри асӑмӑрсене пурне те асра упраса
хӑварайман ҫав. Халӗ куншӑн виҫесӗр кулянатӑп.

Тулли кӗмӗл уйӑх
Таҫсанах ҫавать
Сӗмлӗхпе хупланнӑ
Лӑпкӑ ҫӑршыва.

Ҫавал шывӗ – тӗкӗр –
Ёмет тӗпене,
Ҫыран тӑрӑх вӗтлӗх
Чӗхет кӑтрине.

Акӑ унӑн ешӗл
Кипки ӑшӗнче
Сасӑсем ҫӗкленчӗҫ
Кӑвайт кутӗнче.

Тӑлӑпа ҫӳресӗҫ
Унтах лашисем.
Тинкӗл-тинн юхаҫҫӗ
Шӑнкрав сассисем.

Кӗҫех юрӑ тӑсрӗ
Пӗри ушкӑнтан.
Вӗтлӗх ахӑлтатрӗ
Таврара – ян-янн...

– Мӗнле илемлӗ ҫаваш ялӗнчи каҫхи ӱкерчӗк! – терӗ
Хумма Ҫеменӗ анлӑн хӑлаҫланса илсе, ҫак йӗркесене асӑнса
пынӑ май. – Кӑна Нестер Янкас, питӗ вӑйлӑ сӑвӑҫ, ҫырни.
Унӑн манпа килес шухӑш пурччӗ, килеймерӗ, ерҫӗ ҫук вӑхӑт
сиксе тухрӗ...

Чӑн-чӑн сӑлтавӗ кунта мар пулнӑ тӑр-ха ёнтӗ. Ӑна хальхи
пур тӑнӑмпа ҫеҫ чухлатӑп пек туйӑнать: кашни ял ун чух, ӑна
тӑван ялне, ун урамӗсемпе пралукӗсемпе, ҫавсен пӗринче,
йӑмрасем айӗнче ларакан ашшӗ-амӑшсен кил-ҫуртне, унта

шакъл-шакъл пурәннине аса илтернө пуль, тетөп. Вөсен шәпи, ай, пит хурләхлә пулнә-ске...

Хумма Семенё хыссын, хәнана мар, пирён ялта пурән-ма, шкул ачисене – пире, паллах! вөрентме чавашсен паллә савәси Марк Агтай килчө. Эпир аңа юратса кетсе илтөмөр. Эп вара, Марк Терентьевичпа курнәсма кәмәл пур чухне: «Тетесем патне килтөм-ха», – теттөм. Вәл, паллах, ку йүтөм анчах пулнине сисетчө пулин те сивлеместчө, ыра чунлә кетсе илетчө.

Пөррехинче эп сапла вөсем патне пытәм. «Сак кунсенче, – терө Марк Терентьевич, – яла «Чапаев» кинофильм кәтартма килсөсө. Кәтарту пусланиччен савә каласа парсан сав тери лайәхчө. Саслә, пурте илтмелле пултәр. Сәвви питө хүхәм!»

Ку савә Нестер Янкас сьрнә «Чапаев вилөмө» пулчө.

1937 сұлта эпө Улатәрти художествәпа гравюра училищине вөрентме кетөм. Вөрөнү кунөсем пуслансан пөр эрне е тепөр те иртрө-ши, аслә классенче вөренокенсем пустарәннә класра сөнө сын курәнса кайрө. Тәваткал та ырманрах питлө, хура вичкөн куслә-сүслө, чавашла пит таса та сьпәсуллә каласать. «Сөнө учитель!» – шутларәм эпө. Класс аләкө каштах усарах юлнә та, унта каласнә сасәсем чипер илтөнөсөсө. Иртсе пыракан Елчөк ачи манпа юнашар чарәнса тәчө.

– Кам унта? – ыитрө вәл шәппән.

– Сөнө учитель пуль тесе шутлатәп.

– Чим, савәсем вулать вөт сав!

Тинкерүллө итлес кәмәләм хөмлөнсе кайрө: Сөсөл Мишши, Шелөпи, Элкер, Хусанкай, Шупуссынни, Митта Васлейө, Тукташ, Ивник ячөсем тата урәххисем те пулчөс, пурне те астуса юлаймарәм. Кури те пусне кәна сулларө.

Пәртакрән «учитель» вөренокенсемпе кәмәллән сьв-пуллашрө те, хаһатпа тирпейлө чөркенө хутсен пуххине хул айне чиксе, тухса та кайрө. Унпа пөрле Александр Лукьянов, Николай Львов, Калистрат Волков аңа аһатма тесе тухрөс. Эпир аран пәрәнса өлкөртөмөр.

Төпөр кунне эпө Лукьяновран: «Кам пулчө-ха сав өнерхи сын?» – тесе ыитрәм та: «Нестер Янкас вәл!» – терө.

– Ан төлөңтер, чәнах-и?! – тесе персе ятәм вара.

Төрөс иккен, вәл сөнө көнеке кәларас пирки Улатәрти типографине ятарласа килнө имөш.

– Пирёнтен вара, кёнеке ятне – «Савăсем» – тенине гравюрăпа касса пама тархасласа ыйтрё: «Вăхăт пит кёске, тавансем!» – терё. – Эпир вара, кун пек ёсе Володя Стрежнев – вырăс ачи – тавать те, тўрех савна сёнтёмёр, – пёлтерчё мана Лукьянов. – Хай вăхăтёнче Янкас кунти типографире те ёсленё-мён. Савна пула унта ун пёлешёсем те сахал мар, – терё. Кёнекене хавъртрах каларма сáмах пани синчен саванса пёлтерчё.

Чáнах та, 1938 сұлхи Сёне сула савăсен кёнекине пичетлеме пур ёсе те туса пётёрнё пулать. Элкер ыйтнипе Янкас Улатара тепре те килсе кайни синчен илтрём. Анчах мана áна курма телей пулмарё. Тен, въл пирён училищёне кёрсе тухма ерсу те тупайман. Áна-káна пёлейместёп.

Нестер Янкас пухса каларнă «Савăсем» кёнекене эпё хам пирвайхи хут Шупашкара ситсен 2 тенкё те 85 пус тўлесе туйнтам. Сав кёнеке – тавтапуç, халь те ман кёнекесен пуххинче!

Максим Ястран ман алра шупка кáвак хуплашкаллá кёнекене курчё те, ун пирки тем те пёрсем каласа пётёрчё. Эп тёлённипе чул пек хытса кайрам.

Янкас уншán шутсар силленсе ситнё пулнá имёш. Сáлтавё – хулáм кёнекерен сўхешке кáна тáрса юлни тарáхгарнá áна. «Сатма тулли кáпáшка пашалу вырáнне, сўхе пёлём сес тухса кайрё», – тенё пулать. Ара, унта Шупуссынни, Хусанкай, Митта, Паймен тата ытти сумлá-ятлá савăсен япалисем пулмаллаччё-мён. Кёнеке тухиччен икё-виçё хут та малтан пёрин, унтан тепёрин сáввисене калара-калара пáрахнá тесе пёлтерчё мана Ястран, иксёмёр хушшáмáрти вáртáнла-мёнле калаçура.

– Асту! Кун синчен никампа та пёр сáмах ан пултáр! – терё Ястран ун чух мана сирёп асархаттарса.

Нестер Янкас...

Эй, ыра чунлá Чáвашáм!

1939 сұл ситрё. Ку таранччен Сире иксёлми хўхём сáввусем урлá, лайáх сынсем калани урлá кáна пёлеттёмччё. Халь хам куспа хам куратáп, хам хáлхампа хам илтетёп: мёнле Эсир пысáк та илемлё сын! Паян кун та Эсир ман умра, нихáсан та сұхалас сук.

Асран кайми ку тёлпулу Шупашкарти 1-мёш номерлё типографинче эпё корректорсен цехёнче (унччен эпё, ун

пекех, саспаллисем те пухса курнă) ёҫлеме пуҫласан пулчĕ. Вăл Михаил Алексеев аслă корректорпа пĕр кĕнеке пирки калаҫма издательствăран типографине аннăччĕ. Пўлĕме кĕрсен кашнине ал парса тухрĕ, саламларĕ. Ман патăма ҫитсен: «Эй, ҫамрăксем нумайланса кайнă-ҫке сирĕн... Тур патър!» – терĕ Янкас.

Эп нимех те калаймарăм, хăюсăррăн ал панипе ҫыр-лахрăм пек астăватăп...

Янкаспа Алексеев кĕнекепе ёҫлесе ларнă май, пĕр вĕ-сĕмсĕр тенĕн тапак туртса мăкърлантараҫҫĕ. Пўлĕм маччи чылай ҫўллĕ пулсан та, тĕтĕмĕ сĕвемĕн-сĕвемĕн пуҫ тăрринчех явăнса ҫўрет. Ҫак вăхăтра каҫхи пўлĕмре ёҫлекен Андреева ятлă чиперкке корректор ёҫе килчĕ. Апа пўлĕмри кăвак тĕтĕм пĕртге килĕшмерĕ пулмалла:

– Ах Турă, сирĕнпе! Эсир килте те ҫапла хăтланатър-и? Маткусем мĕн калаҫҫĕ?! – терĕ ҫав чăннипе тарăхса кайнăскер.

Янкас, чăнах та, пит вирлĕ туртатчĕ ёнтĕ пирусне. Ал-линчи ик пўрни сарăхса кайнăччĕ, ёнтнĕ пекех. Ястран ун пирки: «Ўпки чирлĕ, пирус туртсан, сывлама ҫамăлрах тесе шутлать, мăнтарăн», – тетчĕ. Максим тĕрĕсне каланă пуль, тетĕп. Вăл хвершăлсене хатĕрлекен техникумран вĕренсе тух-нăскер. Апа-кăна чухлать пуль.

Ситес тĕлпулу Семен Ваҫилчă Элкер патĕнче, ун ёҫ пўлĕмĕнче пулса иртрĕ. Тарас Шевченкон чăвашла тухмалли кĕнекине калăпланă чух пулчĕ. Эп хам куҫарнă сăвва Усли Ваҫлейне кăтартрăм та вăл мана Элкер патне кайса пама хушрĕ:

– «Кобзарь» редакторĕ Семен Ваҫилчă! – терĕ.

Унччен Усли хайĕн сĕтелĕнчен Кейўре украинла тухнă «Кобзарь» кĕнекине илсе, страницисене уҫса тухрĕ те ҫав сăвва тупрĕ, апа куҫарупа танлаштарса пăхрĕ. Сăн-пичĕ ҫинче ҫийĕнчех савăк кăмаллăх вылярĕ.

Эпĕ, савăнса кайнипе, урам урайне тивнине те, «Чăваш Коммуни» хаҫат редакцинчен таваттамĕш хута – Чăваш кĕнеке издательствине – хăпарнине те сисмерĕм.

Семен Ваҫилчă Элкер. Ман кун-сулăмра тата тепĕр пысăк ят. Халиччен мана унпа паллаштараканĕ, унпа ҫывăх-латаканĕ, унăн «Хĕн-хур айĕнче» поэми пулнă. Анчах Шупаш-кара килнĕренпе юнашар тăрса сăмах-юмах вакласа курман-ха, инҫетрен ҫеҫ е урампа пынине, е уксахласа Пичет ҫуртне

кёрсе-тухса сўренине куркаланя. Малтан кенекесенче пулна ўкерчәкрен илтәм. Пәртакран Герасим Харлампьев: «Ав, Элкер кәштәртатса пырать, пәлетни?» – тесе алне сулса кәтартрә...

Халь, труках ун умәнче!

Кәпәшка кәтра сўслә, сап-сутя та сарлака сәмкәллә, сән-пичә тәрхаларах, тути сылтәм еннелле туртәнарах ырнашнән курәнәть, янахә тәрәклә те шөвәртерех пек. Кус-пусә сәлтәр пек, анчах вуланя-сырнә чух кусләхпа. Түрә сәмси кәшт қасәрланса сәкленнә. Каласәвә киләшүллә, сасси хуламах мар. Хәйне вәр-вар тытакан сын теме сук, ләпкәскер. Иртнә вәрсәра пулни унран нихсан та хәпас сук – туяпа, урине йывәр амантнәран... Семен Элкер патне эп питә шәппән та, хәюләха тақта сүхатнә пек кәрсе тәтәм. Вәл кунта пәччен мар, унпа пәрле тата икә сын пур. Пәри – Нестер Янкас, теприне пәлместәп-ха. Янкас кәллә-мәллә уткаласа сўрет, пирусне мәкәрлантарәть.

– Сирән пата сәнә сәвәс килчә, Семен Вақилчә, – персе ячә Янкас чеелле куәне ылятса.

Чәннипе кәлатәп: эп кәнт хытса кәйрәм. Кунччен эп унпа сәвәсем пирки нимле сәмах та вакласа курман-сәке. Туйәм-сисәмә вичкән пулә-и унән е эпә Усли Вақлейә сінчен асән-нине кура сапла ят хучә-тәр, терәм вара хам әшәмра.

– Пирән типографинче, Михаил Алексеев патәнче, әс-лет, – терә Янкас, ман кәмәла сәмсетес тесе пулә.

Семен Вақилчә ылтән кәшәллә кусләхә сийән чәрр! пәхса илчә те:

– Ларәр-ха, тархасшән... Эпир кунта васкавлә әсә вәс-леме пикәннә-ха та, қасарәр... – терә вәл. Унтан Янкаса ман куқарәва вуласа пәхма сәнчә.

Әс қапла килсе тухрә те, эп куқа Элкер сінчен илместәп. Вәл мана ситәнсе пыракан сәмрәк пек шутласа кәлани чунәм-кәмәләма пит сәклерә.

Хәльхинче Янкас ман сине әшпиллән пәхса илчә те хәйпе юнашар пукан сине ларма кәтартрә.

– Мән ятләччә-ха әс? – ыйтрә вәл сәв хушәра.

Эп, сәссәм пачах сүхалнә пек, аран хам ятәма пәлтертәм.

– Юрать, юрать... Яту та хушамату майлах тулли пултәр. Пусламәш сәспәллипе сәс сүрлахас мар, – терә те Янкас, сәвә әйәнче қаранташпа ятәма туллиех кәтартса хучә.

Янкас қасәкланса вулама пикәнчә.

Вунвиçё йёрке – мён чухлэ вуламалла а́на? – шутласа ларатап э́пё.

Вáл вулать-ха. Иккёмёш хут та вулама пикенчэ пек туйáнчэ.

– Эс мён, украинла пёлетним? – те тáрэхласа, те чáннипех çавнашкал шутласа, мана шáтарас пек куспа пáхса бйтрэ Янкас.

Тёлёмелли пур ёнтё: э́п ун чухне вунçиччёне кáйнá яш ача кáна.

Э́лкер Янкасáн çивёч сáмахне те итлерё, те çук – шарла-марё. Э́пё вара пирён килте украинсем çинчен каласасси тата вёсен ташши-юрри уйрáмах хисеплэ вырáнта, терём. Шевченко «Кобзарьне» атте хáй Таври кёпёрнинчен таврáнна чухне илсе килни çинчен асáнтáм. Кунсáр пуçне, хам Улатáрта Федор Семенович Быков гравер патёнче вёреннё вáхáтра унта икё украин ачи манпа туслá пулни çинчен каласа кáтартрáм. Сáмах тёлне, виçём сул хáйне, пирвайхи хут, çавáнта нехекрен курнине те асáнмасáр хáвармарáм.

Вивчар вивци гаяе
Ой, по горі, по горі,
Вивчар вивци гаяе
Та на хлопців гукае

– Ку та Шевченко сáввиех-и вара?

– Ку пирён килти яланхи юрá... Атте Украинáран вёренсе килнёскер.

– Тёлёмелле! Тёлёмелле! Чáвашсем мёнле-ха вёсем, тем те пёр пёлесçё, – тесе Янкас пуçне сулкаласа илчэ. Çавáнтах тем аса илсе: «Эс мёнле, вёренсе те тухнá-и вара Быков патёнчен?» – тесе бйтрэ.

– Çук-ха, – терём ўкёнсе.

– Вёрен, ачам. Вёрен... – ассáн сывласа илчэ Янкас. – Ман вёренёвён керменне темле эсрельсем маншáн хупса хучёс те, пётём ёмётём-раскалáм пётсе сунчэ... Хам тёллён сёкленме сунатáмсен тёрекё, ай, сителёксёр! Çапах та Самарта пулни пит пулáшрё: ы́рá сынна, а́слá-пуслá сынна тёл пултáм. (Кáна вáл Влас Пáймена асáнса каланá пулнá, анчах э́п ун чух кам пирки каланине пёлеймерём. Ятне калама шикленчэ ёнтё.)

Çапах та манран аслá сын, сáкáн пек чуна у́сса панинче, э́пё ун чёринче чáтайми ўпкелешў – паян-ёнер мар, тахçанах кёрсе вырнаçнáскер, а́на канáç паманнине сисрём.

Те эпё шайп ларнйран, те Семен Ваҫилчй умёнче аван мар тесе, вай тин ҫеҫ хёрсе кайнй ўпки-сапине самантрах таҫта аякка вёҫтерсе ячё пек курйнчё. Мён-ма ҫакнашкал калаҫу пусланса кайнин йўтёмё мёнре пулнине пёлеймесёрех юпйам.

Тата тепёр авйкран вай эп куҫарнй савва тепре пйхса тухрё те:

– Хё! Аванах, ачам... Чисти аван. Якатмалли – пур пек. Тепёр тесен, капла та калама юрать... Сьляхё ҫук. Кун пирки Семен Ваҫилчй калё, вай асли, – терё Янкас ййлтах ҫемҫелсе.

(Савй кёнекере тухрё. Савйнтйам, калама та ҫук! Халь те савйнтайп. Анчах такам вара пёр тёлте путлё «якатайман» – савй мана пйшйрхантарчё...)

– Хйш енчисем пулатйн-ха? – ййтрё Янкас, сймахй-мйрсем виҫсёмёр хушшинче вёҫленсен.

– Канаш леш енсем.

– Ҫеҫпёл Мишши таврашё мар пуль те?

Хам вара, Янкас мана пиллесе: «Вёрен, ачам. Вёрен!...» – тенине асйнса лартйам. Мёнле савна манйн? Манма май ҫук – тйван пичче пек чун-чёререн каланй ырй сймахсене. Вёсем манпа, тахҫантанпа, тахҫантанпа.

– Ҫ-у-ук!

1952 ҫулта, эп Шупашкара хйнана килсен, пёррехинче мана Петёр Хусанкай: «Паян Семен Ваҫилчй патне каятпйр, кётет!» – терё.

Ҫавйн чух, аслй савйҫпа тепёр хут паллашнй чух, эпё чйваш савйҫсём 1939 ҫулта Шевченко «Кобзарьне» чйвашла кйларма питё васкаса ёҫленё вйхйта аса илтём. Паллах, Нестер Янкаспа калаҫнине те асйнмасйр иртмерём. Усли Ваҫлейёпе Иван Ивник Украинйран пысйк парнесемпе таврйннине асйнтйам та:

– Мана та митал илсе килнёччё вёсем. «Пилёк пуслй ёлёкхи вак укҫа пекчё-ҫке!», тетчё йна... пёрскер, – тесе каласа пама пикеннё Элкер труках шйпйрт пулчё.

Эп йнланаймарйам. Пёрин ҫине, теприн ҫине пйхатйп: Алексей Талвир пурччё те, вай та темёскер урйххи ҫинчен пуплеме пусланйччё пулас. Хусанкай та шйпах, куҫ-пуҫне усса ларать...

Вара киле таврйннй чухне, ҫул ҫинче, Хусанкай мана мён пулса иртни ҫинчен шйппйн-шйппйн пёлтерчё. Эп унчен

Нестер Янкас вӑрҫӑра пуҫне хунӑ пуль, тесе шутланӑчӗ. Ули Ваҫлейӗ пирки йывӑр сӑмахсем пуррине те пӗлменчӗ.

1940 ҫулта Чӑваш Республики 20 ҫул тултарнине палӑртма хатӗрленӗ чух, эп каллех Шупашкара ҫитрӗм. Каникул вӑхӑтӗнче ӗнтӗ ку. Такам мана унта кайма кӑчӑкларӗ. Тен, Саша Родионовпа Виктор Жилиев — Шупашкар ачисем, манпа пӗрле Улатӑрта вӑренекенсем. Тӑрӑс. Ҫавсем. Тата Петя Кулагин (вӑл икӗ енӗпе пултарулӑчӗ: ӱкерме, юрлама — 1970-мӗш ҫулсенче Украинӑра бандуристсен капеллинче пӗр хушӑ юрласа пурӑнчӗ).

Чӑвашсен тӗп хулине ҫитсенех, вӑсем мана Моисей Спиридоновпа Никита Сверчков патне илсе кайрӑҫ. Лешсем ун чух юбилей тӗлне уҫӑлмалли пысӑк выставка валли экспонатсем хатӗрленӗ ҫӗрте чи аслӑ художниксем пулса ырми-канми ӗҫлетчӗҫ.

Ҫапла вара элӗ ҫав выставкӑна хатӗрлес енӗпе унта пӗр эрне ӗҫлерӗм пулмала.

Ҫавӑн чух чӑваш художникӗсен тахҫанхи чаплӑ тусӗ — сӑвӑҫ та художник Павел Радимов Мускавран хӑйӗн выставкине илсе килнӗчӗ. Ӑна Роза Люксембург урамӗнчи пӗр ҫуртра йӑркеленӗчӗ. Ун выставкине усӑна кун унта лӑк тулли халӑх хӗснӗ пек пуҫтарӑннӑчӗ. Художниксем, студентсем, ҫыравҫсем, артистсем, хулари ыгти палӑ ҫынсем туллиехчӗ.

Павел Радимов — лутра та нӑкӑскер, ҫаврака сӑн-питлӗ сын, сарӑ вӑрӑм ҫӱҫне хыҫӗнче кӑшӑлласа каснӑ — ӗлӗк чухнилле ӗнтӗ. Каласма пит маттур каласать. Моисей Спиридонович пухӑннӑ ҫынсене унпа паллаштарать: «Пирӗн тус Сергей Есенин ӗнтешӗ», — тесе пӗлтерет. Вара хӑнана пурте тӑвӑллӑн ал ҫупса чысларӑҫ.

Мускав хӑнийӗ хӑйӗн ӗҫсемпе паллаштарчӗ, кашни япали ҫинчен мӗн те пулин каласа кӑтартрӗ. ӱкерчӗкӗсем тата пурте пӗчӗк ҫеҫ — аннен ҫамах турамалли бӑвӑсӗ пек. Пит те килӗшӱллӗ, кашни хӑхӗм!

Радимов хӑйӗн каласӑвӗнче тусӗсем ҫинчен те асанмасӑр иртмерӗ. Вӑсен хушшинче Владимир Маковский, Илья Репин, Митрофан Греков, Исаак Бродский, Николай Фешин пулнӑ. Ку шутрах — Алексей Кокель, Юрий Зайцев, Моисей Спиридонов, Никита Сверчков, Николай Александров чӑвашсем.

Кӑмӑллӑ сӑмахне вӗҫлес умӗн Павел Александрович Радимов хӑйӗн темиҫе сӑввине каласа пачӗ. Ҫавӑн чухне Нестер Янкас ун сӑввисене чӑвашла кӑҫарас пирки сӑмах пачӗ, хӑй

те хана саввисене кушарма пулчĕ. Кунсăр пуçне, Радимовпа Кокель çинчен «Сунталра» илемлĕ очерк асаилу сурса пама калаçса таталчĕ.

Выставкана килнисем хушшинче Иван Ивник, Ваçлей Ржанов, Илле Тукташ, Никифор Ваçанкка, Митта Петĕрĕ, Александр Калкан пулнă пек астăватăп. Ку çул тата Нестер Янкас çав тери кăмăла каймалла калавсем умлăн-хыçлăн пичетлерĕ. Мана уйрăмах «Катя» калавĕ чун-кăмăла килнĕччĕ.

«Катя» калаври тĕп сăнарсенчен пĕри — Гриша — Ромен Ролланăн «Жан-Кристофне» вулат. Ахаль мар ĕнтĕ ку — Янкас юратнă çак сыравçан япалисене. Ахăртнех, вăл тăрăшнине хĕрĕхмĕш çулсенче «Кола Брюньон» романран илнĕ пĕчĕк сыпăк «Юспике» ятпа чăвашла тухнăччĕ. Ун пирки вара чылай шавлă калаçатчĕç. Кам пулнă çавна куçараканĕ? Астумаçтăп. Тен, Нестер Янкас?

Нарăс уйăхĕн пирвайхи çур пайĕнче-ши — ку 1941 çулта пулчĕ, пире, художество училищинче вĕренекен пĕр-ик студента, Леонид Никонорович Родионов — Чăваш академи театрĕн сĕнĕ режиссерĕ, «Хĕн-хур айĕнче» поэма тăрăх лартнă спектакльте пулма çенсе илчĕ. Кун пек килсе тухассин тĕп сăлтавĕ театр училищинче вĕренекенсем хĕллехи каникулра пулнăран килчĕ.

Тўрех каласа парам-ха. Паллах, пирĕн вылявăмăрсене курма тесе мар, ку каç ятлă çынсем театра килнĕ — Семен Ваçилчă Элкер кăмăльшĕн ĕнтĕ.

Сапла вара эп И.Максимов-Кошкинские, А.Калкана, Н.Янкаса мăшăрĕпе, «Еçхĕрарăмĕ» журналра ман очерксене пичетлекен Ехрем Иванне асăрхарăм. Тен, ун пек çынсем та-тах та пулнă-тăр. Кусем те пурте пĕлĕших мар мана.

Спектакль хыççан сыравçăсемпе Андрей Демидов тўрех килелле васкани туйăнмарĕ. Атăл хĕррине тухса кăштах усăлса çўреме шутларĕ-тĕр. Çанталăкĕ, хĕл пулсан та, сиввине кăтарт-марĕ. «Çил ачи йăлăмри хăвасен хўттинче сĕр каçать пулĕ», — палăртрĕ такам тата.

Эпир Кĕçтук Кольцовпа ушкăна хуса çитнĕ чух сăмах-юмах спектакль çинчен пынине илтрĕмĕр. Кашни мĕн те пу-лин каласа хурать. Ытларах вара Тевенеш — Борис Алексеев, Чакка — Леонид Семенов вылявĕ килĕшни палăрчĕ.

— Тевенеш — чăн-чăн чăваш мучийĕ: аслă-пуçлă, кирек мĕнле чух та майне пĕлет, — тет Максимов-Кошкинский. Çа-вăнтах Чакка — Семенов пирки те асанмасăр иртмест: — Чаплă

артист! Пит чаплă та чаплă, сунне кура мар пултарать. Тур панă. Маттур! Ахаль мар-мён Элкер уншăн саванать...

Иоаким Степанович тата та тем калать, анчах пурне те илтейместпёр, унпа юнашарсем сăмаха хутшăнса кайни кансёрлет. Кёс эфир малтисемпе пёрре сывăхланатпър, тепре вёсенчен кăшт кая юлса пек пыратпър.

— Эс, ами, камит кăтартма та мастър-ис! — илтёнчё Янкас сасси, кётмен сёртен эфир унпа сывăхрах пулса тăрсан.

Ыттисем илтрёс-ши кăна, сук-и, Кёстук Кольцов ёлкёрчё иккен сав сасă хумне тытма:

— Ачи пултарать-ха въл. Эфир а́на Степан Яратайпа (кайран — Аслан) иксёмёр тупрамър...

Янкас тем аса илчё пулмалла та:

— Эс Быков патёнче вёренеттён мар-и-ха? Халь тата сасартăк мán сухаллă камитсё?

Мана ку сăмахсем пёрре хёртсе, тепре сивётсе ячёс пулсан та, эп тўрех тавърса калаймаръм. Кольцов каласăва татса пачё:

— Вёренет...Никита Кузьмич халь ун учителё, — терё ман тусъм.

— Апла — мухтатап! Вёрен, ачам... Вёрен... Тулькă, салтака илсе каймёс-и?

Сак сулах, ака уйăхён 8-мёшёнче, эп йёркеленипе, пирён патърта — художствапа театр училищинче ёнтё — чăваш поэзийё снчен пысăк каласу пулса иртрё. Каласăва Сёспёл Мишшин сывăх тусё Никифор Вақанка пусларё. Въл пёр вунпилёк минута яхán пулё, питё кăмала килмелле, чăваш литературипе а́на чуна парса тăвакан сыравсăсем снчен а́шă сăмах тухса каларё. Паллах, каласăвăн пусламăшёнче Константин Ивановпа Сёспёл Мишшин сута ячёсем пулчёс. Унтан вара хайён паянхи юлташёсемпе тусёсем снчен кёскен те пулин каласа пачё. Хаш-пёрин саввисенчен уйрам сыпакёсене пăхмасăрах асана-асана илсе пире тёлентерсе ячё.

Петёр Хусанкай калашлёрех каласан: калттин-калттин сепёс кёслен те, хутлам-хутлам хут купасан та, тўннки-тўннки паратпанан та янăрарё пирён хана сасси.

Эфир, саваннипе, тăтăшах тавъллан ал супса а́на хисеплерёмёр.

Вақанка хыссын чăваш халăх савасё Семен Василчă Элкер хайён шухашлă пичё-кусёнче йъл кулса илнипе сўталса кайрё. Пирён сине кăмъллан пăхса, пире а́шшан саламларё.

Лайкән та тўлеккән, сассине ытлашши хават қўмесёр тата мухтанмасёр, каппайланмасёр, сәпайлә иртнә, ытла та йывәр пурнаҫе синчен, таван сыруләхри тертлә ёҫе-хәлә пирки каласа кәтартрә.

Ҷав вәхәтра залра миҫе-миҫе студент лармастчә-ши — пёр сасә та тумарәс, шап пулса итлерәс.

Семен Элкер, студентсем ыйтнипе, «Хән-хур айәнче» поэмине мәнле сырни синчен, унти тәп сәнар Чакка-паттәр синчен каланисем пурне те киләшрәс. Хай иртнә вәрҫәра пулни синчен асанни тата виҫесёр чәрене тивмелле пулчә.

Ана Карпат тавәсем патәнче йывәр амантнә иккен. Ҷавән чух ыра кәмәллә гуцулсем виләмрен ҫалса хаварнә пулас чаплә чәваш сәвәсине.

— Чунтан-вартан тав таватәп ҫавсене. Нихсан та манас сук! — терә Семен Ваҫилчә.

Пирән телпулуран нумай та вәхәт иртмерә, ҫәнә вәрҫә кәрлесе ҫәкленчә.

Нумай чәтма тиврә, ваттине те, ҫамрәккине те...

Ятлә чәваш сәвәсисене итлесе ларакан студентсенчен чылайәшсәсем, салтак тумәсем тәхәнса, вәрҫә ҫуләмәнче ҫунса, пәтсе, паттәрсен виләмәпе ҫап-ҫамрәк пуҫсене хучәс. Эп те, фронтсен йывәр ҫуләсемпе лайкә Дон сырми патәнчен Берлина ҫитиччен кәрешрәм. Пёр тапхәрта, телех тата, пирән Элкере виләмрен ҫалса хаварнә Карпат гуцулсене ирәке каларса, вәсене чәваш сәвәси ячәпе саламлама май килчә. Савәнтәм, шутсәр!

Вәрҫә вәсәнче Семен Ваҫилчәран кәмәллә әшә сыру та илтәм. Тур пачә, темиҫе ҫултан унпа ҫәнәрен тел пултәм. Туслашрәм. Атәл леш енчи кану ҫуртәнче (Хусанкай та пирәнпе) пәрле сывләхсене тәреклетрәмәр. Эп ун сәнне кәранташпа үкерсе илтәм. Вәл әшә сәмахсем ҫырса хайән кәнекине парнелерә.

Шутланә-ши эп ҫапла килсе тухасса, хамән юлташәм-студентсемпе таччән юнашар ларса, каллех Хусанкай каларәшле — пирән саманари чәваш сәвәсисен ҫалтәр ушқанне пәрлештерсе, ҫутә парса тәракан халәх йышәннә Элкер ҫалтәра курасса, ун тәпеләнче хәна-вәрлеллә ёҫкә-ҫикәре пуласса?!

Художество училищинче вәренекек пёр-ик студент Элкер каласнә вәхәтра сәвәса үкерсе илме тәрәшрәс, тата теприсем Ваҫанкка, Тукташ, Янкас сәнәсене туса ларчәс.

Элкер хысқан Илле Тукташпа Нестер Янкас хайсен
саввисене каласа пире савантарчәс.

Саван, саван, саврак чуням,
Вирләрех тап, яш чәрем!
Каварлан, хәмлән эс, юням,
Кунсерен хәрсе вәре! —

тесе вәслерә Тукташ, саввисемпе кәмәллән паллаштарна
хысқан.

Шуҗ та лар эс ман сума
Именмесәр, ютшанмасәр.
...Юратап эп чуптума,
Чуптумастап юратмасәр.

Пирән хәр ачасем қаҗса кайса ал сүпрәс Янкас хай сәмахне
сак савпа вәслес тесен. Вәл вара тата пәр-ик хайлавне каласа
кәтартрә. Эп те, хәрсенчен юлас мар тенә пек, «Чапаев виләмә»
саввине калама сәнтәм. Хирәслемерә, чәрене тивмелле кала-
са пачә.

Ана тимлесе, савса итлесе ларна чух ман асама хаман
юратна учителәм Марк Аттай савранса килчә. Ун кәмәлне пу-
ла-ске эпә шукулта вәреннә чухне Янкасан сакә саввине пәх-
масәр каласа панәччә.

Унтанпа миҗә сул әнтә? Аста-ши Марк Аттай?...

Тәлпулу каҗән малтанхи пайә пына вәхәтра, кәтмен-
туман сәртен тата сакан пек япала сиксе тухрә. Янкас хай
кусарна Тарас Шевченко сырна «Пәрре Нева хәррипеле...»
савва каласа пачә те унтан сапла каласа хучә:

— Халә виҗә сул каялла Тарас Шевченко «Кобзарьне»
чәвашла кәларас енәпе пирәнпе пәрле тәрәшса әсләнә (ман
ята асанчә) хай кусарна савва вуласа парать, — терә түлеккән
йәл-йәл кулса.

Ак тамаша! Эп те шурапса, те хәрелсе кайрам сак
самантра, пәлместәп. Студентсем кассан ал сүпса ячәс.

Такам хай сәмахәпе тәртсе илмесәр чәтаймарә:

— Ят-шыв пур иккен — шарламастан!...

Аран-аран хәюләха тупса сцена сине хәпартәм та вуласа
патәм вара хам кусарна Шевченкон «Вут сүти сунать...» ятлә
саввине.

Те чиперех вуларам, те сук – халь усамля мар аставатап. Семен Вашилча Элкер, Усли Васлеийе Иван Ивник Украинана кайса килни синчен, унта вёсем пысак ханасем пулни синчен камаллан каласа пани асамра, паян кун та.

Кун хысқан театр училищинче вёренекенсем Даша Столярова, Василиса Алексеева, Шура Енцова, Миша Антонов, Георгий Александров төрлө камитсем катартса пачёс. Музыка училищинче вёренекен Виктор Родионов (чылай кайран Раçсей халәх артисчө пулнаскер) виолончельпе пит сепёс кёвёсем каласа пачё.

Ханасем савсене хөпөртесе итлерёс, саванчөс. Студентсене лайәх вёренме, ыра, телей сунса әшә сәмахсем каларёс. Пирён студентсем хай вәхәчөпе ханасен сәнөсене үкерме сәмах пачёс. Савасем, паллах, сөнө те сөнө савасем сырма пулчөс. Саканпа пирён патәрти чаваш литературы касё калама сук илемлө те әшә камалпа вёсленчө.

Сакансар пусне әпө Янкаса миё хут курна-ши? Түррипе каласан, нумай мар. Училищөре тек-текех унта-кунта тухса сүреме вәхәт сукрахчө. Хаман пур-сук саввамсене Янкаса пөре те катартман. «Сунтал» валли пулса ситейменскерсем, вайсарскерсем тесе шутланә. Темие сул иртсен, сав саввамсене (сыхланса юлнисене) пөр халәх савасне катартса пәхрәм. Сав пөр япалам айөнче: «Питө аван!» – тесе сырса хучө, ал пусрө...

Үкерчөксем тавасси синчен каласусем пулначчө. «Капканра» пөр линогравюра тухсаччө пек аставатап. Нестер Янкас мана Хумма Семенөпе Сөспөл Мишши сәнне туса пама ытнәччө. Ыра сыннан камалне вәхәтра тивөстөрсө параймарәм... Кулянатап.

Ас илтөм тата пөр япала: эфир, студентсем, Карл Маркс урамөн сылтәм енөпе хәпараттамәр. Манпа пөрле Миша Антонов, Алексей Трофимов (пулас художник те юраçә), Георгий Александров. Тасталла кайма тухна вара, тепөр енөпе Шелепи арәмөпе, Анна Григорьевнапа, Янкас, Иван Мучи анаталла хулен утатчөс. Шәтәлтатса каласса пыратчөс. Шелепин синсө сасси ытларах илтөнөтчө. Иртен-сүренсем савранса вёсем сине пәхатчөс. Чаваш халәхөн әсчахөсене пурте юратна ёнтө. Тен, хәш-пөрисем пирвайхи хут курна.

Эфир те утма чаранса, пәхса тәрса юлтәмәр.

Кунө хөвеллөччө. Әшә...

1941 сұлхи сөртме уйәхөн 22-мөшөнче, ырсарникун,

эпир театр училищинче вѣренекен Василиса Алексеевапа (питѣ пултарулла пулас артисткапа — чаваш Ермолови! — сапла калатчѣс ун синчен) пуйаспа Шупашкартан тухса кайрамѣр. Савнѣ чиперккем Ишлей умѣнхи пѣчѣк чаранура анса юлчѣ, эпѣ Улатара каякан хѣрсемпе Канаша сити вѣстертѣм...

Анчах «вѣсевѣм» чѣтма сук хурлахла пулчѣ: пѣтѣм тѣнчене усал та хаяр вѣрсѣ вучѣ хыпнѣ иккен!

Урѣх Нестер Янкаса курасси пулмарѣ. Вѣл сукки пирки, маларах каланѣ пек, 1952-мѣш сѣлта пусласа илтрѣм. Унтан, 1971 сѣлта, илемлѣ те чаплѣ сыравсѣ, ѣмѣрех мухтава тивѣслѣ Влас Захарович Иванов-Паймен кулянса та куссулѣ юхтарса каласа пачѣ. Эпѣ те унпа пѣрлех сав тери хурлантам ун чух.

Влас Захарович ман патѣмра, Кейѣуре, ханараччѣ. 1922-мѣш сѣлта сап-самрѣк та паттѣр чаваш ачи Кейѣуре, Кейѣу таврашѣнчи Тараща, Богуслав, Мироновка местечкасенче пулнаскер, сав вырансене тепѣр хут курма килнѣччѣ.

Пуйасран ансан, тѣрем вырана тухрамѣр та, кѣрнеклѣ те сѣллѣ арсын — Паймен — Кейѣу сѣрѣ сине чѣркусленсе анса, ѣна чуптурѣ.

— Турра шѣкѣр! Умра — Шевченкопа Сѣспѣл сѣршывѣ! Самар чавашѣсем ячѣпе кунта килсе кайма Турѣ вѣй-хал та сывлѣх пачѣ. Пурнѣсѣмри пѣр вѣхѣтра ѣмѣрѣм те кѣскен татѣлѣ, унта-кунта тухса сѣуресси унпа пѣрлех пѣтѣ тенѣччѣ.

Ватѣлатпѣр имѣш. Сухала
Тантѣшсем кун сиктерсех хырассѣ.
Манѣн авѣ (чѣмѣртѣр алла!)
Арѣм сѣмѣлланчѣ — сын суралчѣ.
Сын суралчѣ, ман пѣрремѣш ывѣл!
Шелѣпи суралнѣ кун тата!
Кутамас ача, патвар та сывѣ
Чѣрѣк пѣт таять вѣт, тупата!
Микулай хурасшѣнчѣ ятне
Амѣшѣ, а эпѣ килѣшмерѣм.
Сывѣх туйѣнчѣ мана Сетнер
(Кѣсѣтенки Васильевич Сетнерѣ)...

Сак ытарайми савва вула-вула саванса, киленсе пурѣннѣ чух мана курайман элексѣсем «пулѣшнѣпе» сѣва карти хыснѣ чиксе хучѣс... Самар чавашѣн те сѣулѣ такѣр пулмарѣ-мѣн, ѣна та кусран сѣухатрѣс.

Каларѣм-сѣке, Турра шѣкѣр, терѣм. — Эп таврѣнтѣм, вѣл... пѣтрѣ.

Влас Паймен Янкас ҫинчен каланӑсемӗн, ӑна вӑл пӗрмай «Самар ҫавашӗ», «Самарта ҫуралса ӗснӗ ҫаваш сӑвӑҫӗ», «Ман Самарти пӗртен-пӗр тусӑм», – тени халь те асӑмра.

Нестер Янкас! Эп ӑна юлашки хут курнӑ чухне вӑл вӑтӑр иккӗречӗ. Эп – вунтӑххӑра та ҫитменчӗ...

Нестер Янкас! Ӑста-ши ун шӑмми-шакки?! Анчах кирек ӑста пулсан та – тӑпри ҫӑмӑл пултӑр.

Нестер Янкас! Пысӑк ҫын та пысӑк сӑвӑҫчӗ! Улӑп!

ИВАН МУЧИ ЎЫРНИСЕН ТУЛЛИ КАЛАРАМЁ ВАЛЛИ

Чавашсен кулашпа питлев классикё Иван Мучи ўырни-
сене туллин тишкермен, пёчёк хапалла хайлавёсене кёнеке-
сене кёртмен. Хаҗат-журналта пичетленнё хайлавёсем йышля:
тёрлё шўт, кулаш, тарахлав, шўткёч, валту пур. Пёрисене
пёр ятпа, теприсене тепринпе, нумайашне сайра пёрре тел
килнё самахпа ала пусна. Ала пусмасар каларнисем туллиех.

Мён кивелнё, мён кивелмен, хашне пухма юрать, хаш-
не шута илни те җителёклё? Сақ шухашсемпе тытантамар Иван
Илларионович Илларионов (Иван Мучи) ўырнисене шута
илме. Ўыравса хёрё Людмила Ивановна Фомина, Иван Мучи
аппашён ывалё хисеплё таврапёлўсё Александр Константи-
нович Константинов сақ ёсе хастар хутшанчёс. Людмила
Ивановна ашшён сан ўкерчёкёсене, ал ўыравёсене тата ун
җинчен аса илнисене пухса тирпейлерё, Чаваш патшалах
гуманитари аслайлахёсен институтён архивне упрама пачё.

А.К.Константинов таврапёлўсё Хусанта, Шупашкарта,
Чёмпёрте тата ытти хуласенче тухна хаҗат-журнала тепёр хут
пахса тухрё, Иван Мучи ўырнисене йалгах шута илсе пычё.
Нумай вахат тишкернё хыҗсан вал Мучи уса курна псев-
донимсен списокне турё. Ана тепчевсёсемпе пёрле сўтсе явса
җирёплетрёмёр.

Сапла вара, халё ала айёнче Иван Мучи ўырнисем тата
вал ўырна пулё тенисем пин ытла ят. Малтан кёнекесенче
мён-мён пичетленнине шута илтёмёр, унтан тёрлё җёрте
пёрремёш хут сўта курнисене, вахатне кура, хронологипе па-
лартса тухрамар. Танлашгарма лайах пултёр тесе кашни хайлава
мёнле ятпа ала пуснине тата вал пёрремёш хут аста пичетлен-
нине юпаласа катартна.

Тёслёх ыранне «Капкан» журналта тата ытти каларам-
сенче 1923–1932 сўлсенче пичетленнё библиографи катар-
машине паратпёр (415 ят).

В.П. Станьял

ИВАН МУЧИ СЫРНИСЕНЕ ШУТА ИЛНИ

КЁНЕКЕСЕНЧЕ ПИЧЕТЛЕННИСЕМ

1. *И.Илларионов. Комсомольская пасхальная заутреня: Инсценировка.* Чебоксары, 1924. С. 27.

Содержание: Предисловие. Пасха. — Инсценировка. Действующие лица. Товарищи крестьяне, вдумайтесь раз хоть, зачем крестьянину справлять пасху?

2. *И.Иллариус. Колхозра театр тавасси.* Редакторё Л.Агаков. Шупашкар, 1931.

Тупмалли: Ум сәмах; Сцена пайсәсем; Чаршав; Сцена хысё; Сцена сінчи сүтә; Декорацисем; Сукна; Декорацие сәрласа тавасси; Усә сывләштра спектакль лартасси; Сцена сінче төрлөрен сасәсем туса кәтартасси; Сцена сине тухмалли тумтир; Крим (грим); Бутафорипе реквизит; Юлашқинчен калани.

3. *Иван Мучи. Колхоз сүлне тухнә чух:* Сборник. М.— Самара, 1931.

Тупмалли: Кашәкран чашәк суралнә; Хәрушә кун; Виләмпе палашнә әтем; Тәрлай Вақки авланатә; Сәмөрт сәски сурәлсан; Колхоз уйәнче кун пек пулас сук та (юмах); Промфинплан; Ку пулнә 1940 сүлта.

4. *Иван Мучи. Хөрлө кулш (калавсем).* Редакторё Л.Агаков. Шупашкар, 1931.

Тупмалли: Сойәна юратса сьратәп; Хәрушә кун; Путақанән уләм пөрчи; План!..План!..Хурах! хут вөрентессё; Трактор сурти; Ача суралнә каç (советла юмах); Сичё сыру; Кәшкәру палли; Виçё калав; Вырән сінчен...; Энтип сывәракан арәмё сүмәнчен...; Тухтәр мунча кәни; Пәрса; Чире ертекен тилпөрен; Сёлкеш кәмәлпа; Хәнчапа хәсан; Ләпкә чөре те хаярланатә; Сысна валли механизаци.

5. *Иван Мучи. Кулә-юмах — сүллә сәмах.* Редакторё С.Фомин. Техн. редакторё Н.Янкас. Шупашкар: Чәв. кән. изд-ви, 1936.

Тупмалли: Пәрса; Кашәкран чашәк суралнә; Көрхи кунсенче пулса иртнә тамаша; Хәрушә кун; Хурах! хут вөрентессё; Трактор сурти; Промфинплан; Ләпкә чөре те

хаярланать; Ехрем уявё; Иккёшён икё чёлхе пулнă; Сурал-нăранпа 125 сұл тултарнă хыçсăн кунта килнё Гоголь; Зояна юратса сьратăп; Сысна валли майланă механизаци; Пёр вырăнта тапăртатни.

6. *Иван Мучи. Кулайшла калавсем.* Редакторё С.В. Эльгер. Шупашкар: Чăв. кĕн. изд-ви, 1940.

Тупмалли: Сук тарăсен «Сук ту» сінчи конференцийё; Мёскĕн Упанкка; Шăнтакан; Тёшмёш чăпти; Чёнмен «хăнасем»; Йăлай Йăкăначё; Пыллă чёлхе; Хут хутаç; Кукамай сьвărмасть; Шыракан тупаймарё; Сирём сұлтан.

7. *Иван Мучи. Калавсем.* Редакторё С.Эльгер. Шупашкар: Чăв. кĕн. изд-ви, 1947.

Тупмалли: Чышкă тытăмё; Хурăнлă сұл; Кёрхи кунри тамаша; Кашăкран чашăк суралнă; Тёшмёш чăпти; Юлашки уявсă; Йăлай Йăкăначё; Пыллă чёлхе; Промфинплан; Шăнтакан; Чёнмен «хăнасем»; Вунă хут виç те пёрре кас (Юлташ каласа кăтартни); Макар Сидорович; Зояна юратса сьратăп; Сысна валли майланă механизаци; Йётем сінче; Стариксем; Ыран; Тавăрпи (юмах).

8. *Иван Мучи. Кёске калавсем.* Редакторё Хёветёр Уяр. Шупашкар: Чăв. кĕн. изд-ви, 1955.

Тупмалли: Кёрхи кунри тамаша; Телейём сук; Пёр вырăнта тапăртатни; Вунă хут виç те пёрре кас; Паллакансемех; Пулăсăна ылтăн пулă; Вăхăтлăха сётнё пуç; Зав. «Кунти сын»; Сил арманё; Макар Сидорович; Хушамат; Хăратакан; Кукамай сьвărмасть.

9. *Иван Мучи. Суйласа илнисем.* Хёветёр Уяр пухса хатёрленё. Шупашкар: Чăв. кĕн. изд-ви, 1960.

Тупмалли: Иван Мучи. Хветёр Уяр статйи; Чышкă тытăмё; Турă ячёпе, патша хушнипе; Тёшмёш чăпти; Кёрхи кунри тамаша; Пăрса; Хăнчапа хăсан; Чее Еххём; Телейём сук: Хурах! хут вёрентессё; Трактор сурти; Пёр вырăнта тапăртатни; Мёскĕн Упанкка; Ача суралнă кас; Юлашки уявсă; Вунă хут виç те пёрре кас; Сысна валли майланă механизаци; Хурхух; Асаплă сăмахсем; Шăмăсар япала; Шăнапа каласни; Ирёксёрех ёслемелле; Икё вёслё; Ас-тăн пирки; Таватă стеналлă тёнче; Ёненмерёс; Паллакансемех; Коммунхоз «ырлăхёпе»; Пулăсăпа ылтăн пулă; Вăхăтлăха сётнё пуç; Зав. «Кунти сын»; Сил арманё; Макар Сидорович; Хушамат; Хăратакан; Чёнмен хăнасем; Йăлай Йăкăначё; Промфинплан; Пыллă

чѣлхе; Хут хутаҫ; Кукамай ҫывӑрмасть; Шыракан тупаймарё; Специалистсем; Йѣтем ҫинче; Кӑмӑллӑ старик; Тавӑрпи (юмах); Ыран; Фотограф; Пианино; Салтыков-Щедрин тата Вильгельм Эльман; Хыпар ӑстисем; Фрицсен Эрни; С.Данилов (Аса илӑсенчен); Юратнӑ писатель; Иван Мучин уйрӑм пичетленсе тухнӑ кӑнекисем.

10. *Иван Мучи. Тавӑрпи. Юмах.* Редакторё И.Григорьев. Шупашкар: Чӑв. кӑн. изд-ви, 1961.

11. *Иван Мучи. Кулашла калавсем.* П.Н.Метин пухса хатӑрленӑ. Редакторё Р.В.Бродкина. Шупашкар: Чӑв. кӑн. изд-ви, 1982.

Тупмалли: Чышкӑ тытамё; Турӑ ячӑпе, патша хушнике; Тӑшмӑш чӑпти; Йӑҫӑ курка; Хӑнчапа хӑҫан; Чахуткӑ пуҫлаҫсен пуххинче; Мӑскӑн; Юлашки уявҫӑ; Пӑрҫа; Чире ертекен тилпӑрен; Ҫаварнири шуйтансем; Ылтӑн витри; План!.. План!.. План!..; Ҫичӑ ҫыру; Хурах! хут вӑрентеҫҫӑ; Ача ҫуралнӑ каҫ; Кӑрхи кунри тамаша; Хӑрушӑ кун; Промфинплан; Чее Еххӑм; Сысна валли майланӑ механизаци; Телейӑм ҫук; Трактор ҫурти; Зойӑна юратса ҫыратӑп; Кӑшкӑру палли; Пӑчченех юлнӑ; Ачин ачи; Пӑр вырӑнта тапӑртатни; Ҫуралнӑранпа 125 ҫул тултарнӑ хыҫҫӑн кунта килнӑ Гоголь; Килти экзамен; Тавӑрса пӑхсан; Мулаххай тӑхӑнмашкӑн тунӑ пуҫ; Вун икӑ тӑван; Асаплӑ ҫамахсем; Ҫӑмӑл чѣлхе; Иккӑшӑн икӑ чѣлхе пулнӑ; Шӑмӑсӑр япала; Сум та пилӑк пус; Шӑнтакан; Мӑскӑн Упанкка; Ёненмерӑс; Тӑватӑ стеналӑ тӑнче; Йӑлай Йӑкӑначӑ; Пыллӑ чѣлхе; Ирӑксӑрех ӑҫлемелле; Икӑ вӑҫлӑ; Коммуноз «ырлахеҫе»; Аса илӑ; Зав; Хушамат; Улшӑнман; Пысӑк; Лайӑх эмел; Шикленни; Ятлӑ ҫыншӑн; Асатте экспонатсем; Макар Сидорович; Самӑртакан чир; Кукамай ҫывӑрмасть; Специалистсем; Шыракан тупаймарё; Тӑлне пӑлмен кушак; Хур кайӑкпа кӑвакал; Упӑте, ашак, качака таки тата упа; Ашшӑпе ачисем; Тутлӑ калаҫу; Ҫӑланса юлчӑ; Кӑске доклад; Вӑсем пӑлӑҫҫӑ; Ҫил арманӑ; Пулӑ ҫурӑмӑ; Пулӑҫпа ылтӑн пулӑ; «Кунти ҫын»; Сухӑрлӑ сӑр; Йѣтем ҫинче; Салтыков-Щедрин тата Вильгельм Эльман; Хыпар ӑстисем; Фрицсен Эрни; Пианино; Кӑмӑллӑ старик; Фотограф; Ыран; Тавӑрпи; Хӑрлӑ ҫамартапа Хӑрлӑ Ялав; Кирпӑчпе строительсем; Те юмах, те чӑн пулни; Темтепӑрсемпе уҫӑ курни; Харсӑр комбайн; Парижри юмахсем; Ашран тунӑ пропаганда; Капитал кив ҫулӑ; Иван Мучи ҫинчен Хӑветӑр Уяр.

12. *Иван Мучи. Катка хысёнчи этем.* Пухса хатёрлекенё Н.И. Иванов. «Капкән» библиотеки, 4 №. Шупашкар, 1983.

Тупмалли: Пурәнать Иван Мучи (Хветёр Уяр); Пичче; Юмәс хысёсән; Мён тусан мён пулать; Энтип Павалё; Йәләх-таракан; Шыракан тупать; Платник ятне илтни; Градусник; Телейсёр сын; Вәрсә пирки; Кушака – куля, шәшиё – макра; Вёсё-хёррисёр каласу; Вырәсла-чәвашла сын; Шур мамәк пек юр сиче; Пәтратакан; Тёрлө сәлтавсемпе янә сырусем; Уйәх тытакан; Кирпёчпе строительсем; Сәвар хушин сиес килет; Сәлтавсем пысәк; Таюххапа Паюхха; Юрату; Кәткә хысёнчи этем; Урана асаплантармалли; Пултаруллисем; Квас сәлчө; Түме; Семсе келеллә атә; Лайәх май; Мән сухал; Асатте экспоначөсем; Мәрье; Усәллә сөнү; Кулас килет; Пуса килнө шухәшсем; Сутмалли юмахсем; Капкән словарё.

ИВАН МУЧИН ХАҢАТ-ЖУРНАЛТА
ПИЧЕТЛЕННЁ ХАЙЛАВЁСЕМ

«Капкән» журналта тухнисем

№	Хайлав ячө	Алә пуснә ячө	Пичетленнө кәларәмө
1.	Веселая пара (фельетон)	Иллариус	Красное жало, 1923
2.	Турә саккунёпе	Пох ослов	Капкән, 1925, 1
3.	Кусакин Ялта ячейка усни	Й.Й.	Капкән, 1925, 1
4.	Йәван Мучи вәлтине	Йәван Мучи мыскарасә	Капкән, 1925, 2
5.	Төттөм касри "Юрәхсәр" ятлә кооператив членөн дневникө	Сырса илнө Йәван Мучи	Капкән, 1925, 2
6.	Мункун типпинче	Йәван	Капкән, 1925, 2
7.	Пупән сусө те вәрәм, әсө те "вәрәм"	Йәван	Капкән, 1925, 2
8.	Светгуй шывпа сут тәвакансем		Капкән, 1925, 2

9.	Ҙветгуй сывләша йёме Ҙёлесе	Ййван	Капкән, 1925, 2
10.	ВыҘа хырам	Ййван	Капкән, 1925, 3
11.	Ййван мучин кайәк карти	Ййван Мучи	Капкән, 1925, 3
12.	Каланә - тунә	мыскараҘә Ййван Мучи	Капкән, 1925, 2
13.	Капкән задачисем		Капкән, 1925, 2
14.	Капкәна Ҙакланнисем	КапкәнҘә	Капкән, 1925, 3
15.	Задачәсем	И ³	Капкән, 1925, 3
16.	УлталарёҘ	Илтекен	Капкән, 1925, 3
17.	"Капкән" тусёсен Ҙыравёсем	Ййван Мучи	Капкән, 1925, 3
18.	Шупашкар хули (историпе географи)	Ййван Мучи	Капкән, 1925, 4
19.	Анкета	Алиппий Петрович Петровский	Капкән, 1925, 4
20.	Пахча ҘимёҘ картинчи курак ҘимёҘсем	Ййван Мучи	Капкән, 1925, 4
21.	Задачәсем	пахчаҘә И ³	Капкән, 1925, 4
22.	Иван мучисем паян капкәна Ҙакланнә	КапкәнҘә	Капкән, 1925, 5
23.	Капкәнскоп	Ййван Мучи	Капкән, 1925, 5
24.	"Чаплә хёр-учитель Стефенсон"	КапкәнҘә	Капкән, 1925, 5
25.	Пёчёк калаҘусем	Утик	Капкән, 1925, 5
26.	Сутмалли юмахсем	Ййван мучи	Капкән, 1925, 6
27.	Выләх-чёрлёх Ҙыравёсем	мыскараҘә Ййван мучи	Капкән, 1925, 7
28.	Ҙичё кукки	мыскараҘә Ййван мучи	Капкән, 1925, 7
		Ҙырса илнё	

29.	ЗАГС кёнекисенчен сырса илнисем	Ййаван мучи сырса илнё	Капкйан, 1925, 7
30.	Хййне хйй улталакан	Утик	Капкйан, 1925, 7
31.	Сйямйр кйурекенсем	Утик	Капкйан, 1925, 7
32.	Усйллй обйявленисем	Лариван Ййаванё	Капкйан, 1925, 7
33.	Наукйапа техника	Ййаван Мучи	Капкйан, 1925, 8
34.	Ача ашшё	Пекемот (Бегемот)	Капкйан, 1925, 8
35.	Усал сынпа сйхланиччен упапа сйхлан	Сйавах	Капкйан, 1925, 8
36.	Пёчёк ачасен каласу	Утик	Капкйан, 1925, 8
37.	Сёне капкйансй	Кёсёен Ййаван Мучи	Капкйан, 1925, 8
38.	Кёсёен Ййаван Мучине хирёс (йуптару)	Ййаван Мучи	Капкйан, 1925, 8
39.	Улхаш пурнйёсё (Аслй сул сйнче тупнй сйру)	Капкйансй	Капкйан, 1925, 8
40.	Икё майлй Микул турй	Утик	Капкйан, 1925, 8
41.	Хйрушй япала	Ййаван мучи	Капкйан, 1925, 9
42.	Пуянпа чухйан	Утик	Капкйан, 1925, 9
43.	"Капкйан" вулакансен частушкисем	Мами	Капкйан, 1925, 9
44.	Ялсовет отчечё	99 №	Капкйан, 1925, 9
45.	Стена хасачё	М.	Капкйан, 1925, 10
46.	Вичкён йслй пулни пётерчё	Ййаван Мучи сырса илнё	Капкйан, 1925, 10
47.	Тёттём ялйан календарё	Ййаван Мучи	Капкйан, 1925, 10
48.	Аслй сын	Утик	Капкйан, 1925, 10
49.	Суйлав пуххинче	Утик	Капкйан, 1925, 10

50.	Типё тытни	Утик	Капкӑн, 1925, 10
51.	Ўхетрӗҫ.Хуйхӑ... (калаҫусем)	Мами	Капкӑн, 1925, 10
52.	Ваттисем каланӑ сӑмахсем	Мами	Капкӑн, 1925, 10
53.	"Капкӑн" килнӗ вӗт яла (сӑвӑ)		Капкӑн, 1926, 1 (11)
54.	Ўлли тулса ҫитнӗ	Мами	Капкӑн, 1926, 1 (11)
55.	Тӗшмӗшле ҫынсем	Йӑван Мучи	Капкӑн, 1926, 1 (11)
56.	Ўнӗ ҫул каҫ юмӑҫ пӑхни	Йӑван Мучи	Капкӑн, 1926, 1 (11)
57.	Ентип Павӑлӗ	М-и	Капкӑн, 1926, 1 (11)
58.	Пур енчен те айӑплӑ	Утик	Капкӑн, 1926, 1 (11)
59.	Раштав хыҫҫӑн халӑх сутне пынӑ заявленисем	Йӑван Мучи ҫырса илнӗ	Капкӑн, 1926, 1 (11)
60.	Елхерей хуйхи	Утик	Капкӑн, 1926, 1 (11)
61.	Капкӑн словарӗ	Йӑван мучи мыскараҫӑ	Капкӑн, 1926, 2 (12)
62.	"Капкӑн" килнӗ вӗт яла (сӑвӑ)		Капкӑн, 1926, 2 (12)
63.	Сӑпаҫипӑ кукукне (сӑвӑ)		Капкӑн, 1926, 1 (11)
64.	Милиципе чее лаша вӑрри	Утик	Капкӑн, 1926, 2 (12)
65.	Йӑлӑхтаракансем	М-и	Капкӑн, 1926, 2 (12)
66.	Сысна	Йӑван мучи	Капкӑн, 1926, 2 (12)
67.	Пичче	И.	Капкӑн, 1926, 2(12); 1985, 18
68.	Чее ҫын	Утик	Капкӑн, 1926, 2 (12)
69.	Пасарта	Иван Мучи	Капкӑн, 1926, 2 (12)

70. Капкӑн задачисем		Капкӑн, 1926, 2 (12)
71. Асӑнмалли каҫ		Капкӑн, 1926, 2 (12)
72. Хваттер аван	Мами	Капкӑн, 1926, 3 (13)
73. Мӑнле майпа пуяс?	Йӑван Мучи	Капкӑн, 1926, 3 (13)
74. Кӑске биографи	Чӑваш крокодилӑ	Капкӑн, 1926, 3 (13)
75. Ҫӑнӑ сӑнавсем	И.	Капкӑн, 1926, 3 (13)
76. Лайӑх та, питех те		Капкӑн, 1926, 4 (14)
77. Ухутара курни-илтни	Йӑван Мучи	Капкӑн, 1926, 4 (14)
78. Ялсенчи бабушкӑсем	М.И.	Капкӑн, 1926, 4 (14)
79. Хавасланаканпа кичем ҫын И.	И.	Капкӑн, 1926, 4 (14)
80. "Капкӑн" хуҫи ту ҫинче		Капкӑн, 1926, 4 (14)
81. Приказ тӑрӑх ӗҫлеме вӑреннӑскерсем	Чӑваш крокодилӑ	Капкӑн, 1926, 4 (14)
82. Капкӑн чӑлхи (12 заметка)		Капкӑн, 1926, 4 (14)
83. Капкӑнӑн Ҫар Соломонӑ		Капкӑн, 1926, 5 (13)
84. Кооператив задачисем	Профсоюз ҫынни	Капкӑн, 1926, 5
85. Курорт	Утик	Капкӑн, 1926, 5 (15)
86. "Ҫылӑхсӑр" вӑрӑ ("Чиркӑре")	Тӑрна е Мами	Капкӑн, 1926, 5 (15)
87. Капкӑнӑн Ҫар Соломонӑ	Тӑрна Йӑванӑ	Капкӑн, 1926, 5 (15)
88. Хыснаран вӑрлӑх паракан председатель	Тӑрна	Капкӑн, 1926, 5 (15)
89. Еропланпа вӑҫсе ҫӑрени	Йӑван Мучи	Капкӑн, 1926, 5 (15)

90. Шухă Йăван	Йăван Мучии	Капкăн,
1926, 6 (16)
91. Чѣлхесѣр чѣлхесем		Капкăн,
1926, 6 (16)
92. Ревизи туса сурени	Йăван Мучи	Капкăн,
1926, 6 (16)
93. Капиталăн чăн-чăн символѣ Иоан атте		Капкăн,
1926, 6
94. Хулари мещенла сынсен
кунѣ	М.	Капкăн,
1926, 7 (17)
95. Телейлѣ сун	Хам	Капкăн,
1926, 6
96. Ханчапа хăсан	М.	Капкăн,
1926, 7 (17)
97. Халапсем	И.	Капкăн,
1926, 7 (17)
98. Выльăх-чѣрлѣх тухтăрѣ
этемсене панă канаш	Йăван Мучи	Капкăн,
1926, 7 (17)
99. Хыткан Хветке авланни	Йăван Мучи	Капкăн,
1926, 7 (17)
100. Мел тупнă	Мами	Капкăн,
1926, 7 (17)
101. Вулакансем	М.	Капкăн,
1926, 7 (17)
102. Пуса килнѣ шухăшсем	М.	Капкăн,
1926, 8
103. Чаплă ревизи	Тăрна	Капкăн,
1926, 8 (18)
104. Тирпейлѣх режимѣ ялта	Мами	Капкăн,
1926, 8 (18)
105. Паллă документ	Мами	Капкăн,
1926, 8 (18)
106. Паллă дневник	Йăван Мучи	Капкăн,
1926, 8 (18)
107. Тирпейлѣх саввисем	Мами	Капкăн,
1926, 8 (18)
108. Йывăр ѳсех мар	Утик	Капкăн,
1926, 8 (18)
109. Сур-сапаллă хѣвел
саврăнăш	Утик	Капкăн,
1926, 8 (18)

110. Ветски вырăссен эртелё	И.	Капкăн, 1926, 9 (19)
111. Промысла эртелёсемпе ял хуҗалăх пёрлешёвёсем	И.	Капкăн, 1926, 10 (20)
112. Ватгисем калани вырăнлă	Мами	Капкăн, 1926, 10 (20)
113. Тёлёк асти	Тёлёк асти Йăван Мучи	Капкăн, 1926, 11 (21)
114. Капкăн илекенён юрри (сăвă)	Йёплё Чăваш	Капкăн, 1926, 11
115. Амбулаторинче	Утик	Капкăн, 1926, 11
116. Вёренни җутă	Йăван Мучи	Капкăн, 1926, 12 (22)
117. Ситър Ваҗли эрех пăрахни	Мами	Капкăн, 1926, 12 (22)
118. Чудă (сăвă)	Йăван Мучи	Капкăн, 1926, 12 (22)
119. Хулиган	Илсарай	Капкăн, 1926, 12 (22)
120. Памётник	М.	Капкăн, 1926, 12 (22)
121. Ёҗсёр аптранă чухнехи шухăшсем		Капкăн, 1926, 12
122. Ватгисен сăмахне итлеме юратаканскер	М.И.	Капкăн, 1926, 13
123. Пит кулăшла	Утик	Капкăн, 1926, 12 (22)
124. Иккён пёртаван	Утик	Капкăн, 1926, 13 (23)

125. Местком чаплă ёҫленё	Мами	Капкăн, 1926, 13 (23)
126. Хальхи ваттисен сăмаххисем	Мучи	Капкăн, 1926, 13 (23)
127. Вут кăварлă юрату	М-и	Капкăн, 1926, 14 (24)
128. Пуҫа килнё шухăшсем		Капкăн, 1926, 14
129. Сыснаран сурăх пулмасть		Капкăн, 1926, 14
130. Тёлек куртăм	Йăван Мучи	Капкăн, 1926, 14
131. Эпё мыскара курса ҫўрени (вёҫё пулать)	Чăваш Крокодилё	Капкăн, 1926, 14
132. Юмăҫ пётерчё (Юмăҫ хыҫҫăн)	Илсарай	Капкăн, 1926, 15
133. Эпё мыскара курса ҫўрени (вёҫё)	Чăваш Крокодилё	Капкăн, 1926, 15
134. Йёпе ҫанталăк ҫинчен	Йăван Мучи	Капкăн, 1926, 16
135. Пуҫа килнё шухăшсем		Капкăн, 1926, 16
136. Улпут Улпутович Улпутăв	Йăван Мучи	Капкăн, 1926, 17
137. Юмăҫ карчăк (сăвă)	Мами	Капкăн, 1926, 17; Канаш, 1922, 1 авг.
138. Мён тусан мён пулать	Йăван Мучи	Капкăн, 1926, 17
139. Хăмăйтласем ҫинчен	М.	Капкăн, 1926, 17 (27)
140. Чаплă Авруйски	Мами	Капкăн, 1926, 17 (27)

141. Пуҫа килнӗ шухӑшсем		Капкӑн, 1926, 17 (27)
142. Мытарниксем (Пултаруллисем)	Илсарай	Капкӑн, 1926, 18
143. Тӗлӗнмелле япаласем	Мами	Капкӑн, 1926, 19 (29); Канаш, 1925, 18 окт.
144. Призыв умӗн	Утик	Капкӑн, 1926, 19 (29)
145. Кин пурнӑҫӗ	Мами	Капкӑн, 1926, 19 (29)
146. Авиаци ҫинчен (Ӑс пур ҫынсем валли тунӑ)	Йӑван Мучи	Капкӑн, 1926, 19 (29)
147. Пурнӑҫри халапсем	Йӑван Мучи	Капкӑн, 1926, 19 (29)
148. Наукӑсем	Йӑван Мучи	Капкӑн, 1926, 20 (30)
149. Тавсиа		
150. Капкӑнкорсен ҫырӑвӗсем	Йӑван Мучи	Капкӑн, 1926, 21 (31)
151. Иоанн пӗлӗт ҫине ҫӗкленни	Йӑван Мучи	Капкӑн, 1926, 22 (32)
152. Очишенӑйпе сӑмакун хутӑштарни	Куракан	Капкӑн, 1926, 22 (32)
153. Писательсемпе журналистсем хушшинче	М.	Капкӑн, 1926, 22 (32)

154. Ёсёр аптранă чухнехи
шухăшсем	М.	Капкăн,
1926, 22
(32)
155. Сёне кёске юмахсем
(вёсё пулать)		Капкăн,
1926, 22
(32)
156. Пит кулайшла	Утик	Капкăн,
1926, 22
(32)
157. Вёскен сын вёсни	Мами	Капкăн,
1926, 23
158. Вырасла чăвашла сын	Йăван Мучи	Капкăн,
1926, 23
159. Пуса килне шухăшсем	М-и	Капкăн,
1926, 23
160. Сёне кёске юмахсем
(пусламăшĕ иртне номерте)		Капкăн,
1926, 23
(33)
161. Пысăк тавлашу
(Сёне стильпе кивĕ стиль)	Мами	Капкăн,
1927, 1 (34)
162. Капкăн архивĕ		Капкăн,
1927, 1
163. Уйрам сутăса патенче	Утик	Капкăн,
1927, 1 (34)
164. Капкăн хроники		Капкăн,
1927, 1
165. Пуса килне шухăшсем	Й.	Капкăн,
1927, 1 (34)
166. Тупмалли юмахсем		Капкăн,
1927, 1 (34)
167. Сёр управленийĕ - приют
мар	М.	Капкăн,
1927, 1 (34)
168. Тапкăпа, тапкăпа		Капкăн,
1927, 1 (34)
169. Пуса килне шухăшсем	И.	Капкăн,
1927, 2 (35)
170. Ман еванкели	Иоанн Мучи	Капкăн,
1927, 2
171. Тўрех пелёт сине	Утик	Капкăн,
1927, 2

172. Пёр хёраpам сыpавё	Й.М.	Капкән, 1927, 2
173. Шкулта		Капкән, 1927, 2
174. Пёр подписчик курни- илтни		Капкән, 1927, 2
175. Хёллехи санталак	Мами	Капкән, 1927, 3 (36)
176. Чаваш сёр-шывён Тёп "Капкән" комиссинче февралён 12-мёшёнче мёнле ёссем пәхса тухнә? Мёнле решени йышәннә	Тёп "Капкән" комиссин секретарё Йаван Мучи	Капкән, 1927, 3 (36)
177. Чаваш ваттисем калани тёрёс мар	Ил-в	Капкән, 1927, февраль, 3 (36)
178. Тапкәпа, тапкәпа		Капкән, 1927, январь, 1
179. Тапмалли юмахсем		Капкән, 1927, 1
180. Укса ярсан "Капкән" пулать		Капкән, 1927, 3
181. Капкән сыpавё (савя)		
182. НОТ пирки	Мами	Капкән, 1927, 4 (37)
183. Пуса килнё шухайсем		Капкән, 1927, февраль, 4
184. Йётён вәрри	Чаваш крокодилё	Капкән, 1927, 4
185. Вырәнтан вырәна кузма юратакансем	Илсарай	Капкән, 1927, 4
186. Пирён план	Йаван Мучи	Капкән, 1927, март, 5 (38)
187. "Капкән" хуси юбилей кунне		Капкән, 1927, март, 5 (38)

188. Тăхър телей заповечёсем		Капкăн, 1927, март, 5 (38)
189. Хресчен календарё	М.И.	Капкăн, 1927, март, 5 (38)
190. Капкăн словарё	М-и	Капкăн, 1927, март, 5 (38)
191. Анкета		Капкăн, 1927, март, 5 (38)
192. Капкăн хроники		Капкăн, 1927, март, 5 (38)
193. Мур арăмё	Утик	Капкăн, 1927, март, 5 (38)
194. Хăлха пуррисем илтёр, суккисем сынтан Ыйтса пёлёр	Утик	Капкăн, 1927, март, 5 (38)
195. "Капкăн" журнал историйё		Капкăн, 1927, март, 5 (38)
196. Телейсёр мăшăр	Мами	Капкăн, 1927, 6 (36)
197. Телейсёр сын	Йăван Мучи	Капкăн, 1927, 7 (40)
198. Тёрлё пăнчă пухăвёнчен	Чăваш крокодилё	Капкăн, 1927, 7 (40)
199. Вун икё сураллă сысна	Мами	Капкăн, 1927, 7 (40)
200. Пуса килнё шухăшсем		Капкăн, 1927, 7 (40)
201. "Мăнкунта юрать"	Мами	Капкăн, 1927, апрель, 8
202. Сёнсёр вёрене шăхлич тыттарчё	Илсарай	Капкăн, 1927, 8
203. Пуса килнё шухăшсем		Капкăн, 1927, 8

204. Кёске юмахсем	И.	Капкән, 1927, май, 9
205. Чёлхе пирки пуҫа килнӗ шухайшем	Йаван Мучи	Капкән, 1927, 9
206. Уй куҫла, вӑрман хӑлхалла	Ив.М-и	Капкән, 1927, 9
207. Писательсем	Ҫавах	Капкән, 1927, 9
208. Тавар хакӗсем мӗншӗн ҫителӗксӗр йӱнелмесӗ	Йаван Мучи	Капкән, 1927, 10
209. Кичем вӑхӑт	Йаван Мучи	Капкән, 1927, 10
210. Пуҫа килнӗ шухайшем		
211. Амбулаторинче	Утик	Капкән, 1927, июнь, 11
212. Ял тӑнланасшӑн мар	Иван Мучи	Капкән, 1927, 11
213. Урӑх хваттер кирлӗ	Ҫырса илнӗ Мами	Капкән, 1927, 11
214. Йӗплӗ ҫамах хыптаратӑп		Капкән, 1927, 11
215. Пуҫа килнӗ шухайшем		Капкән, 1927, 11
216. Хак хӑпартнипе йӱнетни	Йаван Мучи	Капкән, 1927, июнь, 12
217. Пуҫа килнӗ шухайшем		Капкән, 1927, 12
218. Ҫакӑн чухлӗ парне памалла	И.	Капкән, 1927, 11
219. Ёҫсӗр аптранӑ чухнехи шухайшем		Капкән, 1927, 11
220. Пуҫа килнӗ шухайшем (канӑ вӑхӑтри ҫынӑн шухайшӗсем)	Йаван Мучи	Капкән, 1927, 1
221. Йӗплӗ ҫамах хыптаратӑп		Капкән, 1927, 13

222. Градусник	Иван Мучи	Капкән, 1927, 13
223. Платник ятне илни	Мами	Капкән, 1927, июль, 14
224. Йёплё ҫамах хыптаратӓп		Капкән, 1927, 14
225. Чённи	Йӓван Мучи	Капкән, 1927, 14
226. Юман сысна айёнче (сӓвӓ)		Капкән, 1927, 14
227. Редакция янӓ ҫыру	Турӓсӓр Иван	Капкән, 1927, август, 15
228. Йёплё ҫамах хыптаратӓп		Капкән, 1927, 15
229. Пуҫа килнё шухӓшсем		Капкән, 1927, 15
230. Мён пулсан мён пулассине сӓнани	Йӓван Мучи	Капкән, 1927, 15
231. Капкӓн хыпарёсем		Капкӓн, 1927, 15
232. Капкӓн юрри (сӓвӓ)		Капкӓн, 1927, 15
233. Ёсен-пулан япала	Йӓван Мучи	Капкӓн, 1927, август, 16
234. Пуҫа килнё шухӓшсем		Капкӓн, 1927, 16
235. Йёплё ҫамах хыптаратӓп		Капкӓн, 1927, 16
236. Пӓрҫа	Мами	Капкӓн, 1927, сентябрь, 17; Илем, 3
237. Пахчара ёснё шухӓшсем		Капкӓн, 1927, 17
238. Кушака - кулӓ, шӓйшие - макра	Илсарай	Капкӓн, 1927, 17

239. Ман выставка	Капкӑнҫӑ Йӑван	Капкӑн, 1927, 17 (50)
240. Йӑплӑ ҫамах хыптаратӑп		Капкӑн, 1927, 17
241. Куҫ улталать		Капкӑн, 1927, 17
242. Юрату ҫинчен хӑй савнине кам мӑнле каласа пӑлтерет	Мами	Капкӑн, 1927, 17
243. Ҫӑмарта (дневникран)	М.	Капкӑн, 1927, 17
244. Капкӑн хыпарӑсем		Капкӑн, 1927, 17
245. Ача-пӑча - пурнӑҫ чечекӑ	Капкӑн	Капкӑн, 1927, 18
246. Шуйтан тытни	Иван Мучи	Капкӑн, 1927, 18
247. Йӑплӑ ҫамах хыптаратӑп		Капкӑн, 1927, 18
248. Сыснапа "Капкӑн"		Капкӑн, 1927, 18
249. Шур куракпа Рак	Людмилӑ (дочь Ивана Мучи.- А.К.)	Капкӑн, 1927, 19
250. Лапах пулӑ	Людмилӑ (дочь Ивана Мучи.- А.К.)	Капкӑн, 1927, 19
251. Перекетсӑр кӑнеке		Капкӑн, 1927, 19
252. Пур инкек те ҫавӑнтан	Людмилӑ	Капкӑн, 1927, 19
253. Вӑрҫӑ пирки	Мами	Капкӑн, 1927, 19
254. Йӑплӑ ҫамах хыптаратӑп		Капкӑн, 1927, 19
255. Йӑплӑ ҫамах хыптаратӑп		Капкӑн, 1927, октябрь, 20
256. Пӑрахӑҫа тухнӑ пушмак ҫырӑвӑсем	М.	Капкӑн, 1927, 20

258. "Никам та сѐнѐ эрехе кивѐ сӑнар хутаҫса тултармасть"	Ил-ус	Капкӑн, 1927, ноябрь, 21
259. Пуҫа килнѐ шухӑшсем		Капкӑн, 1927, 21
260. Хӑрхенӑр мана	Йӑван Мучи	Капкӑн, 1927, 22
261. Пуҫа килнѐ шухӑшсем		Капкӑн, 1927, 23
262. Капкӑн илӑр (сӑвӑ)		Капкӑн, 1927, 23
263. Шыракан тупатех	Йӑван Мучи	Капкӑн, 1927, 24
264. Сѐн ҫул кун уйӑх тытакан	Мами	Капкӑн, 1928, 1
265. Кам мӑн ҫинчен юмӑҫ пӑхать	Ив.М-и	Капкӑн, 1928, 1
266. Сурхури праҫнӑкне ирттерни	Маркка Лариванӑ	Капкӑн, 1928, 2
267. Улшуҫӑ (Мытарник)	Мами	Капкӑн, 1928, 2
268. Капкӑн хаҫачӑ	Йӑван Мучи	Капкӑн, 1928, 2
269. Сӑварнири шуйтансем	М-и	Капкӑн, 1928, 3
270. Нуша кулач ҫитерет	Илсарай	Капкӑн, 1928, 3
271. Тӑрлӑ сӑлтавсемпе янӑ ҫырусем	Иван Мучи	Капкӑн, 1928, 4
272. Редакцие килнѐ ҫыру	Хутсене пӑр- пӑрин ҫумне ҫӑлекен ҫӑвӑҫ	Капкӑн, 1928, 4 (61)
273. Шур мамӑк пек юр ҫинчен	Ив.М.	Капкӑн, 1928, 5 (62)
274. Йӑплӑ ҫӑмах хыптарӑп		Капкӑн, 1928, 5
275. Чӑваш республикинчи инвалидсен списки	Йӑван Мучи	Капкӑн, 1928, 5
276. Мӑнкун сӑри	Мами	Капкӑн, 1928, 6

277. Йёплё ҫамах хыптарӑп		Капкӑн, 1928, 6
278. Капкӑнинӑ		Капкӑн, 1928, 6
279. Пуҫа килнӗ шухӑшсем	Ив.	Капкӑн, 1928, 7
280. Ёлӗкхи анекдотсем хальхи вӑхӑтра		Капкӑн, 1928, 8
281. Йёплё ҫамах хыптарӑп		Капкӑн, 1928, 9
282. Чире ертекен тилпӗрен	Йӑван Мучи	Капкӑн, 1928, 11; 1931, Хёрлӗ кулӑш
283. Мӗншӗн утга тухмастӑр		Капкӑн, 1928, 11; 1982, Кулӑшла
284. Йёплё ҫамах хыптарӑп	Унти	Капкӑн, 1928, 12
285. Культура революци ҫинчен И. пуҫа килнӗ шухӑшсем	И.	Капкӑн, 1928, 13
286. Вуланӑ хыҫҫӑн хӑй шухӑшӗсене калани (10 сулхи ача шухӑшӗсем)	Йӑван Мучи	Капкӑн, 1928, 13
287. Ылтӑн витри	Йӑван Мучи	Капкӑн, 1928, 13
288. Пуҫа килнӗ шухӑшсем		Капкӑн, 1928, 14
289. Камшӑн каламаллине Кириллов хӑй пӗлет	У.	Капкӑн, 1928, 14
290. Йёплё ҫамах хыптарӑп	У.	Капкӑн, 1928, 14
291. Йёплё ҫамах хыптарӑп		Капкӑн, 1928, 15
292. Пуҫа кенӗ шухӑшсем		Капкӑн, 1928, 15 (72)

293. Прахут ҫинче	Хампа пулнă	Капкăн, 1928, 16 (73)
294. Йёплё ҫамах хыптарăп		Капкăн, 1928, 16
295. Тухтăр мунча кёни	Йăван Мучи	Капкăн, 1928, 17 (74)
296. Хастарлă ҫын	№	Капкăн, 1928, 17
297. Йёплё ҫамах хыптарăп		Капкăн, 1928, 17
298. Техник ас архивё		Капкăн, 1928, 17
299. Капкăн архивё		Капкăн, 1928, 17
300. Йёплё ҫамах хыптарăп		Капкăн, 1928, 18
301. Мёншён мухтать-ши куккук курака	№	Капкăн, 1928, 18
302. Пуҫа кёнё шухăшсем		Капкăн, 1928, 18
303. Мён кирлё	И.	
304. Суйма пултаракан ҫёнё царь Соломон	Оракал асти Йăван Мучи	Капкăн, 1928, 20
305. Ёмёрлёхе кайнă ҫынсен словарё	Мами	Капкăн, 1928, 21
306. Ял касакан ҫăваш чёлхи	Йăван Мучи	Капкăн, 1928, 21
307. Йёплё ҫамах хыптарăп		Капкăн, 1928, 21
308. Йёплё ҫамах хыптарăп		Капкăн, 1928, 23
309. Ыйтусемпе ответсем	И.	Капкăн, 1928, 23
310. Ҫёнё ҫул килни	Йăван Мучи	Капкăн, 1928, 24

311. Ҙёнё Ҙултан мён тумалли	М-и	Капкән, 1928, 24
312. Ҙёнё хыпарсем	И.	Капкән, 1928, 24
313. Ҙёнё 1929 Ҙулта тумалисене кәртса пани	Йәван Мучи	Капкән, 1928, 24
314. Ҙёнё Ҙул ячёпе хыптарәп йёплё Ҙамах		Капкән, 1928, 24
315. ПуҘа килнё шухәшсем		Капкән, 1928, 24
316. Ыйтусемпе ответсем	Справкә бюро пуҘләхё	Капкән, 1928, 24
317. Юрә	Мами	Капкән, 1928, 24
318. Капкән әмәртәвё	Капкән редакцияё	Капкән, 1929, 2 (83)
319. ПуҘа килнё шухәшсем	Капкән редакцияё	Капкән, 1929, 2
320. Тасату умёнхи шухәшсем	Капкән редакцияё	Капкән, 1929, 3
321. Кама килёшмест	Пёлентәран	Капкән, 1929, 4
322. Пёртен-пёр		Капкән, 1929, 5
323. Ҙуркунне умёнхи шухәшсем		Капкән, 1929, 5
324. Менельник саламё	Капкән	Капкән, 1929, 6
325. Мёне пёлтерет Ҙак япала	Капкән	Капкән, 1929, 6
326. Тўнтерле Ҙыхәнү	Утик	Капкән, 1929, 6
327. Илемлё хёрён илемлё сәмахёсем (юмах)	Йәван Мучи	Капкән, 1929, 8
328. "Капкән" календарё		Капкән, 1929, 7
329. Сыхлатәрах	М.	Капкән, 1929, 8

330. Кам хәсәтра мән сінчен
сырнине вулатъ		Капкән,
1929, 9
331. Ваттисем калани вырәнлә
пулнә		Капкән,
1929, 9
332. Йывар япаласем	М.	Капкән,
1929, 10
333. Әнланнә	М.И.	Капкән,
1929, 10
334. Кондратий Максимович
Ларивашкин тасату
комиссийә умәнче	Сәнакан	Капкән,
1929, 10
335. Чёрчунсем хушшинчи
бюрократсем	Зоологи
пәлекен Йәван
Мучи	Капкән,
1929, 11
336. Резолюцисемпе ўснә сәр
ёсә	Утик	Капкән,
1929, 11
337. Ача суралнә каç	Йәван Мучи	Капкән,
1929, 12
338. Оренбург Шупашкара
кусать	Утик	Капкән,
1929, 12
339. 5 пуху	Мами Пәчәр	Капкән,
1929, 12
340. Пытанчәк вёслә калавсем	Мами	Капкән,
1929, 12
341. Тукташ ямшәкә	Мами	Капкән,
1929, 12
342. Кама хәсан сәмах ситмест		Капкән,
1929, 13
343. Пионерпа канашласа
пәхман пирки	№	Капкән,
1929, 15
344. Пуса тәрәннә шухәшсем		Капкән,
1929, 15
345. Мәншән мухтатъ куккук
курака	№	Капкән,
1929, 15
346. Сухалчә сьләх	Йәван Мучи	Капкән,
1929, 16
347. Ләпкә чәре те хаярланать	Йәван Мучи	Капкән,
1929, 17
348. Аса илсе... тесе... мәншән
тесен	М.	Капкән,
1929, 18

349. Ҙақяр-тавар хире-хиреҘ	Йаған Мучи	Капқан, 1929, 19
350. Йеҗле Ҙамах хыпақансем		Капқан, 1929, 17
351. Октябрь 12 Ҙул тултарни Ҙинчен кам мён калать	И.	Капқан, 1929, 20
352. Ҙиче Ҙыру	Йаған Мучи	Капқан, 1929, 20
353. Йеҗле Ҙамах хыпақансем		Капқан, 1929, 20
354. Веҗлеме кирле истори	Мами	Капқан, 1929, 20
355. Каравул! Хут веҗентеҘе	Йаған Мучи	Капқан, 1929, 21
356. Хурах!		
357. Вилет пуль ёнтё	И-н	Капқан, 1929, 21
358. Милици праҗникё иртнё хыҘҘан	Ҙавантисемех	Капқан, 1929, 22
359. Икё палла Ҙын	Номер	Капқан, 1929, 22
360. 9 Ҙул тултарна ҘуланҘак	Исторёк	Капқан, 1929, 23
361. Шупаҗкарта Калуш ниҘта тупма	Неснакомай	Капқан, 1929, 23
362. План!..План!..План!..	Йаған Мучи	Капқан, 1929, 24
363. ЁҘеҗр аптрана чухнехи шухаҗсем		Капқан, 1929, 24
364. Ҙук тураҗен Ҙук ту Ҙинчи конференцийё	Йаған Мучи	Капқан, 1929, 24
365. Хаҗруша кун	Йаған Мучи	Капқан, 1930, 2
366. ИккаҘ Ҙыравеҗсем	ИккаҘ	Капқан, 1930, 3
367. Айваннипе аҗли	М.	Капқан, 1930, 3
368. Таҗрай Ваҗли авланать	Йаған Мучи	Капқан, 1930, 4

369. Тўшек җитти циркулярё	Циркуляр вуланәскер	Капкән, 1930, 4
370. Чее Еххём - (малтанхи ячё) Вилёмпе паллашнә этем	Йәван Мучи	Капкән, 1930, 5
371. Кун пек сынран сыхланәр	Йәван Мучи	Капкән, 1930, 6
372. Җәмөрт җеҗки җурәлсан	Йәван Мучи	Капкән, 1930, 7
373. Вёсен пичечё	Мами	Капкән, 1930, 8
374. Каннә вәхәтри шухәшсем		Капкән, 1930, 8
375. Җуркунне	Йәван Мучи	Капкән, 1930, 8
376. Пулни-иртнисен хроники	Мами	Капкән, 1930, 9
377. Документ - фельетон	И.	Капкән, 1930, 9
378. Туххи	Йәван Мучи	Капкән, 1930, 9
379. Төрёс мел	Паллакан җын	Капкән, 1930, 10
380. Чышкә тытәмё	Йәван Мучи	Капкән, 1930, 11
381. Суха умён (раешник)	Йәван Мучи	Капкән, 1930, 12
382. Тен, вәл ёҗ тухәҗләхне хәпартнә	Иван Мучи	Капкән, 1930, 13
383. Йёпле җәмах хыпакансем	Сәнакан	Капкән, 1930, 13
384. Каннә вәхәтри шухәшсем		Капкән, 1930, 14
385. Ухмах юмахё	Тәрән	Капкән, 1930, 14
386. Кашәкран чашәк җуралнә	Йәван Мучи	Капкән, 1930, 15
387. Ёҗёр документ	И.	Капкән, 1930, 15
388. Промфинплан	Йәван Мучи	Капкән, 1930, 16 (17)

389. Хёрлэ Чутай районёнчи "Капкән" колхозра	Большевикла салампа "Капкән"	Капкән, 1930, 18
390. Виçе калав	Йăван Мучи	Капкән, 1930, 21, 22, 20
391. Мён мёне пёлтерет		Капкән, 1930, 19
392. Сёре кўлме тăвар нима (сцена синче калама сырнă раешник)	Йăван Мучи	Капкән, 1930, 23
393. Сил майлă каякан пакша хўри	Йăван Мучи	Капкән, 1930, 23
394. Утарлă ёçлеме пултаракан пуçсем	Пёлекен	Капкән, 1930, 23
395. Шампа Михали Кăвапа Иванё патне янă сыру	№	Капкән, 1930, 23
396. Капитал кив сўлэ	Йăван Мучи	Капкән, 1930, 24
397. Кăмакари сасăсем	М.	Капкән, 1930, 24
398. Сурхи хут купăс (куплетсем)	Йăван Мучи	Капкән, 1930, 24
399. Мёншён мухтатъ-ши куккук курака?	№	Капкән, 1920, 18
400. Сўраки юрри (сăвă)	М-и	Капкән, 1931, 2
401. Илме йывăр позици	И.	Капкән, 1931, 3
402. Трактор сўрти	Йăван Мучи	Капкән, 1931, 7
403. Сойăна юратса сыратăп	Йăван Мучи	Капкән, 1931, 7
404. Йăлай Йăкăначён ирёлсе кайнă вай-халэ	Йăван Мучи	Капкән, 1931, 11
405. Ăна та хирёç, кăна та хирёç	Т-на	Капкән, 1931, 11
406. Тупмалли юмах	Търна	Капкән, 1931, 11
407. Пурне те чёнетёп (Клоунада) пьеса	И.Мучи	Капкән, 1931, 15-16

408. Капкӑн канцеляринче (пӑр пайлӑ музыклӑ сценкӑ)	Мами	Капкӑн, 1931, 15-16
409. Чӑпӑтекен такмаксем	Иллариус сӑвви	Капкӑн, 1931, 21
410. Калаҫу	М-и	Капкӑн, 1931, 22
411. Пӑчченех юлнӑ	М-и	Капкӑн, 1929, 1
412. Пӑртен-пӑр паттӑр		Капкӑн, 1929, 5
413. Ӑнланнӑ	М.И.	Капкӑн, 1929, 10
414. Ентип уявӑ	Йӑван Мучи	Капкӑн, 1932, 3-4
415. Ачин ачи	М.И.	Капкӑн, 1932, 3-4

А.К.Константинов хатӑрленӑ.*

* Константинов Александр Константинович (28.09.1926, Шупашкар районӑнчи Тойтерек ялӑ – 26.09.2002, Шупашкар хули) – хисеплӑ таврапӑлӑҫӑ (1998), Иван Мучи библиографӑ.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
--------------------------	---

Часть I

Доклады. Исследования

<i>Е.В.Ермилова.</i> Роль христианской культуры в становлении жанров чувашской литературы	8
<i>Ефимов.</i> О просветительской деятельности первых инспекторов чувашских школ Н.И.Золотницкого и И.Я.Яков – лева и их взаимоотношениях	45
<i>П.Н.Чичканов.</i> Кто он, «близкий Яковлеву человек?»	56
<i>Е.П.Михайлов.</i> Михаил Сеспель: неизвестная страница (апрель 1921 г.)	68
<i>Е.А.Лебедева.</i> Мифологический аспект поэмы «Арсури» М.Федорова	82
<i>М.Л.Копылова.</i> Жест в фольклорной традиции и его роль в процессе создания матрицы памяти.....	94
<i>А.Сорокина.</i> Влияние художественной литературы на нравственно – эстетическое воспитание личности.....	101
<i>Л.А.Слабаева.</i> Варианты государственной программы «Искусство вокруг нас»	108
<i>В.П.Станьял.</i> Чăваш юптарăвĕ (2005 çулхи акан 7-мĕшĕнче <i>М.С.Аттай юбилейне халалланĕ йĕслĕх ларăвĕнче каланинчен</i>)	114
<i>Е.А.Бондарев.</i> А.Д.Кăлкан юптарăвĕсен хайне евĕрлĕхĕ..	121
<i>В.В.Никифорова.</i> XX ĕмĕр вĕсĕнчи чăваш прозинчи сĕнĕ пулăмсем (1995–2000)	125

Часть II

Сообщения. Воспоминания. Библиография

<i>М.П.Желтов.</i> Архе – деяние как историческая память народа	154
<i>Е.В.Комарова, Г.Н.Николаева.</i> Чувашские имена дохристианского периода как память народа	157
<i>Е.Л.Ефимов.</i> Духовное наследие Н.И.Золотницкого.....	168
<i>К.П.Портнов.</i> Н.В.Никольский – последователь идей и дел Н.И.Золотницкого	174
<i>Г.Л.Никифоров.</i> А.С.Артемьев прозинчи сăнарлă чĕлке пуянлăхĕ («Алтăр сăлтăр» повесть тăрăх)	179
<i>А.Г.Исаева.</i> Воспоминания о Д.В.Исаеве.....	182
<i>П.Н.Чичканов.</i> «Вĕрен, ачам, вĕрен...» (Нестер Янкас синчен асăма килнĕ ўкерчĕксем)	195
<i>В.П.Станьял.</i> Иван Мучи сьрнисен тулли кăларăмĕ валли	213
<i>А.К.Константинов.</i> Иван Мучи ёырнисене шута илни (Библиография)	214

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

ФОЛЬКЛОРНОЕ
И ЛИТЕРАТУРНОЕ ОТРАЖЕНИЕ
ХУДОЖЕСТВЕННО – ЭСТЕТИЧЕСКОЙ
ПАМЯТИ НАРОДА

Редактор *В.А. Прохорова*
Худ. редактор *А.А. Трофимов*
Корректор *Г.И. Алимасова*
Верстка *Л.Н. Сапоговой*

Сдано в печать 03.11.06.

Формат 60x90^{1/16}.

Бумага офсетная.¹⁶

Гарнитура Times ET.

Печать оперативная.

Уч.-изд. л. 15,86.

Физ. печ. л. 15,0.

Тираж 300 экз.

Заказ № 13.

Чувашский государственный институт гуманитарных наук
428015, Чебоксары, Московский пр., д. 29, корп. 1.